СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

Фриан

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

Фриан
Москва
1996

НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

Фриан
Москва
1996

ББК 82.33
Н 50

Составитель
С. В. КОНСТАНТИНОВ

Художники
В. В. Синельщикова, А. П. Ерасов,
А. В. Бенедский, В. А. Никитин

Оформление серии
художника Б. Н. Юдкина

ISBN 5-7771-0003-1

© «Ариан», 1996 г., иллюстрации

Братья Гримм

Золушка

Заболела раз у одного богача жена и почувствовала, что конец ей приходит. Подозвала она свою единственную дочку к постели и говорит:

— Мое милое дитя, будь скромной и ласковой, и Господь тебе всегда поможет, а я буду глядеть на тебя с неба и всегда буду возле тебя.

Потом закрыла она глаза и умерла. Девочка ходила каждый день на могилу к матери и плакала, и была смирной и ласковой.

Вот наступила зима, и снег укутал белым саваном могилу, а когда весной опять засияло солнышко, взял богач себе в жены другую жену.

Привела мачеха в дом своих дочерей. Были они лицом

красивые и белые, но сердцем злые и жестокие. И настало тогда тяжелое время для бедной падчерицы.

— Неужто эта дура будет сидеть у нас в комнате? — сказала мачеха. — Кто хочет есть хлеб, пускай его заработает. А ну-ка, живей на кухню, будешь стряпухой.

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

— Поглядите-ка на эту гордую принцессу, ишь как вырядилась, — говорили они, смеясь, и отвели ее на кухню.

И должна она была там с утра до самого позднего вечера исполнять черную работу: вставать рано утром, носить воду, топить печь, стряпать и мыть. А кроме того, сводные сестры всячески старались как бы ее посильней огорчить — насмехались над нею, высыпали горох и чечевицу в золу, и ей приходилось сидеть и выбирать их оттуда опять.

Вечером, когда она от работы уставала, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе. И оттого, что была она всегда в золе, в пыли и грязная, прозвали ее сестры Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался ехать на ярмарку, и спросил у своих падчериц, что привезти им в подарок.

— Красивые платья, — сказала одна.

— Жемчуга и драгоценные камни, — попросила другая.

— Ну, а ты что, Золушка, хочешь?

— Привези мне, батюшка, ветку, что на обратном пути первая зацепит тебя за шапку, — отломи ее и привези мне с собой.

Накупил отец своим падчерицам красивые платья, жемчуга и самоцветные камни, и когда на обратном пути ехал он через лесок, ветка орешника хлестнула его, да так сильно, что и шапку с головы у него сбила, — он сорвал эту ветку и привез ее с собой. Воротился он домой и подарил падчерицам то, что они просили, а Золушке отдал ветку орешника.

Поблагодарила его Золушка, пошла на могилу к матери и посадила там ветку и так сильно плакала, что слезы катились у нее из глаз на землю, и они полили ту ветку. Вот выросла веточка и стала красивым деревом. Золушка трижды в день приходила к дереву, плакала и молилась; и каждый раз прилетала на дерево белая птичка; и когда Золушка ей говорила какое-нибудь желание, птичка сбрасывала ей то, что она просила.

Но вот случилось однажды, что король затеял пир, который должен был длиться целых три дня, и созвал на праздник всех красивых девушек страны, с тем чтобы его сын мог выбрать себе невесту. Когда две названые сестры узнали о том, что им тоже надо явиться на пир, они стали добрые, кликнули Золушку и говорят:

— Причеши нам волосы, почисть туфли и застегни застежки, да покрепче, мы ведь идем в королевский дворец на смотрины.

Золушка их послушалась, но заплакала — ей тоже хотелось пойти потанцевать; она стала просить мачеху, чтобы та отпустила ее.

— Ты ведь Золушка, — сказала ей мачеха, — вся ты в золе да в грязи, куда уж тебе идти на пир? У тебя ведь ни платья нету, ни туфель, а ты хочешь еще танцевать.

Перестала Золушка ее просить, а мачеха ей и говорит:

— Вот просыпала я миску чечевицы в золу. Коль выберешь ее за два часа, тогда можешь идти вместе с сестрами.

Вышла Золушка черным ходом в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и опустились на золу. Наклонили голубки свои головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и так повыбрали все зернышки в мисочку. Не прошло и часу, как кончили они работу и все улетели назад.

Принесла Золушка мисочку своей мачехе, стала радоваться, думая, что ей можно будет идти на пир, но мачеха сказала:

— Нет, Золушка, ведь у тебя нет платья, да и танцевать ты не умеешь, — там над тобой только посмеются.

Заплакала Золушка, а мачеха и говорит:

— Вот если выберешь мне за один час из золы две полные миски чечевицы, то можешь пойти вместе с сестрами, — а сама подумала про себя: «Этого уж ей не сделать никогда». Высыпала мачеха две миски чечевицы в золу, а девушка вышла через черный ход в сад и молвила так:

— Вы, голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, летите, помогите мне выбрать чечевицу!

Хорошие — в горшочек,
Поплоше, те в зобочек.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлинка, и наконец прилетели-послетались все птички поднебесные и спустились на золу. Наклонили голубки головки и начали клевать: тук-тук-тук-тук, а за ними и остальные тоже: тук-тук-тук-тук, и повыбрали все зернышки в миску. Не прошло и получаса, как кончили они работу и улетели все назад.

Принесла Золушка две миски чечевицы мачехе, стала радоваться, думая, что теперь-то ей можно будет идти на пир, а мачеха и говорит:

— Ничего тебе не поможет: не пойдешь ты вместе со своими сестрами, — и платья у тебя нету, да и танцевать ты не умеешь, — нам будет за тебя только стыдно.

Повернулась она спиной к Золушке и поспешила со своими двумя дочерьми на пир.

Когда дома никого не осталось, пошла Золушка на могилу к своей матери под ореховое деревцо и кликнула:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица золотое и серебряное платье, шитые шелком да серебром туфельки. Надела она быстро это платье и явилась на смотрины.

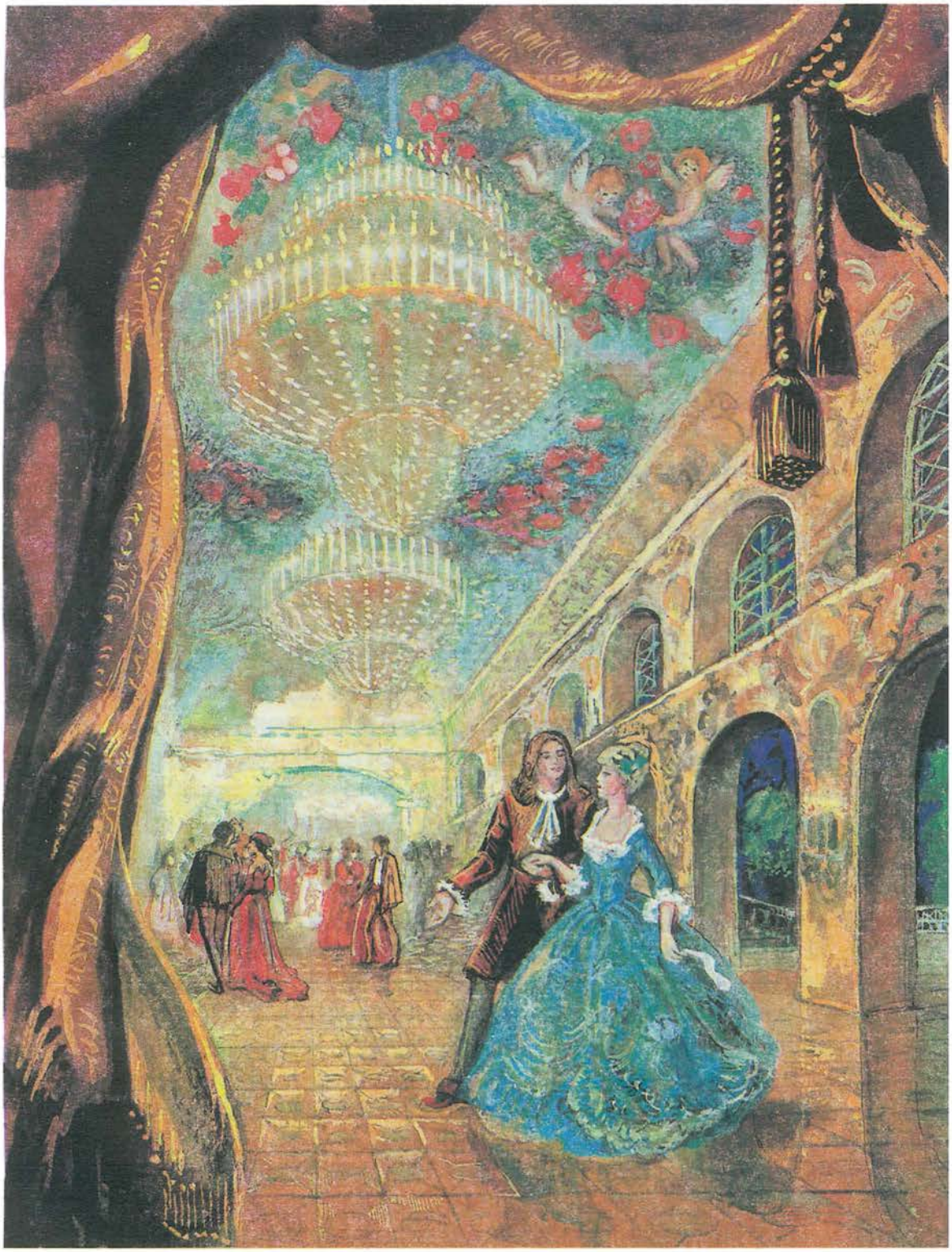
А сводные ее сестры и мачеха об этом не знали и подумали, что это, должно быть, какая-то чужая королевна, — такая красивая была она в своем золотом платье. Им и в голову не приходило, что это Золушка; они думали, что сидит она дома в грязи и выбирает из золы чечевицу.

Вот вышел ей навстречу королевич, взял ее за руку и стал с ней танцевать. И не хотел он танцевать ни с какой другой девушкой, все держал ее за руку, и если кто подходил приглашать ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Проплясала она до самого вечера и хотела уже домой возвращаться, а королевич ей и говорит:

— Я пойду тебя проводить. — Ему хотелось узнать, чья это



дочка-красавица; но она от него убежала и взобралась на голубятню.

И дождался королевич до тех пор, пока не пришел отец, и сказал ему королевич, что какая-то неизвестная девушка взобралась на голубятню. Старик подумал: «А не Золушка ли это?» и велел принести топор и багор, чтобы разрушить голубятню, но в ней никого не оказалось.

Вернулись родители домой, видят — лежит Золушка в своей посконной рубахе на золе и горит у печки тусклая масляная лампочка. А дело было так: Золушка быстро выпрыгнула с другой стороны голубятни и побежала к ореховому деревцу, там она сняла свое красивое платье и положила его на могилу; унесла его птица назад, и надела Золушка опять свою серую посконную рубаху и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда пир начался снова и родители и сводные сестры ушли опять из дому, направилась Золушка к ореховому дереву и молвила так:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица еще более пышное платье, чем в прошлый раз. И когда явилась она в этом платье на пир, каждый дивился, глядя на ее красоту. Королевич ждал ее, пока она не пришла, и тотчас взял ее за руку и танцевал только с нею одной. Когда к ней подходили другие и приглашали ее на танец, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и она собралась уходить, и пошел королевич следом за ней, чтобы посмотреть, в какой дом она войдет. Но она убежала прямо в сад, который находился за домом. И росло в том саду красивое большое дерево, и висели на нем чудесные груши. Она проворно взобралась на него, как белочка по веткам, а королевич и не заметил, куда она исчезла. Стал он ее поджидать, и когда явился отец, королевич ему говорит:

— От меня убежала неизвестная девушка, мне кажется, что она взобралась на грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?» и велел принести топор и срубил дерево, но на нем никого не оказалось. Пришли они в кухню, видят — лежит Золушка, как и в прошлый раз, на

золе; как и тогда, она спрыгнула с другой стороны дерева и отдала птице, что прилетела на ореховое дерево, свое прекрасное платье и надела опять серую посконную рубаху.

На третий день, когда родители и сводные сестры ушли на пир, отправилась Золушка снова на могилу матери и молвила деревцу:

Ты качнися-отряхнися, деревцо,
Кинься златом-серебром ты мне в лицо.

И сбросила ей птица платье, такое сияющее и великолепное, какого еще никогда ни у кого не было; а туфельки были из чистого золота.

Вот явилась она на пир в этом платье, и никто не знал, что и сказать от изумленья. Королевич танцевал только с ней одной, а если кто ее приглашал, он говорил:

— Я с ней танцую.

Вот наступил вечер, и собралась Золушка уходить; и хотелось королевичу ее проводить, но она так ловко от него усколь-

знула, что он даже этого и не заметил. Но придумал королевич хитрость: он велел вымазать всю лестницу смолой; и когда она от него убегала, то туфелька с ее левой ноги осталась на одной из ступенек. Королевич поднял эту туфельку, и была она такая маленькая и нарядная и вся из чистого золота.

На другое утро пошел королевич с той туфелькой к отцу Золушки и говорит:

— Моей женой будет только та, на чью ногу придется эта золотая туфелька.

Обрадовались обе сестры — ноги у них были очень красивые. Старшая отправилась в комнату, чтобы примерить туфельку, и мать была тоже с нею. Но никак не могла она натянуть туфельку на ногу: мешал большой палец, и туфелька оказалась ей мала. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби большой палец; когда станешь королевой, все равно пешком ходить тебе не придется.

Отрубила девушка палец, натянула с трудом туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с нею.

Но надо было им проезжать мимо могилы, а сидело там два голубка на ореховом деревце, и запели они:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Посмотрел королевич на ее ногу, видит — кровь из нее течет. Повернул он назад коня, привез самозваную невесту домой и сказал, что это невеста не настоящая, — пускай, мол, наденет туфельку другая сестра.

Пошла та в комнату, стала примерять, влезли пальцы в туфельку, а пятка оказалась слишком большая. Тогда мать подала ей нож и говорит:

— А ты отруби кусок пятки: когда будешь королевой, пешком тебе все равно ходить не придется.

Отрубила девушка кусок пятки, всунула с трудом ногу в туфельку, закусила губы от боли и вышла к королевичу. И взял он ее себе в невесты, посадил на коня и уехал с ней.

Но проезжали они мимо орехового деревца, а сидело на нем два голубка, и они запели:

Погляди-ка, посмотри,
А башмак-то весь в крови,
Башмачок, как видно, тесный,
Дома ждет тебя невеста.

Глянул он на ее ногу, видит — кровь течет из туфельки, и белые чулки совсем красные стали. Повернул он коня и привез самозваную невесту назад в ее дом.

— И эта тоже не настоящая, — сказал он, — нет ли у вас еще дочери?

— Да вот, — сказал отец, — осталась от покойной моей жены маленькая, несмышленая Золушка, — да куда уж ей быть невестой!

Но королевич попросил, чтоб ее привели к нему; а мачеха и говорит:

— Да нет, она такая грязная, ей нельзя никому и на глаза показываться.

Но королевич захотел во что бы то ни стало ее увидеть; и пришлось привести к нему Золушку. И вот умыла она сначала руки и лицо, потом вышла к королевичу, склонилась перед ним, и он подал ей золотую туфельку. Села она на скамейку, сняла с ноги свой тяжелый деревянный башмак и надела туфельку, и пришлась она ей как раз впору. Вот встала она, посмотрел королевич ей в лицо и узнал в ней ту самую красавицу девушку, с которой он танцевал, и он воскликнул:

— Вот это и есть настоящая моя невеста!

Испугались мачеха и сводные сестры, побледнели от злости; а он взял Золушку, посадил на коня и ускакал с ней.

Когда проезжали они мимо орехового деревца, молвили два белых голубка:

Оглянися, посмотри,
В башмачке-то нет крови,
Башмачок, видать, не тесный,
Вот она — твоя невеста!

Только они это вымолвили, улетели оба с дерева и уселись на плечи к Золушке: один на правое плечо, другой на левое, — так и остались они сидеть.

Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая

по правую руку, а младшая по левую; и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом, когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую; и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.

Так вот были они наказаны за злобу свою и лукавство на всю свою жизнь слепотой.

Братья Гримм

Братец и сестрица

Братец говорит сестрице:

— С той поры, как мать у нас умерла, нету нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьет, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живется, — ей бросит она иной раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам; а когда пошел дождь, сестрица сказала:

— Это плачут заодно и Господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и тут же уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

— Сестрица, мне хочется пить, — если б знать, где тут ручеек, я бы пошел напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услыхала сестрица, как родничок, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, тот тигром обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернешься и меня разорвешь.

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

— Я потерплю, пока найдем другой родничок.

Пришли они к другому роднику, и услыхала сестрица, что и этот тоже говорил:

— Кто из меня напьется, тот волком обернется!

И крикнула сестрица:

— Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернешься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

— Я подожду, пока мы придем к другому роднику, — вот уж тогда напьюсь, что́ бы ты мне ни говорила; мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услыхала сестрица, как он, журча, говорил:

— Кто из меня напьется, диким козлом обернется! Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Сестрица сказала тогда:

— Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого родника, а не то диким козлом обернешься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козленком.

Братья Гримм. Братец и сестрица

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и сидел он рядышком с нею и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

— Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставлю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику, нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку. Она привязала козлика за веревку и повела его вместе с собой дальше и шла все глубже и глубже, в самую чащу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку — видит: она пустая. И подумала девочка: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные коренья, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около нее. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику — была она ей вместо подушки — и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую охоту. И трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, веселый посвист и улюлюканье егерей.

Козлик все это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

— Ах, — сказал он сестрице, — отпусти меня в лес на охоту, я дольше вытерпеть не в силах. — И он долго ее упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

— Но смотри, — сказала она ему, — к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица, впусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на приволье! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймают его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

— Сестрица, впусти меня. — И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдыхал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова; и когда козлик заслышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он забеспокоился и сказал:

— Сестрица, открой дверь, отпусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и сказала:

— Но к вечеру, смотри, возвращайся и скажи: «Сестрица, впусти меня».

Как увидел король со своими егерями опять козлика с золотою повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролет и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и услышал, как козлик говорил: «Сестрица, впусти меня!» — и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник все это хорошо приметил, вернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

— Завтра еще раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица, увидев, что ее козлик ранен. Она обмыла ему кровь, приложила к ране разные травы и сказала:

Ступай, полежи, милый мой козлик, и рана твоя заживет.

Но рана была небольшая, и наутро у козлика и следа от нее не осталось. И когда он услышал в лесу опять веселые звуки охоты, он сказал:

— Невмочь мне дома сидеть, хочу погулять я в лесу; меня никто не поймает, не бойся.

Заплакала сестрица и сказала:

— Нет, уж теперь они тебя убьют, и останусь я одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес.

— А я здесь тогда от тоски погибну, — ответил ей козлик. — Как заслышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжелым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и веселый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

— Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтобы никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

— Ну, ступай, покажи мне эту лесную избушку.

Тогда подошел он к маленькой двери, постучался и сказал:

— Дорогая сестрица, впусти меня.

Открылась дверь, и король вошел в избушку; видит — стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошел не козлик, а какой-то чужой человек и на голове у него золотая корона. Но король ласково на нее поглядел, протянул ей руку и сказал:

— Хочешь, пойдем со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

— Ах, я согласна, — ответила девушка, — но козлик должен идти со мной, я его никогда не оставлю.

— Хорошо, — сказал король, — пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего вдосталь.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за веревку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привез ее в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услыхала, как они счастливы и что живется им так хорошо, в сердце у нее зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликать на них беду.

А была ее родная дочка уродлива, как темная ночь, и была она одноглазой. Стала она попрекать свою мать:

— Ведь стать королевой полагалось бы мне.

— Ты уж помолчи, — сказала старуха и стала ее успокаивать: — Придет время, я все сделаю, что надо.

Прошел срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведьма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

— Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили ее в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на нее чепец и уложила ее в постель вместо королевы. И сделала она ее похожей на королеву, только не могла она приставить ей второй глаз. Но чтобы король этого не заметил, пришлось ее положить на ту сторону, где у нее не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услыхав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти проведать свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

— Ради Бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет еще трудно, ее тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозваная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели, — она одна только в доме не спала, — как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребенка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем. Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

— Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз ее видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла,

мамка пришла к королю и обо всем ему рассказала. Король сказал:

— Ах, Боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребенка.

Он пришел вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Явлюсь я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребенком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею, но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:

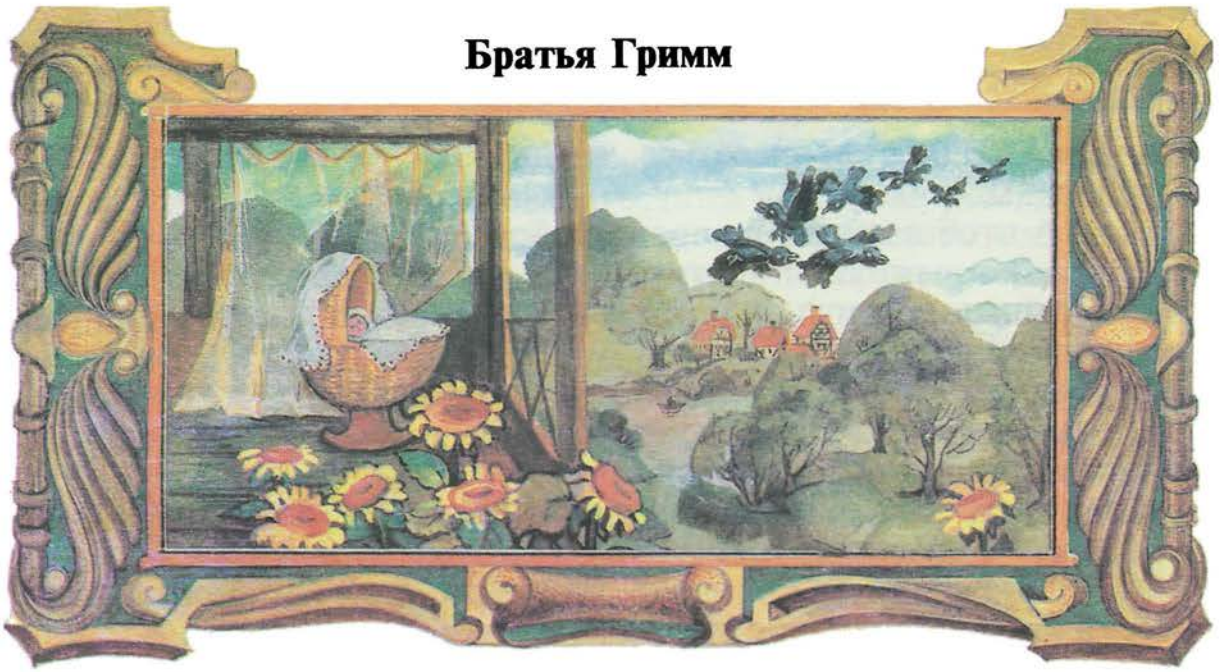
— Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

— Да, я твоя жена, — и в тот же миг по милости Божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор. Ведьмину дочь завели в лес, где ее разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костер, и ей пришлось погибнуть лютою смертью. И когда остался от нее один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.



Семь воронов

Было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось ее иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая; но дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежало вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они все не возвращались, потерял он, наконец, терпенье и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело

забыли. — И он стал опасаться, что девочка помрет некрещеной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он это слово, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро черных как смоль воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклятья, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но все же мало-помалу утешились, глядючи на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днем становилась все красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у нее братья, — отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услыхала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастье своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у нее братья и куда они пропали. И вот, — правды не скроешь, — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение ее было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но он был такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей:

— Чую, чую мясо человечье.

Она убежала от него и пришла к звездам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звезд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылек и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стеклянной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылек, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не подошла к Стеклянной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костылек, развернула платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звезд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стеклянной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик и говорит ей:

— Девочка, ты что здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома. Если хочешь их подождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принес воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист. И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из моего кубочка? Никак, человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

— Дай, Боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услыхала их желанье и вошла к ним, — и вот обернулись вороны опять в людей. И целовались они, миловались и весело вместе домой воротились.

Братья Гримм

Красная Шапочка

Жила-была маленькая, милая девочка. И кто, бывало, ни взглянет на нее, всем она нравилась, но больше всех ее любила бабушка и готова была все ей отдать. Вот подарила она ей однажды из красного бархата шапочку, и оттого, что шапочка эта была ей очень к лицу и никакой другой она носить не хотела, то прозвали ее Красной Шапочкой.

Вот однажды мать ей говорит:

— Красная Шапочка, вот кусок пирога да бутылка вина, ступай отнеси это бабушке; она больная и слабая, пускай поправляется. Выходи из дому пораньше, пока не жарко, да смотри, иди скромно, как полагается; в сторону с дороги не сворачивай, а то, чего доброго, упадешь и бутылку разобьешь, тогда бабушке ничего не достанется. А как войдешь к ней в

комнату, не забудь с ней поздороваться, а не то, чтобы сперва по всем углам туда да сюда заглядывать.

— Я уж справлюсь как следует,— ответила матери Красная Шапочка и с ней попрощалась.

А жила бабушка в самом лесу, полчаса ходьбы от деревни будет. Только вошла Красная Шапочка в лес, а навстречу ей волк. А Красная Шапочка и не знала, какой это злющий зверь, и вовсе его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка! — сказал волк.

— Спасибо тебе, волк, на добром слове.

— Куда это ты, Красная Шапочка, собралась так рано?

— К бабушке.

— А что это у тебя в переднике?

— Вино и пирог, мы его вчера испекли, хотим чем-нибудь порадовать бабушку, она больная да слабая, пускай поправляется.

— Красная Шапочка, а где живет твоя бабушка?

— Да вон там, чуть подальше в лесу, надо еще с четверть часа пройти; под тремя большими дубами стоит ее домик, а пониже густой орешник, — ты-то, пожалуй, знаешь, — сказала Красная Шапочка.

«Славная девочка, — подумал про себя волк, — лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он пошел рядом с Красной Шапочкой и говорит:

— Красная Шапочка, погляди, какие кругом красивые цветы, почему ты не посмотришь вокруг? Ты разве не слышишь, как прекрасно распевают птички? Ты идешь, будто в школу торопишься, — а в лесу-то как весело время провести!

Глянула Красная Шапочка и увидела, как пляшут повсюду, пробиваясь сквозь деревья, солнечные лучи и все кругом в прекрасных цветах, и подумала: «Хорошо бы принести бабушке свежий букет цветов, — это будет ей, наверно, тоже приятно; еще ведь рано, прийти вовремя я успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвет цветок и подумает: «А дальше вон растет еще покрасивей», — и к тому побежит; и так уходила она все глубже и глубже в лес. А волк тем временем кинулся прямехонько к бабушкиному дому и в дверь постучался.

— Кто там?

— Это я, Красная Шапочка, принесла тебе вино и пирог, открой мне.

— А ты нажми на щеколду, — крикнула бабушка, — я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь быстро отворилась, и, ни слова не говоря, он подошел прямо к бабушкиной постели и проглотил старуху. Затем он надел ее платье, на голову — чепец, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней. Она удивилась, что дверь настежь открыта, а когда вошла в комнату, все показалось ей таким странным, и она подумала: «Ах, Боже мой, как мне нынче тут страшно, а ведь я всегда бывала у бабушки с такою охотой!» И она кликнула:

— Доброе утро! — но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит — лежит бабушка, надвинут чепец у нее на самое лицо, и выглядит она так странно, странно.

— Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши?

— Чтоб лучше тебя слышать!

— Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

— Это чтоб лучше тебя видеть!

— Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

— Чтоб легче тебя схватить!

— Ох, бабушка, какой у тебя, однако, страшно большой рот!

— Это чтоб легче было тебя проглотить!

Только сказал это волк, и как вскочит с постели — и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улегся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть. А проходил в ту пору мимо дома охотник и подумал: «Как, однако, старуха сильно храпит, надо будет посмотреть, может, ей надо чем помочь». И он вошел к ней в комнату, подходит к постели, глядь — а там волк лежит.

— А-а! Вот ты где, старый греховодник! — сказал он. — Я уж давненько тебя разыскиваю.

И он хотел было уже нацелиться в него из ружья, да подумал, что волк, может быть, съел бабушку, а ее можно еще спасти; он

не стал стрелять, а взял ножницы и начал вспарывать брюхо спящему волку. Сделал он несколько надрезов, видит — просвечивает красная шапочка, надрезал еще, и выскочила оттуда девочка и закричала:

— Ах, как я испугалась, как было у волка в брюхе темно-темно!

Выбралась потом оттуда и старая бабушка, жива-живехонька, — еле могла отдышаться. А Красная Шапочка притащила поскорее больших камней, и набили они ими брюхо волку. Тут проснулся он, хотел было убежать, но камни были такие тяжелые, что он тотчас упал, — тут ему и конец настал.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнес ее домой. Бабушка скушала пирог, выпила вина, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться, а Красная Шапочка подумала: «Уж с этих пор я никогда в жизни не буду сворачивать одна с большой дороги в лесу без материнского позволенья».

Рассказывают еще, что однажды, когда Красная Шапочка опять несла бабушке пирог, заговорил с ней другой волк и хотел было увести ее с большой дороги. Но Красная Шапочка была теперь поосторожней и пошла своим путем прямо, и рассказала бабушке, что встретился ей по дороге волк и сказал «здравствуй» и так злобно посмотрел на нее своими глазами, что, случись это не на проезжей дороге, он съел бы ее.

— Так вот что, — сказала бабушка Красной Шапочке, — давай-ка запрем двери, чтоб не мог он сюда войти.

А тут вскоре и волк постучался и говорит:

— Бабушка, отопри мне, я— Красная Шапочка, пирог тебе принесла.

А они молчат, дверь не открывают. Тогда обошел серый, крадучись, вокруг дома несколько раз, прыгнул потом на крышу и стал дожидаться, пока Красная Шапочка станет вечером возвращаться домой: он хотел пробраться за ней следом и съесть ее в темноте. Но бабушка догадалась, что задумал волк. А стояло у них перед домом большое каменное корыто; вот бабушка и говорит внучке:

— Красная Шапочка, возьми ведро — я вчера варила в нем колбасу — и вылей воду в корыто.

Красная Шапочка стала носить воду, пока большое-пре-

большое корыто наполнилось всё доверху. И почуял волк запах колбасы, повел носом, глянул вниз и, наконец, так вытянул шею, что не мог удержаться и покатился с крыши и свалился вниз, да прямо в большое корыто, в нем и утонул он.

А Красная Шапочка счастливо домой воротилась, и никто уже с той поры ее больше не обижал.

Мальчик-с-пальчик

Жил когда-то на свете крестьянин-бедняк. Сидел он раз вечером у печки и разгребал жар, а жена сидела и пряла. Вот и говорит он жене:

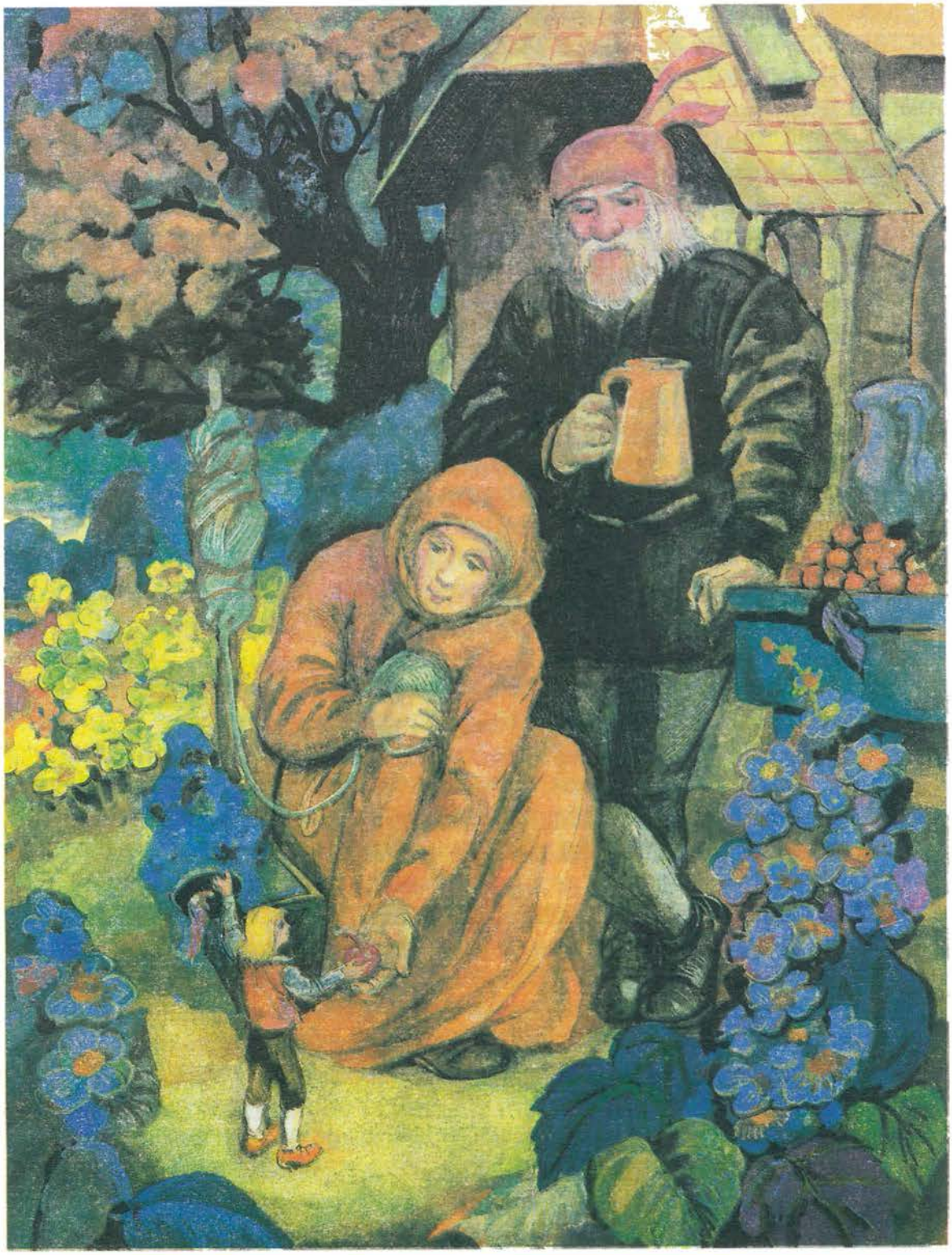
— Как жаль, что нет у нас детей. Уж так у нас тихо, а вон в других домах, погляди, как шумно да весело.

— Да, — ответила жена и вздохнула, — если бы был у нас хоть один, даже такой маленький, как мизинец, и то я была бы довольна. И как бы мы его любили!

И вот случилось, что жена забеременела и спустя семь месяцев родила ребенка, и был он здоровый и сложен хорошо, но ростом был всего с палец.

И они сказали:

— Вот так оно и случилось, как мы хотели: дитятко наше мы будем любить, — и назвали его за его рост Мальчик-с-пальчик.



Они хорошо его кормили, но ребенок все не рос и не рос и оставался таким же, как и родился; но глаза были у него умные, и вскоре он показал себя понятливым и прилежным, и все, что он ни делал, ему удавалось.

Собрался раз крестьянин в лес дрова рубить и сказал про себя: «Хорошо, если бы кто приехал за дровами с повозкой».

— Батюшка, — говорит Мальчик-с-пальчик, — повозку я привезу, уж ты на меня положись, и доставлю ее в лес как раз вовремя.

— Да как же ты с этим делом управишься, ведь ты слишком мал, чтоб лошадью править?

— Это, батюшка, ничего! Если мать запряжет, то я заберусь лошади в ухо и буду кричать ей, куда ей следует ехать.

— Ладно, — ответил отец, — один раз, пожалуй, попробуем.

Пришло время, запрягла мать лошадь и посадила Мальчика-с-пальчик лошади в ухо, и стал мальчонка покрикивать, куда ей ехать: «Но! Но! Левей, правей!»

Все шло как следует, словно у опытного кучера, и повозка ехала верной дорогой прямо в лес. И случилось, что на повороте, когда Мальчик-с-пальчик крикнул: «Левей, левей!», показалось навстречу двое незнакомцев.

— Глянь, — сказал один из них, — что это такое? Едет повозка, возница на лошадь покрикивает, а самого его не видать.

— Тут что-то неспроста, — заметил другой, — давай-ка пойдем вслед за повозкой и посмотрим, где она остановится.

Но повозка все ехала дальше в глубь леса и прямехонько туда, где рубили деревья. Увидал Мальчик-с-пальчик отца и говорит ему:

— Вот, батюшка, я и приехал с повозкой. А теперь ты меня сними и спусти на землю.

Взял отец левой рукой лошадь под уздцы, а правой достал из лошадиного уха своего сыночка, который и уселся весело на былинку. Увидели двое незнакомцев Мальчика-с-пальчик и не знали, что и сказать им от удивленья. Отвел один другого в сторону и говорит:

— Послушай, этот малышка мог бы нам принести счастье, мы бы показывали его в большом городе за деньги, — давай-ка купим его.

Они подошли к крестьянину и говорят:

— Продай нам своего маленького человечка, ему у нас будет неплохо.

— Нет, — говорит крестьянин, — это мой любимец, и я ни за какое золото на свете его не продам.

Но Мальчик-с-пальчик услыхал, что его покупают, взобрался по складкам платья к отцу на плечи и стал нашептывать ему на ухо:

— Батюшка, ты меня продай, а назад я уж к тебе вернусь.

И вот продал его отец за большие деньги двум незнакомцам.

— А куда тебя посадить? — спросили они малютку.

— Да уж посадите меня на поля вашей шляпы, там мне можно будет прогуливаться и рассматривать окрестности, я оттуда не упаду.

Они исполнили его желанье. Мальчик-с-пальчик попрощался с отцом, и они двинулись в путь-дорогу.

Так шли они некоторое время, а тут стало уже смеркаться, вот и говорит малютка:

— Спустите меня вниз по надобности.

— Да оставайся там наверху, — сказал человек, на голове у которого он сидел, — это ничего, от птиц тоже иной раз попадает.

— Нет, — ответил Мальчик-с-пальчик, — я уж знаю, как надо себя вести, скорей спустите меня вниз.

Снял человек шляпу и посадил малютку на придорожное поле. Тут он прыгнул и стал пробираться между комьями земли, приметил мышиную норку и вдруг скользнул в нее.

— До свиданья, господа, до свиданья, ступайте себе домой без меня, — крикнул он им из норки и стал над ними смеяться.

Подбежали те к мышиной норе, стали тыкать в нее палками, но напрасно, — Мальчик-с-пальчик заползал все глубже и глубже, а становилось уже темно, и пришлось им воротиться домой с досадой да с пустою сумой.

Когда Мальчик-с-пальчик заметил, что они ушли, он выбрался из подземного хода наружу. «В потемках идти по полю, пожалуй, будет опасно, — сказал он, — чего доброго, шею или ногу себе сломаешь!» К счастью, попалась ему по дороге пустая раковина улитки. «Слава Богу, — сказал он, — теперь я смогу провести ночь спокойно», — и забрался в раковину.

Только хотел он было уже уснуть, вдруг слышит — идут мимо два человека, и один из них говорит:

— Как бы это нам выкрасть у богатого пастора деньги и серебро?

— Я бы тебе сказал, как это сделать! — крикнул Мальчик-с-пальчик.

— Что это? — спросил испуганный вор. — Я слышу, кто-то говорит. — Они остановились и стали прислушиваться. Тогда Мальчик-с-пальчик снова сказал:

— Возьмите меня с собой, я вам помогу.

— А где же ты?

— А вы поищите меня на земле и слушайте, откуда голос идет, — ответил он.

Наконец воры отыскали его и подняли наверх.

— Ах ты, малышка, чем же ты нам можешь помочь? — сказали они.

— А вот чем, — ответил он. — Я пролезу через решетку в кладовую пастора и достану вам то, что нужно.

— И то дело, — сказали они, — посмотрим, как ты с этим управишься.

Пришли они к дому пастора, и забрался Мальчик-с-пальчик в кладовую да как закричит оттуда во все горло:

— Вы всё хотите забрать, что тут есть?

Испугались воры и сказали:

— Да ты говори потише, а то еще кто-нибудь проснется.

Но Мальчик-с-пальчик будто их не понял и как закричит опять во всю глотку:

— Вы что хотите: всё забрать, что тут есть?

Услыхала это кухарка, — она спала в соседней комнате, — приподнялась на постели и стала прислушиваться. Но воры перепугались и со страху отбежали от дома, но потом приободрились и подумали: «Наш парнишка хочет нас, видно, подразнить». Они вернулись и шепнули ему:

— Ну, довольно баловаться, достань-ка нам что-нибудь из кладовой.

Но Мальчик-с-пальчик опять закричал, да так громко, как только мог:

— Да я вам все подам, вы только руки протяните!

А служанка прислушивалась и услышала все, что они говорили; тут соскочила она с постели и, спотыкаясь, подбежала к двери кладовой. Воры пустились наутек, точно за ними гнался

волшебный стрелок, а служанка, никого не найдя, пошла зажечь свечу. Вошла она в кладовую, а Мальчик-с-пальчик тем временем незаметно пробрался в амбар.

Служанка, обшарив все углы, улеглась опять в постель, думая, что все это ей почудилось во сне. А Мальчик-с-пальчик забрался в сено и, найдя там укромное местечко для сна, решил отдохнуть до утра, а потом уж вернуться домой к отцу-матери.

Но суждено ему было испытать иное! Да, много случается на свете горя и несчастья...

Когда стало светать, служанка встала с постели, чтобы задать немного корму скотине. Пошла она на сеновал, взяла охапку сена, и случилось, что захватила она как раз клок сена, в котором лежал и спал бедный Мальчик-с-пальчик. Но он спал так крепко, что ничего не заметил, и проснулся уже во рту у коровы, которая схватила его заодно с сеном.

«Ах, Господи, — воскликнул он, — я точно на сукновальню попал!», но вскоре сообразил, где очутился. И он старался как-нибудь проскользнуть между зубами коровы, чтоб не оказаться раздавленным, и ему пришлось, наконец, сползти вниз, в желудок. «А в каморке-то окна прорубить, должно быть, позабыли, — сказал он, — вишь, и солнце в нее не светит, да и огня здесь не зажигают». Правду сказать, квартирка эта ему мало понравилась, и что было хуже всего — в дверь вползало все новое и новое сено, а места становилось меньше и меньше. И он вскрикнул от страха так громко, как только мог:

— Не надо мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму!

А служанка в это время как раз доила корову; она услыхала, что кто-то кричит, а никого не видать, и показался ей голос похожим на тот, что слышала она ночью, и она так испугалась, что упала со скамейки и разлила все молоко. Побежала она, запыхавшись, к своему хозяину и говорит:

— Ах, Боже мой, господин пастор, а корова-то наша заговорила!

— Ты что это, с ума спятила? — сказал пастор, однако же отправился в коровник — поглядеть, что там случилось. Но только вошел он туда, а Мальчик-с-пальчик как закричит снова:

— Не давайте мне больше свежего корму, не давайте мне больше свежего корму.

Тут и сам пастор испугался и подумал, что в корову вселился злой дух, и он велел ее зарезать. Зарезали корову, а желудок, где спрятался Мальчик-с-пальчик, бросили в навозную кучу.

Мальчику-с-пальчик пришлось с большим трудом выбираться из коровьего желудка, и немало ему пришлось повозиться; и вот он почти уже было выбрался и даже голову высунул, как приключилась новая беда: бежал мимо голодный волк, увидал требуху, схватил ее и проглотил. Но Мальчик-с-пальчик не растерялся. «Пожалуй, — подумал он, — с волком можно будет сговориться», — и он закричал ему из волчьего брюха:

— Милый волк, а я знаю для тебя лакомый кусок.

— А где ж он? — спросил волк.

— Да в том вон доме, но пробраться в него можно через сточную канаву; там найдется для тебя и пирогов, и сала, и колбасы, всего, всего вдосталь. — И он подробно описал волку дом своего отца.

Волк, недолго раздумывая, забрался в дом через водосточную канаву и нажрался там в кладовой всего, чего только ни нашлось, вдоволь. Наевшись до отвала, он хотел было назад возвращаться, но брюхо у него так раздулось, что прежней дорогой он выбраться уже не мог! На это и рассчитывал Мальчик-с-пальчик и, подняв в волчьем брюхе страшный шум, стал кричать и барахтаться изо всех сил.

— Да замолчи ты там, — сказал волк, — а то, чего доброго, людей разбудишь!

— Да чего там, — ответил малютка, — ведь ты же наелся, дай и мне теперь повеселиться, — и он стал снова кричать во все горло.

Тут от шума проснулись, наконец, отец с матерью, подбежали к кладовой и заглянули в щелку. Как увидели они, что забрался туда волк, кинулись прочь; схватил отец топор, а мать косу.

— Ты иди следом за мной, — сказал муж, когда они входили в кладовую, — когда я его ударю, а он будет еще живой, ты его добивай и брюхо косой вспарывай.

Услыхал Мальчик-с-пальчик голос своего отца и как закричит:

— Милый батюшка, я здесь, здесь, я спрятался в волчьем брюхе!

И воскликнул отец на радостях:

— Слава тебе, Господи, дитятко наше нашлось! — и велел

жене убрать косу, чтоб Мальчика-с-пальчик не поранить. Потом он размахнулся да как ударит волка топором по голове, тот и упал замертво. Нашли они нож и ножницы и вспороли волку брюхо и вытащили оттуда малышку.

— А мы-то, — говорит отец, — сколько горя натерпелись из-за тебя.

— Да, батюшка, немало я пострaнствовал, но, слава Богу, снова выбрался на Божий свет!

— Где же ты пропадал?

— Ах, батюшка, был я и в мышиной норе, и в коровьем желудке, и в волчьем брюхе, а теперь уж останусь у вас, никуда не уйду.

— А мы не продадим тебя ни за какие сокровища на свете, — сказали отец и мать и ласкали и миловали своего милого Мальчика-с-пальчик. Накормили его, напоили, пошили ему новое платье, — прежнее-то все в странствиях у него поистрепалось.

Братья Гримм

Шесть лебедей

Охотился раз король в большом дремучем лесу; без устали гонялся он за зверем, и никто из его людей не мог за ним поспеть. А уже наступил вечер; придержал тогда король своего коня, оглянулся и видит, что заблудился. Стал он искать дорогу, но найти ее никак не мог.

И вот увидел он в лесу старуху с трясущейся головой; она шла к нему прямо навстречу, а была то ведьма.

— Бабушка, — сказал он ей, — не можете ли вы указать мне дорогу из лесу?

— О, да, господин король, — ответила она, — это я могу, но с одним условием, если вы его не выполните, то не выйти вам из лесу никогда и пропадете вы тут с голоду.

— А какое же условие? — спрашивает король.

— Есть у меня дочь, — говорит старуха, — она такая краса-

вица, какой вам и на свете нигде не сыскать, и заслуживает она вполне того, чтобы стать вашей женой; если вы согласны сделать ее королевой, то я укажу вам дорогу из лесу.

Король в страхе согласился, и старуха привела его в свою избушку, где у очага сидела ее дочь. Она приняла короля так, будто его и ждала; и он увидел, что она очень красива, но, однако же, она ему не понравилась, и он не мог глядеть на нее без затаенного страха. Когда король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и король воротился снова в свой королевский замок, где они и отпраздновали свадьбу.

А король был уже однажды женат, и от первой жены было у него семеро детей — шесть мальчиков и одна девочка, и любил он их больше всего на свете. Но он боялся, как бы не стала мачеха плохо с ними обращаться, как бы не сделала она им какого зла, и вот он отвез их в потаенный замок, который находился в самой середине леса. Он был так скрыт в лесной чаще и дорогу к нему найти было так трудно, что и сам бы он не нашел ее, если бы не подарила ему одна ведунья клубок волшебных ниток; а был тот клубок такой, что стоило бросить его перед собой, как он сам разматывался и указывал путь-дорогу.

Король очень часто уезжал к своим любимым детям в лес; и вот, наконец, на частые его отлучки обратила внимание королева; ей захотелось узнать, что он делает там один в лесу. Она дала много денег своим слугам, и они выдали ей тайну, рассказали также и о клубке ниток, который один только и может указать туда путь. И не было у ней покоя до тех пор, пока не выведала она, где король хранит тот клубок; затем сшила она из шелка маленькие белые рубашки, и так как она была обучена своей матерью колдовству, то зашила она в них чары.

Вот уехал однажды король на охоту, а она взяла те рубашки и отправилась в лес, и клубок указал ей путь-дорогу. Дети, увидав издали, что кто-то идет, подумали, что это идет к ним их любимый отец, и на радостях выбежали к нему навстречу. И вот набросила она на каждого из них рубашку; и только прикоснулись те рубашки к их телу, как обратились они в лебедей, поднялись над лесом и улетели.

Вернулась королева домой очень довольная, думая, что она избавилась от своих пасынков; но девочка не выбежала ей навстречу вместе с братьями, а королева этого не заметила. На

другой день пришел король, чтоб навестить своих детей, но нашел одну только дочку.

— А где же твои братья? — спросил он у нее.

— Ах, милый отец, — отвечала она, — они улетели и оставили меня одну. — И она рассказала ему, что видела из окошка, как братья пролетели лебедями над лесом, и показала ему перья, что обронили они во дворе, которые она подобрала. Опечалился король, но не знал, что это злое дело совершила королева; он стал бояться, что у него похитят и дочку, и вот решил он взять ее с собой. Но она боялась мачехи и упросила короля оставить ее еще на одну ночь в лесном замке.

Подумала бедная девочка: «Мне оставаться тут недолго придется, — пойду я на поиски своих братьев».

Вот наступила ночь, и выбежала она из замка и пошла прямо в чащу лесную. Пробродила она там целую ночь и целый день, пока, наконец, от усталости идти больше уже не могла. И увидела она охотничий домик, вошла в него, видит — комната, а в ней шесть маленьких кроваток, но она ни в одну из них не решилась лечь, а забралась под одну из кроваток и легла прямо на жестком полу и решила там заночевать.

Вскоре и солнце зашло, и услыхала она шум и увидела, что прилетело к окну шесть лебедей. Они уселись на окошко и стали дуть друг на друга, стали перья свои сдувать, и вот все перья с них послетали, и лебединое оперенье снялось с них, словно рубашка. Глянула на них девочка и узнала своих братьев, обрадовалась и вылезла из-под кровати. Братья, увидав свою сестрицу, не меньше ее обрадовались, но радость их была недолгой.

— Здесь оставаться тебе нельзя, — сказали они ей, — это разбойничий притон. Если разбойники вернутся и найдут тебя тут, они тебя убьют.

— А вы разве не сможете меня защитить? — спросила у них сестрица.

— Нет, — ответили они, — мы можем снимать свое лебединое оперенье только по вечерам на четверть часа, тогда мы становимся людьми, а затем снова обращаемся в лебедей.

Заплакала сестрица и говорит:

— А неужто нельзя вас расколдовать?

— Ах, нет, — ответили они, — выполнить это слишком трудно. Ты должна будешь шесть лет ни говорить, ни смеяться и

должна сшить нам за это время шесть рубашек из звездоцвета. А если ты вымолвишь хоть одно слово, то вся твоя работа пропала.

Пока братья рассказывали ей об этом, прошло четверть часа, и они снова вылетели в окно лебедями.

Но девочка твердо решила освободить своих братьев, даже если бы это стоило ей жизни. Она покинула охотничий домик и ушла в самую чащу лесную, взобралась на дерево и провела там ночь. Наутро она спустилась с дерева, собрала звездоцветы и принялась шить. Говорить ей было не с кем, а смеяться ей не было охоты. Она все сидела да на свою работу глядела. Так прошло много времени, и случилось, что король той страны охотился в эту пору в лесу, и его егеря подъехали к дереву, на котором сидела девочка. Они ее окликнули:

— Кто ты такая?

Но она ничего не ответила.

— Спустись к нам вниз, — сказали они, — мы тебе ничего дурного не сделаем.

Но она только головой покачала.

Когда они стали ее допрашивать, она сбросила им вниз золотое ожерелье, думая, что они будут этим довольны. Но они всё продолжали задавать ей вопросы; тогда она сбросила им свой пояс; но когда и это не помогло, сбросила им свои подвязки, и так мало-помалу она отдала им все, что было на ней, и осталась в одной рубашке. Но егеря и тогда от нее не отстали; они влезли на дерево, сняли ее оттуда и привели к королю. Король спросил:

— Кто ты такая? Что ты там делаешь на дереве? — Но она ничего не ответила.

Стал он спрашивать ее на всех языках, какие только были ему известны, но она оставалась как рыба немой. А была она красивая, и вот король сильно влюбился в нее. Он укутал ее в свой плащ и посадил ее впереди себя на коня и привез ее в свой замок. И велел он одеть ее в богатые платья, и она сияла своей красотой, словно ясный день; но невозможно было добиться от нее ни слова. Он сел у стола рядом с нею, и робость на ее лице и ее скромность так ему понравились, что он сказал:

— Вот на этой хочу я жениться и ни на какой другой на свете, — и через несколько дней он с ней обвенчался.

Но была у короля злая мать — она была недовольна его женитьбой и стала о молодой королеве злословить.

— Кто знает, откуда взялась эта девка, — говорила она, — и слова вымолвить не может; она недостойна быть женой короля.

Спустя год, когда королева родила на свет первого ребенка, старуха унесла его, а королеве во время сна вымазала рот кровью. Затем она пошла к королю и обвинила ее в том, что она людоедка. Король верить этому не хотел и не позволил причинить королеве зло. И вот сидела она все время да шила рубашки и ни на что другое внимания не обращала.

Когда она снова родила прекрасного мальчика, лживая свекровь опять совершила такой же обман, но король не хотел верить ее злым речам. Он сказал:

— Она слишком скромна и добра, чтобы могла совершить подобное; если б не была она немая, то доказала бы свою невиновность.

Но когда старуха и в третий раз похитила новорожденного младенца и обвинила королеву, которая не сказала ни слова в свою защиту, то королю оставалось только одно — отдать ее на суд; и ее присудили сжечь на костре.

Наступил день исполнения приговора, а был то как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она не могла ни говорить, ни смеяться; и вот она освободила своих милых братьев от злого заклятья. Она уже сшила за это время шесть рубашек, и только на последней рубашке еще не было левого рукава.

Когда ее повели на костер, то взяла она с собой рубашки, и когда взвели ее уже на помост и вот-вот должны были развести огонь, она оглянулась и видит — летят к ней шесть лебедей. И поняла она, что близко ее освобождение, и забилось у ней сердце от радости.

С шумом подлетели к ней лебеди и спустились так низко, что она смогла кинуть им рубашки; и только те рубашки к ним прикоснулись, спало с них лебединое оперенье, и стояли перед ней ее братья, живы, здоровы и по-прежнему прекрасны, — только у младшего не хватало левого рукава, и потому у него на спине осталось лебединое крыло. Стали они обнимать да целовать друг друга, и пришла королева к королю, и он был сильно удивлен; но вот заговорила она и сказала:

— Мой возлюбленный супруг, отныне я могу говорить и открою тебе, что я ни в чем не повинна и ложно обвинена, — и она рассказала ему про обман старухи-свекрови, которая забрала и спрятала ее троих детей. И принесли их в замок, к великой радости короля, а злую свекровь в наказанье сожгли на костре, и остался от нее один лишь пепел.

А король и королева вместе с шестью своими братьями жили мирно и счастливо долгие-долгие годы.

Братья Гримм

Снегурочка

То было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна, — рама его была из черного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, — и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как черное дерево, и прозвали ее потому Снегурочкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Это была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда

кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и глядела в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Снегурочка подрастала и становилась все краше, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Снегурочка в тысячу раз богаче красой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Снегурочку — и сердце у ней разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было ей отныне покоя ни днем ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:

— Заведи эту девочку в лес, — я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь послушался и завел девочку в лес; но когда он вытащил свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Снегурочки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь меня в живых! Я убегу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Все равно там тебя скоро съедят дикие звери», — и будто камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Снегурочку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его

заколол, вырезал у него легкие и печень и принес их королеве в знак доказательства, что ее приказанье исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Снегурочки.

Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-одинешенька, и в страхе она оглядела все листики на деревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю помочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли; и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот стало, наконец, смеркаться. Вдруг она увидела маленькую избушку и зашла в нее отдохнуть. И было в той избушке все таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилочек и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и были они покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Снегурочке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась, наконец, ей как раз впору; она в нее улеглась и, отдавшись на милость Господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и, когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не все оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлебца?

Четвертый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый и заметил на своей постельке маленькую складочку и спросил:

— А кто это лежал на моей кроватке?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Снегурочка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Снегурочку.

— Ах, Боже мой! Ах, Боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок!

Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Снегурочка, увидела семь карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Снегурочкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

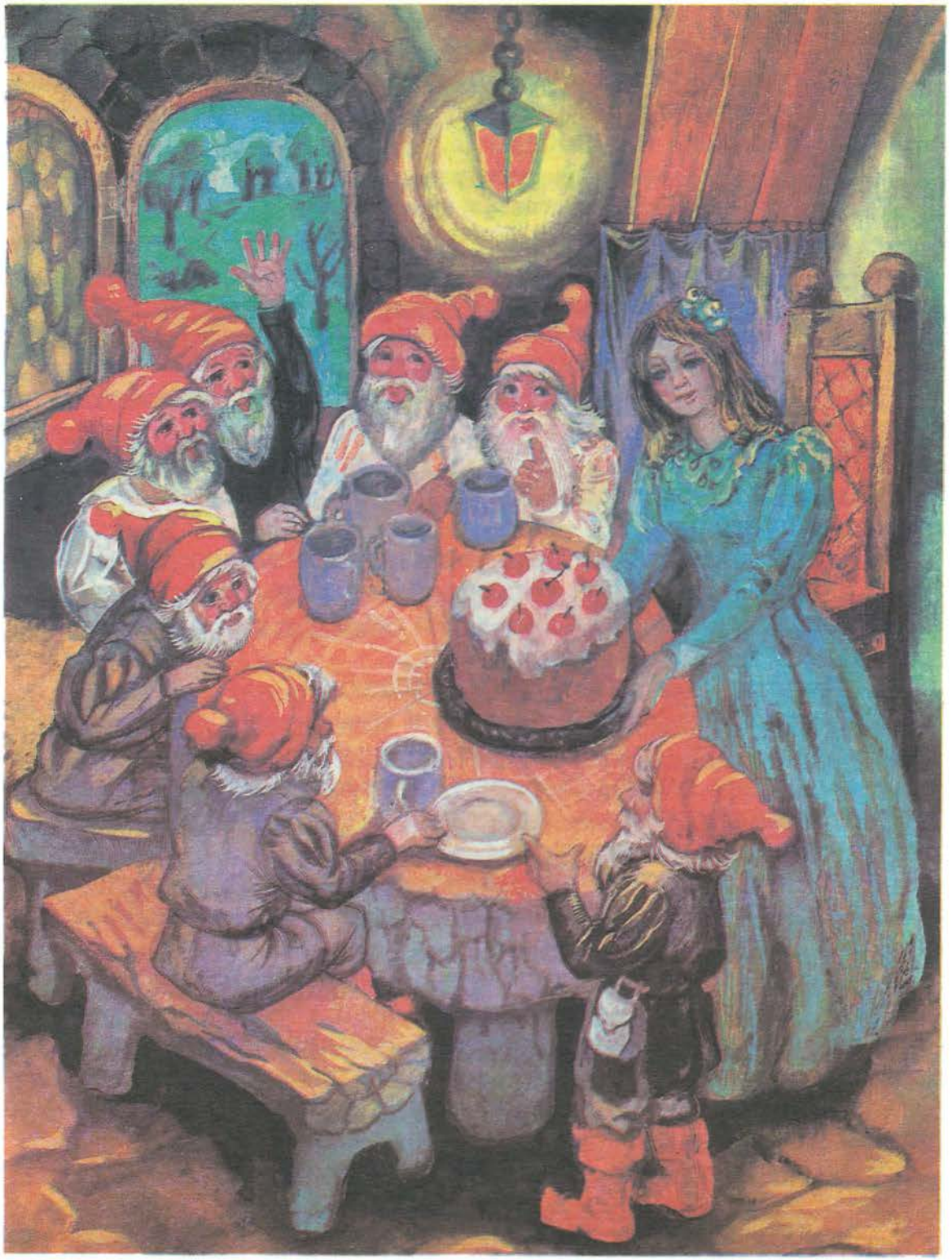
И она рассказала им о том, что мачеха хотела ее убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте и порядке, — если ты согласна, то можешь у нас остаться и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Снегурочка, — с большой охотой — и осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовлять им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики ее предостерегали и говорили:



— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Снегурочки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь ее обманул, что Снегурочка еще жива. И она стала снова думать и гадать, как бы ее извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она накрасила себе лицо, переоделась старой торговкой, и теперь ее никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Снегурочка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаешь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные, — и достала ей один из них показать, и был он сплетен из пестрого шелка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Снегурочка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дайка я зашнурую тебе лиф как следует.

Снегурочка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Снегурочка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как

они испугались, когда увидели, что их милая Снегурочка лежит на полу — не двинется, не шелохнется, словно мертвая! Они подняли ее и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услыхали о том, как все это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Когда она услыхала такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Снегурочка ожила снова.

— Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка, — и, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень. Потом переоделась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Снегурочка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Снегурочке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Снегурочка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к ее волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица, — сказала злая женщина, — уж теперь-то пришел тебе конец! — И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой. Заметив, что Снегурочка лежит на полу мертвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чем дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Снегурочка опять пришла в себя и рассказала им обо всем, что случилось. Тогда карлики еще раз предупредили ее, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Снегурочка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услыхав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Снегурочка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно на вид очень красивое, белое, с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева накрасила себе лицо, переоделась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам. Она постучалась; Снегурочка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Снегурочка, — мне брать ничего не велено.

— Ты, что ж, отравы боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Снегурочке отведать прекрасного яблока, и когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на нее своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как черное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

Успокоилось тогда ее завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Снегурочку лежащей на земле, бездыханной и мертвой. Они подняли ее и стали искать отраву: они расшнуровали ее, причесали ей волосы, обмыли ее водой и вином, но ничего не помогло, — бедная девочка как была мертвой, так мертвой и осталась.

Положили они ее в гроб, уселись все семеро вокруг нее, стали ее оплакивать, и проплакали так целых три дня. Потом они решили ее похоронить, но она выглядела, как живая, — щеки у нее были по-прежнему красивые и румяные.

И сказали они:

— Как можно ее такую в землю закапывать?

И они велели сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, написали на нем золотыми буквами ее имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Снегурочку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своем гробу Снегурочка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и

попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нем прекрасную Снегурочку и прочел, что было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это все, что вы пожелаете.

Но карлики ответили:

— Мы не отдадим его даже за все золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его, — я не могу жить, не видя Снегурочки, я буду ее глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Снегурочки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а потом встала из него и ожила снова.

— Ах, Господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей все, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдем вместе со мной в замок моего отца, и ты будешь моею женой.

Снегурочка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Снегурочки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей в нашей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королевна в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Снегурочку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные

туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала, мертвая, наземь.

Золотой гусь

Жил-был человек. Было у него три сына, звали младшего Дурнем; его презирали, смеялись над ним и всегда обижали. Собрался раз старший идти в лес — дрова рубить, и дала ему мать на дорогу вкусный сдобный пирог и бутылку вина, чтоб не знал он ни голода, ни жажды. Он пришел в лес и вот повстречал там старого седого человечка. Поздоровался с ним человечек и говорит:

— Дай мне кусок пирога, что у тебя в кармане, и глоток вина — я очень проголодался и хочу пить.

Но умный сын ответил:

— Если я отдам тебе пирог да вино, то мне самому ничего не останется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а умный сын пошел себе дальше. Вот начал он рубить дерево; ударил топором да угодил

себе прямо в руку, — пришлось ему домой возвращаться и делать себе перевязку. А вышло все из-за того седого человечка.

Потом пошел в лес средний сын, и дала ему мать, как и старшему сыну, сдобный пирог и бутылку вина. Ему тоже повстречался старый седой человечек и попросил у него кусок пирога и глоток вина. Но и средний сын, тоже разумный, ответил:

— Дам я тебе — мне меньше достанется. Ступай своей дорогой.

Так и остался человечек ни с чем, а средний сын пошел себе дальше. Но и он был наказан: ударил он несколько раз по дереву и попал топором в ногу, вот и пришлось его домой на руках относить.

Тогда Дурень и говорит:

— Дозволь мне, батюшка, хоть раз в лес пойти дров нарубить.

Ответил отец:

— Братья твои уже ходили, да только себе навредили, — куда уж тебе, ты в этом деле ничего не смыслишь.

Но Дурень все просил да просил, и отец, наконец, сказал:

— Ну, ступай, авось в беде поумнеешь.

И дала ему мать пирог, а был он на воде замешен да в золе испечен, и бутылку кислого пива. Пришел Дурень в лес; повстречался ему тоже старый седой человечек, поздоровался с ним и говорит:

— Дай мне кусок пирога и глоток из твоей бутылки, — я так голоден и мне очень хочется пить.

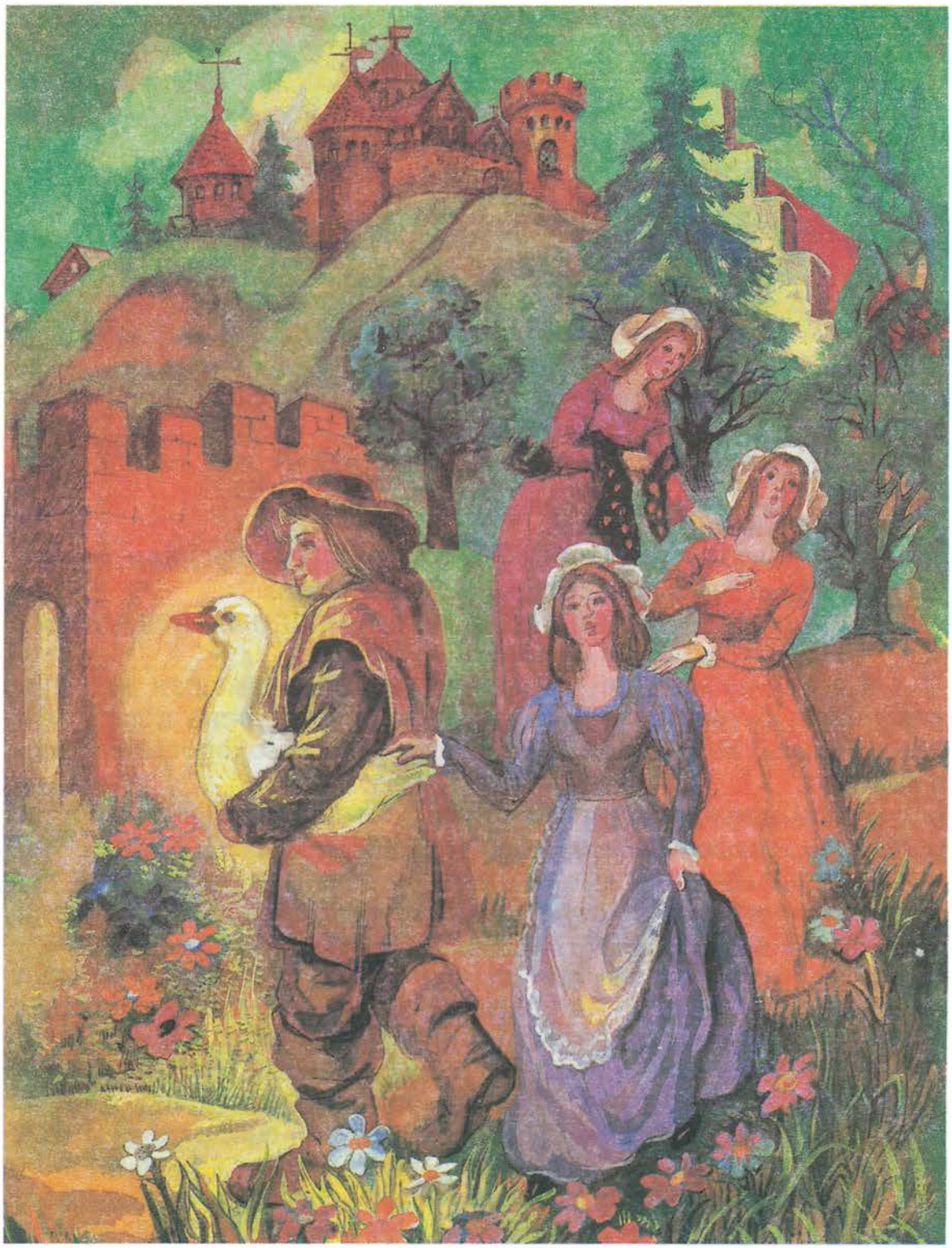
Ответил Дурень:

— Но у меня-то ведь пирог на золе испечен, а пиво кислое; но если это тебе по вкусу, давай присядем и вместе закусим.

Сели они; достал Дурень свой пирог, что был на золе испечен, а оказался он сдобным и вкусным, а кислое пиво стало хорошим вином. Поели они, попили, и сказал человечек:

— Оттого, что у тебя сердце доброе и ты охотно со мной поделился, награжу тебя счастьем. Вон стоит старое дерево, ты сруби его, и между корнями для тебя кое-что найдется. — Потом человечек попрощался и ушел.

Пошел Дурень, подрубил дерево, оно свалилось, вдруг видит он — сидит на корнях гусь, а перья у гуся все из чистого золота.



Поднял он гуся, взял его с собой и пошел в харчевню, где и решил заночевать. А у хозяина харчевни было три дочери; увидали они гуся, стало им любопытно, что это за диковинная птица такая, и захотелось им добыть одно из его золотых перьев. Старшая подумала: «Случай к тому, пожалуй, подвернется, я вытащу себе золотое перо». Только Дурень отлучился, схватила она гуся за крыло, но тут пальцы ее так к крылу и пристали. Пришла вскоре вторая сестра, и было у нее одно на уме: как бы это вытащить и себе золотое перо; но только она прикоснулась к своей сестре, так тотчас к ней и прилипла. А тут пришла и третья сестра, чтоб добыть себе золотое перо, но сестры ей крикнули:

— Ради Бога, не подходи к нам, отойди!

Но она не поняла, почему это нельзя подойти, и подумала: «Если сестры мои там, то и я могу быть тоже с ними», — и только она подбежала и прикоснулась к одной из сестер, так тотчас к ней и прилипла. Вот и пришлось им провести ночь возле гуся.

На другое утро взял Дурень гуся под мышку и ушел, мало беспокоясь о том, что трое девушек тащатся за ним следом. Пришлось им все время бежать следом за гусем то туда, то сюда, куда ноги Дурня надумают. Повстречался им в поле пастор; увидал он такое шествие и говорит:

— Постыдитесь, бесстыжие девушки! Чего бежите следом за парнем, куда это годится? — И он схватил младшую за руку, собираясь ее оттащить. Но только он к ней прикоснулся, как тоже прилип, и пришлось ему самому бежать следом за ними.

Повстречался им вскоре на пути причетник; увидел он пастора, спешащего следом за тремя девушками, удивился и закричал:

— Эй, господин пастор, куда это вы так спешите? Не забудьте, что нынче надо еще ребенка крестить, — и он подбежал к пастору, схватил его за рукав и тоже прилип.

Когда они все впятером бежали следом друг за дружкой, повстречалось им двое крестьян, возвращавшихся со своими мотыгами с поля; пастор крикнул им, чтоб они освободили его и причетника. Но только прикоснулись крестьяне к причетнику, как тоже прилипли, — и стало их теперь семеро бегущих следом за Дурнем и его гусем.

Вот пришел Дурень в город, а правил в том городе король; и была у него дочка, такая строгая да мрачная, что ни один

человек не мог ее никак рассмешить. И потому королем был объявлен указ, что кто, мол, ее рассмешит, тот на ней и женится.

Услыхал Дурень об этом и отправился со своим гусем и целой ватагой спутников к королевне. Увидела та семерых, бегущих друг за дружкой, и так начала смеяться, что и остановиться ей было трудно. Потребовал тогда Дурень ее себе в невесты, но королю будущий зять что-то не очень понравился. Стал король придумывать всякие отговорки и сказал, чтоб привел он ему такого человека, который бы смог целый подвал вина выпить. Тут Дурень и вспомнил про седого человечка и подумал, что тот сможет, пожалуй, прийти ему на помощь. Отправился Дурень в лес и увидел на том самом месте, где рубил он однажды дерево, какого-то человечка; тот сидел, и по лицу его было видно, что он сильно пригорюнился. Стал Дурень его расспрашивать, чего он горюет. Тот ответил:

— Мучит меня сильная жажда, никак не могу я ее утолить. Холодной воды я не пью, бочку вина я уже опорожнил, но для меня это все одно, что капля на раскаленный камень.

— Я могу в этом деле тебе помочь, — сказал Дурень. — Ступай за мной, и ты вдосталь напьешься.

Повел его Дурень в королевский подвал. Подсел человечек к огромным бочкам и стал пить; пил и пил, пока живот у него не раздулся, и не прошло и дня, как выпил он целый подвал.

Потребовал во второй раз Дурень себе невесту, но король рассердился, что такой простой парень, которого всяк величает Дурнем, может взять его дочь себе в жены, и поставил тогда новое условие: должен Дурень сначала найти такого человека, который бы смог целую гору хлеба поесть.

Недолго думая, отправился Дурень прямо в лес; и сидел на том самом месте какой-то человек; он подтянул свой пояс потуже, лицо у него было грустное, и он сказал:

— Я уже съел целую печь ситного хлеба, да что это для меня, когда у меня такой сильный голод! Утробы моей никак не насытишь, и приходится мне пояс подтягивать все туже, чтоб с голоду не пропасть!

Обрадовался Дурень и говорит:

— Так вставай и ступай за мной: уж ты досыта наешься.

Привел он его к королевскому двору, а туда свезли на ту пору всю муку со всего королевства и напекли огромную гору хлебов;

ну, тут лесной человек подошел и начал есть, — и в один день вся хлебная гора исчезла.

В третий раз потребовал Дурень себе невесту, но королю хотелось от него избавиться, и потребовал он у Дурня такой корабль, чтобы мог по воде и по суше плавать.

— Как только ты на том корабле ко мне подплывешь, — сказал он Дурню, — тотчас получишь дочь мою в жены.

Отправился Дурень прямою дорогою в лес; сидел там старый седой человечек, которому он отдал когда-то свой пирог, и сказал человечек:

— Это ты меня накормил, напоил, дам я тебе за это корабль; я это делаю потому, что ты меня пожалел.

И дал он ему корабль, что мог ходить и по суше и по морю. Увидел король тот корабль и не мог отказаться выдать дочь свою замуж за Дурня. Вот сыграли свадьбу, и после смерти короля наследовал Дурень все королевство и жил долгие годы счастливо со своею женой.

Дух в бутылке

Жил однажды на свете бедный дровосек и работал он с утра до самой поздней ночи. Вот собрал он, наконец, немного деньжат и говорит своему сыну:

— Ты у меня одно-единственное дитя, и хочу я те деньги, что заработал кровавым потом, отдать на твое ученье; научишься ты чему-нибудь путному и будешь меня кормить на старости лет, когда стану я слаб и должен буду сидеть дома.

И поступил юноша в высшую школу, учился он в ней прилежно, и учителя его хвалили; и так пробыл он там некоторое время. Проучился он в двух школах, но всего, однако ж, чему там обучали, пройти он еще не успел, а тут и бедность настала, заработков отца не хватало, и пришлось ему снова домой воротиться.

— Эх, — молвил отец в огорчении, — дать я тебе больше

ничего не могу, и при нынешней дороговизне и гроша-то ведь лишнего не заработаешь, разве что хватит только на хлеб насущный.

— Милый батюшка, — ответил сын, — вы о том не беспокойтесь; если на то воля Господня, то все выйдет к лучшему; я уж что-нибудь да придумаю.

Вот собрался отец идти в лес, чтоб заработать немного на лесных работах, а сын ему и говорит:

— Пойду я с вами да вам помогу.

— Ладно, — сказал отец, — но тебе там трудненько придется: ты ведь к тяжелой работе непривычен, пожалуй, не выдержишь; да у меня и топор-то всего один, а лишних денег, чтоб купить другой, нету.

— А вы попросите у соседа, — ответил сын, — он одолжит вам топор, а там я себе и новый заработаю.

Занял отец топор у соседа, и на другое утро, только стало светать, отправились они вместе в лес. Сын помогал отцу и при этом не уставал, и работа шла как следует. Когда солнце стояло как раз над головою, отец и говорит:

— Давай отдохнем да пополдничаем, оно и работа пойдет потом лучше.

Взял сын кусок хлеба и говорит:

— Вы, батюшка, отдохните, а я не устал, я по лесу похожу да птичьих гнезд поищу.

— Э, да какой ты, однако, шустрый, — молвил отец, — чего тебе там шататься? Устанешь, а потом и руки не подымешь; оставайся-ка ты лучше здесь да посиди вместе со мной.

Но сын не послушался и ушел в лес, поел хлеба, повеселел и стал на зеленые ветки заглядываться, не отыщется ли где какое гнездо. Так бродил он по лесу, пока, наконец, не подошел к большому старому дубу — должно быть, было ему уж несколько сот лет, и был он такой толстый, что куда побольше, чем в четыре обхвата. Он остановился, поглядел на него и подумал: «А на нем, пожалуй, не одна птица гнездо себе свила». И вдруг ему показалось, будто он слышит какой-то голос. Он насторожился и услыхал чей-то глухой крик: «Выпусти меня, выпусти!» Осмотрелся он — никого не видать, но ему показалось, будто доносится из-под земли чей-то голос. Тогда он крикнул:

— Эй, где ты?

И голос ответил:

— Я здесь, у самых корней дуба. Выпусти меня, выпусти!

Начал студент раскапывать землю под деревом и искать около корней, и вот, наконец, наткнулся он в маленькой ямке на стеклянную бутылку. Он поднял ее, посмотрел на свет и увидел, что в ней что-то прыгает, похожее на лягушку.

— Выпусти меня, выпусти! — послышался голос снова, и студент, не предполагая ничего плохого, вынул пробку.

И вышел тотчас оттуда дух и стал расти, и рос он так быстро, что в несколько мгновений уже стояло перед студентом отвратительное чудовище вышиной с полдерева.

— Знаешь ли ты, — закричал он страшным голосом, — какая награда тебе будет за то, что ты меня выпустил?

— Нет, — ответил студент, — откуда ж мне знать об этом?

— Так вот я тебе скажу, — крикнул дух, — я тебе за это шею сломаю!

— Чего же ты мне раньше-то об этом не сказал? — ответил студент. — Уж я бы тогда там тебя и оставил; а голова-то моя перед тобой устоит, вот хоть людей об этом спроси.

— Да что все у людей да у людей спрашивать, — закричал дух, — заслуженную тобой награду ты должен получить. Ты думаешь, что это я из милости был заперт так долго в бутылке? Нет, это было в наказанье; я — могущественный Меркурий, и кто меня освободит, тому я должен сломать шею.

— Эй ты, потише, — ответил студент, — так быстро дело не пойдет; сначала мне надо узнать, и вправду ли ты сидел в бутылке, и действительно ли ты настоящий дух. Если ты сможешь снова залезть в бутылку, тогда я тебе поверю, а потом уже можешь делать со мной что хочешь.

Дух высокомерно ответил:

— Да что тут уметь! Дело это простое, — и он свернулся, сделался таким тонким и маленьким, каким был раньше, и пролез снова в горлышко бутылки. Только он туда забрался, а студент взял и тотчас заткнул бутылку пробкой и бросил ее под корни дуба на прежнее место. Так и обманул он духа. И собрался идти студент назад к своему отцу, а дух как завопит, да так жалобно-прежалобно:

— Ах, выпусти ты меня, выпусти!

— Нет, — ответил ему студент, — во второй раз я тебя уже

не выпущу; кто хотел меня жизни лишить, того уж если я поймал, то не выпущу.

— Если ты меня отпустишь, — закричал дух, — то я дам тебе столько, что на всю жизнь хватит.

— Нет, — ответил студент, — ты меня опять, как первый раз, обманешь.

— Упустишь ты свое счастье, — сказал дух, — я ничего дурного тебе не сделаю, а награжу тебя щедро.

Студент подумал: «Пожалуй, попробую, может, и вправду сдержит он слово, придираться ко мне, пожалуй, ему не за что». И вот он вынул пробку, — и поднялся дух из бутылки, как в прошлый раз, вытянулся и стал ростом с великана.

— Ну, теперь получай свою награду, — сказал он и подал студенту небольшой лоскут вроде пластыря и говорит:

— Если потрешь ты одним концом рану, то она заживет, а потрешь ты другим концом сталь или железо, обратится оно в серебро.

— Надо будет сначала проверить, — ответил студент; подошел к дереву, разрубил топором кору и потер ее одним концом лоскута — и тотчас кора затянулась и срослась. — Ну, вижу, что все это правильно, — сказал он духу, — а теперь мы можем с тобой и расстаться.

Дух поблагодарил его за освобожденье, а студент поблагодарил духа за его подарок и отправился к своему отцу.

— Где это ты шатался? — спросил его отец. — А о работе и забыл. Ну, не говорил ли я, что она будет тебе не под силу.

— Да вы, батюшка, будьте спокойны, я уж наверстаю.

— Да что уж наверстывать, — молвил сердито отец, — дело это для тебя неподходящее.

— А вот, батюшка, посмотрите, — как ударю я это дерево, так оно и затрещит.

Взял он свой лоскут, натер им топор и ударил со всего маху; но железо превратилось в серебро, а лезвие все погнулось.

— Эй, батюшка, посмотрите, какой вы мне плохой топор дали, он весь погнулся.

Испугался отец и говорит:

— Ах, что же ты наделал! Придется теперь мне за него платить, а чем же платить-то? Вот она, польза, от твоей работы!

— Не сердитесь, — ответил сын, — за топор уж я сам заплачу.

— Ах, дурень ты, чем же ты будешь платить-то? У тебя ведь только и есть, что я тебе даю; вот она, студенческая твоя премудрость, которой ты себе голову набил, а что до того, чтобы дерево срубить, в этом ты ничего не смыслишь.

Ну, тут студент и говорит отцу:

— Работать я больше не в силах, давайте лучше вечером пирушку устроим.

— Да что ты в самом деле! — говорит отец. — Думаешь, мне одно только и остается, что засунуть руки в карманы, как делаешь это ты? Нет, мне надо еще поработать, а ты можешь домой убираться.

— Отец, да я ведь в первый раз здесь в лесу, дороги мне одному не найти, пойдемте вместе со мной.

Ну, гнев у отца поутих, уговорил сын отца, и пошли они вместе домой. Вот и говорит отец сыну:

— Ступай продай сломанный топор, увидишь, что тебе за него дадут; а остальные деньги придется мне заработать, чтобы уплатить соседу за топор.

Взял сын топор и отнес его в город к золотых дел мастеру. Тот взял его, сделал пробу, положил на весы и говорит:

— Цена ему будет четыреста талеров, но денег у меня таких сейчас при себе нету.

А студент говорит:

— Уплатите мне то, что у вас есть, а остальное останетесь должны. — И дал ему золотых дел мастер триста талеров, а сто остался должен. Воротился студент домой и говорит:

— Ну, отец, деньги теперь у меня завелись; пойдите спросите, сколько сосед за топор хочет.

— Да я и без того знаю, — ответил старик, — один талер и шесть грошей.

— Так вот, дайте ему два талера и двенадцать грошей, будет это как раз вдвое, и с него хватит; глядите — денег у меня достаточно.

Он дал отцу сто талеров и говорит:

— Недостатка в них теперь у вас никогда не будет, живите себе в свое удовольствие.

— Боже ты мой, — сказал старик, — как же это ты так вдруг разбогател?

И рассказал сын ему все, что случилось, и как, понадеяв-

шись на свое счастье, получил он такую богатую добычу. Взяв остальные деньги, отправился он снова в высшую школу и продолжал учиться дальше, а так как умел он лечить своим пластырем всякие раны, то и стал самым знаменитым доктором в мире.

Королевич, который ничего не боялся

Жил-был однажды королевич, не хотелось ему больше оставаться дома у своего отца, а так как он ничего не боялся, то подумал: «Пойду я по белу свету странствовать, не скучно мне будет, да и насмотрюсь я на разные диковинные вещи». Попрощался он со своими родителями и ушел от них, и шел все напрямик с утра до самого вечера, и было ему все равно, куда путь ведет. Случилось так, что подошел королевич к дому одного великана; утомился он и сел у дверей отдохнуть. Стал королевич по сторонам разглядывать и вдруг заметил во дворе у великана игрушку: были то два огромных шара и кегли в рост человека. В скором времени явилась у королевича охота поиграть в те кегли, он расставил их и начал сбивать их шарами, и когда кегли падали, он громко кричал, оттого что было ему весело. Услыхал великан шум, высунул

голову в окно и увидел человека; и был тот ростом, как все люди, а, однако ж, играл в его кегли.

— Эй ты, козявка! — крикнул великан. — Что это ты в мои кегли играешь? Откуда у тебя такая сила?

Посмотрел королевич наверх, оглядел великана и сказал:

— Ах ты, чурбан этакий! Что же ты думаешь, что у тебя одного только сильные руки? Я могу всё, что захочу!

Сошел великан вниз, начал с удивленьем смотреть на игру в кегли и сказал:

— Если ты такой человек, то ступай и принеси мне яблоко с дерева жизни.

— А зачем оно тебе? — спросил королевич.

— Это яблоко я хочу не для себя, — ответил великан. — Есть у меня невеста, это она его требует. Ходил я, бродил немало по свету, но такого дерева отыскать никак не мог.

— Уж я его отыщу, — сказал королевич, — во что бы то ни стало!

Говорит великан:

— Ты думаешь, что это так уж легко? Сад, где растет дерево, обнесен железной оградой, и лежат у ограды в ряд дикие звери, они несут стражу и никого из людей туда не пускают.

— Меня они пропустят, — сказал королевич.

— Да, но если ты и попадешь в этот сад и увидишь висящее на дереве яблоко, то это еще не значит, что ты его сможешь сорвать: висит перед ним кольцо, и тот, кто захотел бы достать и сорвать яблоко, должен сначала просунуть в него руку, а это еще никому не удавалось.

— А мне удастся, — сказал королевич.

Попрощался он с великаном и двинулся через горы и долы, поля и леса и пришел, наконец, к волшебному саду. Лежали вокруг него звери, но они опустили головы вниз и спали. Они не проснулись и тогда, когда он к ним подошел и даже когда через них переступил. Вот перелез королевич через ограду и благополучно попал в сад. И росло там посредине дерево жизни, и сияли на ветках его красные яблоки. Он взобрался по стволу наверх, хотел было протянуть руку за яблоком, вдруг видит — висит перед ним кольцо; он легко просунул в него руку и сорвал яблоко. Но вдруг кольцо крепко зажалось вокруг руки, и тут королевич почувствовал, что могучая сила проникла в его жилы.

Он спустился с яблоком вниз с дерева и не захотел перелезать через ограду, взялся рукой за большие ворота, — и стоило ему только их потрясти, как они с треском растворились. Он вышел из сада, но проснулся лев, лежавший перед оградой, и бросился за королевичем, но не в дикой ярости, а пошел следом за ним покорно, как за своим хозяином.

Принес королевич великану обещанное яблоко и сказал:

— Вот видишь, я достал его без всякого труда.

Обрадовался великан, что его желанье так быстро исполнилось, поспешил к своей невесте и дал ей яблоко, которое она требовала. Но девушка была и красавица и умница, она не увидела на руке у великана кольца и сказала:

— Я тебе до тех пор не поверю, что яблоко добыл ты, пока не увижу у тебя на руке кольца.

Сказал великан:

— Для этого мне надо вернуться домой, я его тебе принесу, — он думал, что кольцо легко будет отнять силой у слабого человека, если тот не отдаст его по доброй воле.

И вот потребовал великан у королевича кольцо, но тот отказался.

— Где яблоко, там должно находиться и кольцо, — сказал великан, — не отдашь его по доброй воле, придется тебе из-за него со мною сразиться.

Долгое время боролись они между собой, но великан не мог ничего поделать с королевичем: волшебная сила кольца делала его могучим. Тогда великан схитрил и сказал:

— Мне от борьбы стало жарко, да и тебе, пожалуй, тоже, — давай выкупаемся в реке и освежимся, а потом начнем снова.

Королевич, не подозревая никакого коварства, подошел с великаном к воде; но снял он вместе с одеждой и кольцо с руки и прыгнул в реку. Вмиг схватил великан кольцо и бросился бежать; но лев заметил вора, кинулся за великаном в погоню, вырвал из рук у него кольцо и принес его назад своему хозяину. Спрятался великан за дубом, и когда королевич одевался, он напал на него и выколол ему глаза.

И стоял теперь королевич слепой, не зная, что ему делать. Подошел к нему великан, опять схватил его за руку, собираясь его куда-то вести, и привел его на вершину высокой скалы. Он оставил его там, а сам подумал: «Стоит ему сделать несколько

шагов, и он разобьется насмерть, и я смогу тогда снять с него кольцо». Но верный лев не покинул своего хозяина, он крепко схватил его за одежду и оттащил назад. Явился великан, хотел ограбить мертвого, но увидал, что хитрость его не удалась. «Неужто нельзя никак уничтожить такого слабого человечка!» — молвил он, разгневанный, про себя, схватил королевича и повел его снова другою дорогой к пропасти. Но лев заметил злой умысел и помог хозяину выбраться из беды. Когда великан подвел слепого совсем близко к обрыву, он выпустил руку королевича и хотел оставить его одного, но лев толкнул великана, и тот упал в пропасть и разбился.

Верный зверь оттащил своего хозяина от края пропасти и привел его к дереву, где протекал прозрачный, светлый ручей. Сел королевич у ручья, а лев улегся рядом и лапой обрызгал ему лицо. И только попало несколько капель королевичу в глаза, как смог он опять немного видеть; и вот он заметил птичку, которая ударилась о ствол дерева, потом спустилась к ручью, выкупалась в нем и, не коснувшись деревьев, взлетела, мелькнула, будто к ней снова вернулось зренье. Увидел королевич в этом знак Божий, нагнулся к воде и омыл в ней лицо. Когда он поднялся, глаза его стали чистые и ясные, какими еще не были никогда.

Поблагодарил королевич Бога за его великую милость и продолжал странствовать по свету вместе со своим львом. Случилось однажды, что пришел он к замку; а был тот замок заколдованный, и стояла в воротах замка дева, она была стройная, и лицо было у ней прекрасное, но вся она была черная. Она заговорила с королевичем и сказала:

— Ах, если бы ты мог расколдовать меня от злых чар!

— А что ж я должен для этого сделать? — спросил королевич.

И ответила дева:

— Ты должен провести три ночи в большом зале заколдованного замка, но ты не смей допускать к себе в сердце страх. Если тебя станут мучить самыми ужасными пытками и ты выдержишь, не проронив ни звука, я буду расколдована. Жизни отнять они у тебя не посмеют.

И сказал тогда королевич:

— Я не страшусь и с Божьей помощью попытаюсь.

И вот он весело отправился в замок, и когда уже смерклось, он уселся в большом зале и стал дожидаться. До самой полночи

было тихо, но вдруг поднялся большой шум, изо всех углов и закоулков явились маленькие чертики, они сделали вид, будто его не замечают, уселись посреди комнаты, зажгли огонь и затеяли игру. Если кто проигрывал, тот говорил: «Это неправильно, здесь кто-то находится из чужих, это он виноват, что я проиграл». А другой чертик сказал: «Постой, вот я к тебе явлюсь, эй ты, там за печкой!» Крики становились при этом все сильней и сильней, и никто не мог бы их слушать без страха. Но королевич продолжал сидеть совершенно спокойный, и страха у него не было. Но вот, наконец, черти повскакали и накинулись на него, и было их так много, что защищаться от них королевич был не в силах. Они таскали его по полу, щипали, колотили, били и всячески его терзали, но он и звука не проронил. Под утро они исчезли; но он так изнемог, что не в состоянии был и пошевельнуться. И когда наступил рассвет, явилась к нему черная дева, она держала в руках маленький пузырек с живою водой и обмыла его ею, и вмиг он почувствовал, что все боли исчезли и его жилы наполнились свежими силами.

Он сказала:

— Одну ночь ты выдержал удачно, но тебе предстоят еще две.

Потом она снова ушла; и когда она уходила, он заметил, что ноги у нее стали белые.

На следующую ночь черти явились опять и принялись за игру. Они нападали на королевича и колотили его куда сильней, чем в прошлую ночь, и все тело у него покрылось ранами. Но оттого, что он выдержал все молча, им пришлось его оставить; и когда взошла утренняя заря, явилась дева и исцелила его живою водой. А когда она уходила, он с радостью увидел, что вся она стала белая.

Осталось ему выдержать еще одну ночь, но то была самая трудная. Чертовы привидения явились опять.

— А-а, ты еще здесь! — закричали они. — Сейчас тебя будут терзать и пытать так, что ты задохнешься.

Они кололи его и били, бросали в разные стороны, таскали за руки и за ноги, будто собираясь его разорвать. Но он все вытерпел и звука не вымолвил. Наконец черти исчезли, а он лежал без чувств, не мог и пошелохнуться, даже глаз он не мог открыть, чтобы увидеть деву, которая явилась к нему и окропила и облила его живою водой. И вмиг он избавился от всяких болей

и почувствовал себя свежим и бодрым, будто только что очнулся от сна. Он открыл глаза и увидел стоящую перед ним деву, и была она вся белоснежная и прекрасная, как ясный день.

— Вставай, — сказала она, — и трижды взмахни над порогом своим мечом, и все будет освобождено от злых чар.

И только он это сделал, весь замок был расколдован, и оказалась дева богатой королевной. Явились слуги и сказали, что в пиршественном зале накрыт уже стол и поданы блюда с едой. Уселись королевич с королевной за стол, ели и пили вместе, а вечером они отпраздновали в великой радости свадьбу.

Братья Гримм

Салатный осел

Жил-был когда-то молодой охотник, вышел он раз в лес поохотиться. На душе у него было весело и радостно, он сорвал листочек, стал на нем насвистывать, но явилась вдруг перед ним старая-престарая уродливая старуха, заговорила с ним и сказала:

— Здравствуй, милый охотничек! Ты вон какой веселый и довольный, а я мучаюсь от голода и жажды, подай мне милостыньку.

Пожалел охотник бедную старушку, сунул руку в карман и подал ей что мог. Собрался он идти дальше, но старуха остановила его и говорит:

— Послушай, милый охотник, что я тебе скажу: хочу я за твое доброе сердце сделать тебе подарок. Ступай дальше своим путем-дорогой, и в скором времени ты подойдешь к дереву,

будут сидеть на нем девять птиц, будут они держать в когтях плащ и вырывать его друг у друга. Ты возьми приложи ружье и выстрели как раз в середину: они сбросят тебе плащ на землю, но ты попадешь в одну из птиц, и она упадет мертвая наземь. Плащ ты возьми с собой, это плащ волшебный: если ты накинешь его себе на плечи, он выполнит все, что ты пожелаешь, и куда ты захочешь попасть, там и окажешься. А из мертвой птицы ты вынь сердце, проглоти его целиком, — и будешь каждое утро, когда проснешься, находить у себя под подушкой золотой.

Поблагодарил охотник вещую старуху и подумал про себя: «Чудесные вещи она мне наобещала, если бы только все это исполнилось». Но не прошел он и ста шагов, как услыхал вверху на ветвях птичий крик и щебет. Он глянул наверх и увидел стаю птиц, которые рвали клювами и когтями какое-то покрывало, кричали, клевали одна другую и дрались между собой, будто каждая из них хотела захватить его себе.

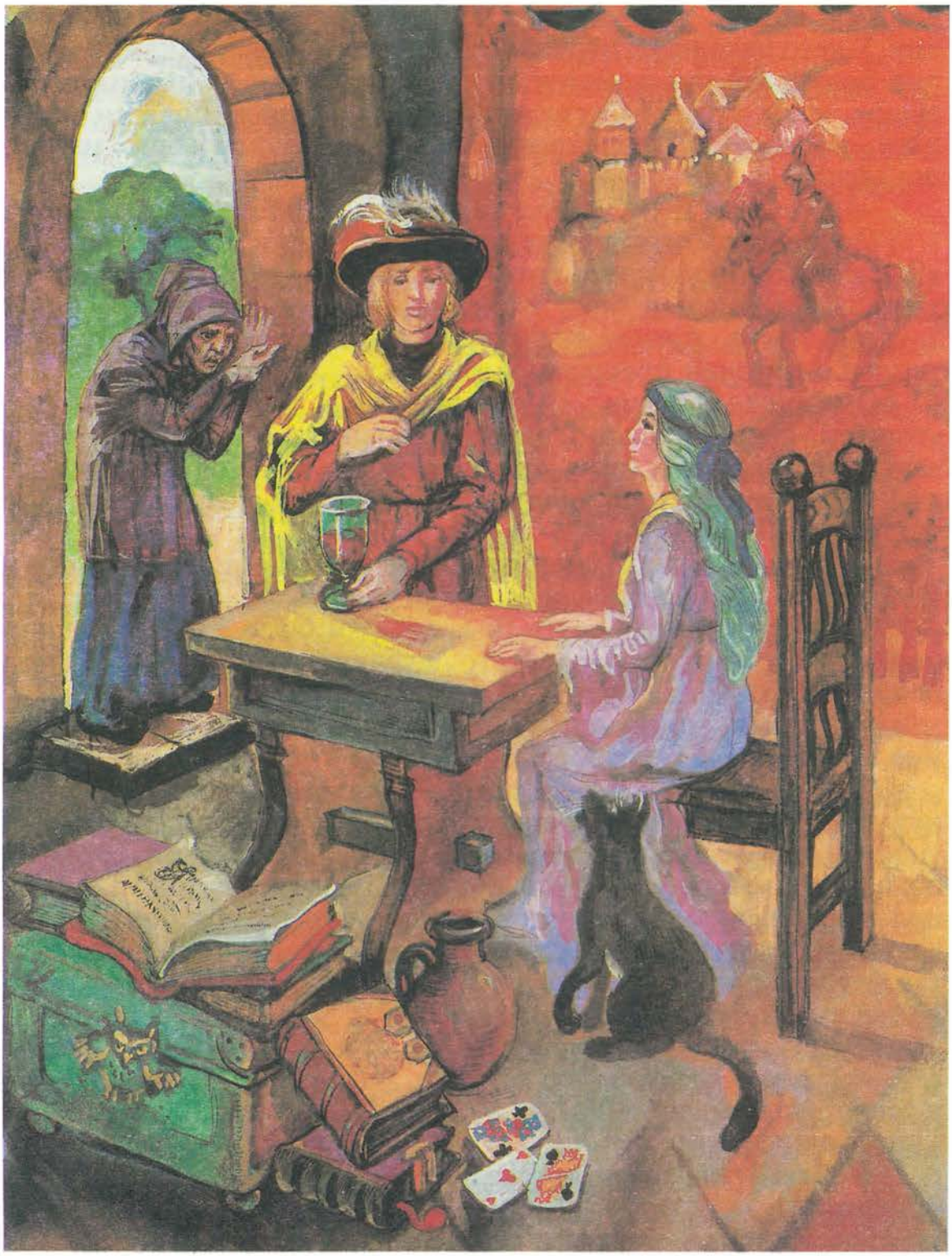
— Вот удивительное дело, — сказал охотник, — выходит, как говорила старушка. — Он снял с плеча ружье, приложил его и выстрелил прямо в середину, и посыпались кругом перья. Вмиг все птицы с шумом разлетелись, но одна упала мертвая наземь, и плащ тоже упал на землю. Охотник сделал так, как велела ему старуха: распотрошил птицу, вынул у нее сердце, проглотил его, а плащ взял с собою домой.

На другое утро, только он проснулся, вспомнил про обещание и решил проверить, исполнилось ли оно. Он поднял подушку — и перед ним блеснул золотой. На другое утро он нашел еще золотой, и так было каждое утро, когда он просыпался. Он собрал целую кучу золота и, наконец, подумал: «На что же мне все это золото, если сижу я все дома? Пойду-ка я странствовать, погляжу, что на белом свете делается».

Простился он со своими отцом-матерью, взял охотничью сумку и ружье и отправился странствовать по свету. Случилось ему однажды идти дремучим лесом, и когда тот лес кончился, он увидел, что перед ним, на равнине, стоит стройный замок, Стояла у окна замка старуха с девушкой чудесной красоты и смотрела вниз. А была та старуха ведьмой, и молвила она девушке:

— Вон идет из лесу человек, у него внутри находится волшебный клад, надо бы этого человека, милая доченька,

Братья Гримм. Салатный осел



ввести в обман: тем кладом нам больше пристало владеть, чем ему. У него находится птичье сердце, и потому у него каждое утро под подушкой оказывается золотой. — Старуха объяснила девушке, как с этим делом справиться, какую надо повести с ним игру, а потом она пригрозила ей и сказала, гневно на нее поглядев:

— А если ты меня не послушаешься, то плохо тебе придется!

Подошел охотник ближе, увидел девушку и молвил про себя: «Я так долго бродил, что хотелось бы мне, наконец, отдохнуть, хорошо бы зайти в этот прекрасный замок, денег-то у меня вдосталь». Но, правду сказать, причиной тому было то, что увидел он издали прекрасную девушку.

Он вошел в замок; его приняли там радушно и любезно угощали. И вот прошло немного времени, и он так влюбился в ведьмину дочь, что ни о ком другом и думать не хотел, и все глядел ей в глаза и исполнял все, что она хотела. И сказала тогда старуха:

— А теперь надо отобрать у него птичье сердце, он и подозревать не будет, если его лишится.

Они приготовили зелье, и когда оно было готово, старуха подлила его в кубок, дала его девушке, и та должна была поднести его охотнику.

— Возьми, мой милый, — сказала девушка, — да выпей за мое здоровье.

Он взял кубок и только выпил напиток, как тотчас выплюнул из себя птичье сердце. Девушка должна была его тайком унести, потом его проглотить, потому что старухе хотелось обладать тем сердцем. С той поры он перестал находить у себя под подушкой золотые, они оказались теперь под подушкой у девушки, и каждое утро старуха тот золотой забирала. А охотник так безумно влюбился в девушку, что думал только о том, как бы провести ему время вместе с ней.

И сказала старая ведьма:

— Птичье сердце у нас имеется, надо будет отобрать у него и волшебный плащ.

Девушка ответила:

— Давай мы плащ оставим ему, он и так лишился всего богатства.

Рассердилась старуха и сказала:

— Да это ведь плащ волшебный, такой редко на свете сыщется, я должна иметь его во что бы то ни стало.

Дала она девушке совет, что ей надо делать, и объявила, что если она ее не послушается, то плохо ей придется. Сделала девушка так, как велела ей старуха. Стала она однажды у окна и начала смотреть вдаль, будто ей очень взгрустнулось. Спрашивает ее охотник:

— Чего ты стоишь тут пригорюнившись?

— Ах, мой любимый, — ответила девушка, — вон стоит гранатовая гора, и находятся в ней прекрасные драгоценные камни. И у меня такое большое желание их иметь, что когда я об этом думаю, мне становится очень грустно. Но кто может их добыть? На ту гору могут долететь разве одни только птицы, а человеку туда никогда не взобраться.

— Если ты только об этом и грустишь, — сказал охотник, — я твое горе развею.

Он обнял девушку, укрыл ее своим плащом и пожелал попасть на гранатовую гору, — и вмиг они уже сидели на ее вершине. Всюду сверкали благородные камни, и видеть это было так радостно; и вот отобрали они из них самые красивые и самые драгоценные. Но старуха начала колдовать, — и вдруг у охотника отяжелели глаза. Он сказал девушке:

— Давай немного посидим да отдохнем, я так устал, что стоять больше не в силах.

Они уселись на земле, и он положил ей голову на колени и уснул. Только он уснул, отвязала девушка у него с плеч плащ, набросила его на себя, собрала гранаты и разные камни и пожелала вернуться с ними домой.

Когда юноша выспался, он очнулся и увидел, что возлюбленная его обманула и оставила его одного в диких горах.

— О, — сказал он, — как сильна на свете измена! — И сидел он в горе и печали, не зная, как ему теперь быть.

А принадлежала эта гора диким и страшным великанам, они там жили и занимались разбоем. Просидел охотник недолго и вскоре заметил, что к нему приближаются трое из них. Он улегся на землю, будто погруженный в глубокий сон. Вот подошли великаны, первый из них толкнул его ногой и сказал:

— Что это за червяк лежит тут на земле и все поглядывает?

Второй сказал:

— А ты его раздави ногой.

Но третий презрительно заметил:

— Да стоит ли это делать! Бросьте его, пусть себе живет; остаться здесь он все равно не сможет, а если подымется на самую вершину горы, его подхватят облака и утащат за собой.

Поговорили они так и прошли мимо, но охотник эти слова хорошо запомнил; и как только великаны ушли, он поднялся и взобрался на вершину горы. Просидел он там некоторое время, и вот подплыло облако, схватило его и понесло. Облако блуждало некоторое время по небу, потом стало опускаться и спустилось над большим, обнесенным стеной огородом, и охотник мягко опустился на землю, прямо среди капустных грядок и овощей.

Огляделся охотник и говорит:

— Вот если бы мне теперь чего-нибудь покушать! Я так проголодался, что идти дальше мне будет трудно, а здесь не видно ни яблок, ни груш, ни ягод каких-нибудь, растет одна только зелень. Наконец он подумал: «В крайнем случае я мог бы поесть салата, — правда, он не особенно вкусный, но он все же меня подкрепит». Он выбрал себе хороший пучок и принялся есть; но только проглотил он несколько листьев, как вдруг стало у него на душе так странно, и он почувствовал, что совершенно изменился. У него выросли четыре ноги, большая голова, два длинных уха, — и он в ужасе увидел, что обратился в осла. А так как он все еще чувствовал большой голод и по его теперешней натуре салат пришелся ему как раз по вкусу, он принялся за него с большой жадностью. Наконец он попал на другой сорт салата, и только он немного его поел, как почувствовал снова превращение, и к нему вернулся опять его человеческий образ.

Прилег охотник на землю, выспался как следует, и усталость у него прошла. Проснулся он на другое утро, сорвал пучок злого салата и пучок доброго салата и подумал: «Это поможет мне добиться своего и наказать неверность». Он спрятал оба пучка салата, перелез через стену и направился на поиски замка своей возлюбленной. Он проблуждал несколько дней, но, по счастью, нашел его снова. Он быстро выкрасил себе лицо в смуглый цвет, и его не узнала бы даже родная мать, потом направился в замок и попросил там ночлега.

— Я устал, — сказал он, — и дальше идти не в силах.

Ведьма спросила:

— Земляк, а скажи мне, кто ты такой? Чем ты занимаешься?

Он ответил:

— Я скороход королевский, был послан на поиски самого вкусного салата, который только растет на земле. И мне посчастливилось его найти; теперь я несу его с собой, но солнце печет так сильно, что я опасаюсь, как бы нежный салат не увял, и не знаю, смогу ли его донести.

Как услыхала старуха про вкусный салат, ей захотелось его отведать, и она сказала:

— Милый земляк, дай мне попробовать этого чудесного салата.

— Что ж, можно, — ответил он. — Я захватил с собой два пучка, один из них готов вам отдать, — он развязал свою сумку и подал ей злой салат.

Ведьма не подозревала ничего дурного, и при виде нового кушанья у ней потекли слюнки, и она сама отправилась на кухню и начала его приготовлять. Когда салат был готов, она никак не могла дождаться, пока он будет подан на стол, взяла два листочка и сунула их в рот. Но только она их проглотила, как потеряла тотчас свой человеческий образ, обратилась в ослицу и бросилась во двор. Пришла на кухню служанка, видит — стоит приготовленный салат; хотела было его отнести, но ей так захотелось его отведать, что она, по своей старой привычке, съела несколько листков. Колдовство тотчас подействовало, и она тоже обратилась в ослицу и бросилась к старухе, а блюдо с салатом упало на землю.

Скороход сидел в это время у красивой девушки; салата никто не приносил, а девушке тоже очень хотелось его отведать, и она спросила:

— А где же салат?

Охотник подумал: «А трава, видно, уже подействовала», и ответил:

— Я пойду на кухню, узнаю.

Спустился он вниз, видит — бегают во дворе две ослицы, а салат лежит на полу.

— Хорошо, — сказал он, — две свою долю уже получили, — и он подобрал с поля листья салата, положил их на блюдо и принес красивой девушке.

— Чтоб вам долго не дожидаться, — сказал он, — я сам вам принес эту вкусную еду.

Она съела салат и вмиг, как и те две, потеряла свой человеческий вид, обратилась в ослицу и убежала во двор.

Умыл тогда охотник лицо, чтоб обращенные в ослиц могли его узнать, спустился во двор и сказал:

— Теперь получайте награду за вашу неверность, — и он привязал всех трех на веревку, повел за собой и пришел на мельницу.

Он постучался в окошко, высунул оттуда голову мельник и спросил, что ему надо.

— Да вот есть у меня три строптивых ослицы, — ответил он, — я не хочу их держать больше у себя. Ежели вы согласитесь взять их к себе, предоставить им корм и стойло и обращаться с ними так, как я вам скажу, я заплачу вам за это сколько вы потребуете.

Мельник сказал:

— Что ж, я согласен. А как же я должен с ними обращаться?

И охотник объяснил, что старую ослицу, — а была то ведьма, — он должен бить трижды в день, а кормить один раз; ослицу помоложе, — а была то служанка, — он должен бить один раз в день, а кормить трижды; самую молодую, — а была то девушка-красавица, — бить не надо, а кормить следует ее трижды в день, — охотник никак не мог пересилить своего сердца и допустить, чтобы девушку били. Потом он вернулся назад в замок, и там оказалось все, что ему было надо.

Спустя несколько дней явился старый мельник и сказал, что должен, мол, доложить, что старая ослица, получавшая только одни побои, а корм один раз в день, околела.

— А две остальных, — продолжал он, — хотя и не околели еще и свой корм получают три раза на день, но так загрустили, что проживут, пожалуй, недолго.

Сжалился тогда охотник, гнев у него поостыл, и он сказал мельнику, чтобы тот привел их сюда. Как только ослицы явились, дал он им поесть доброго салата, и они опять обратились в людей. Бросилась прекрасная девушка перед ним на колени и сказала:

— Ах, мой любимый, простите мне все, что я причинила вам злого, это меня заставляла делать моя мать; это вышло против

моей воли, а я люблю вас от всего сердца. Ваш волшебный плащ висит здесь, в шкафу, а чтоб вернуть вам птичье сердце, я выпью рвотного лекарства.

Но в мыслях у него было теперь совсем другое, и он сказал:

— Пусть оно остается у тебя, теперь мне это все равно, я хочу, чтоб ты стала моей верной женой.

И вот справили они свадьбу и прожили счастливо вместе до самой смерти.

Братья Гримм

Ворона

Жила-была некогда королева; была у нее дочка, совсем еще маленькая, — ее еще на руках носили. Однажды стала девочка капризничать, и что мать ей ни говорила, девочка никак не могла успокоиться. Потеряла мать терпенье, а летали вокруг замка в то время вороны; вот открыла она окно и сказала:

— Хоть бы ты стала вороной и от меня улетела, мне было бы тогда спокойней!

Только вымолвила она это слово, обернулась девочка вороной и выпорхнула у нее из рук прямо в окошко. Улетела она в темный лес и оставалась там долгое время, и родители ничего о ней не знали. Спустя некоторое время проезжал через тот лес один человек, услыхал он, что кричат вороны, и пошел туда; подошел он ближе, а ворона ему и говорит:

— Я родилась королевной, но меня заколдовали, и ты можешь меня освободить от заклятья.

— А что же надо мне для этого сделать? — спросил он.

Говорит ворона:

— Ступай дальше в лес и увидишь там дом, сидит в том доме старуха; она предложит тебе поесть и попить, но ты этого делать не смей, а не то нападет на тебя сон и тогда ты не сможешь меня освободить. В саду за тем домом стоит большая сторожевая вышка; ты взойди на ту вышку и там меня дожидайся. Три дня подряд я буду являться к тебе в карете, каждый раз в два часа, и будет она запряжена сначала четверкою белых жеребцов, потом четверкой буланых, наконец четверкою вороных; и если ты будешь бодрствовать и не уснешь, я буду расколдована.

Человек пообещал выполнить все, что она пожелает, а ворона говорит:

— Ах, я уж знаю, ты меня от колдовства не освободишь, ты что-нибудь да возьмешь у старухи.

Но человек пообещал еще раз, что ничего у старухи брать не станет, ни еды, ни питья. Когда подошел он к тому дому, вышла к нему навстречу старуха и говорит:

— Бедный вы человек, как вы истощали! Заходите и подкрепитесь, покушайте чего-нибудь да выпейте.

— Нет, — говорит человек, — я не хочу ни есть и ни пить.

Но она все приставала к нему и говорила:

— Если вы есть не хотите, то отпейте хоть из этого вот стакана, ведь это все равно что ничего.

И вот она уговорила его, и он выпил. После полудня, около двух часов, вышел он в сад, взобрался на вышку и стал дожидаться ворону. Стоит он там, и вдруг такая на него напала усталость, что он не мог себя пересилить и прилег немного; но уснуть ему все-таки не хотелось. Но только он лег поудобней, как сами собой глаза у него закрылись, он заснул и спал так крепко, что ничто на свете не могло бы его разбудить.

В два часа подъехала ворона на четверке белых жеребцов, она сильно грустила и сказала:

— Я знаю, он спит.

Вошла она в сад, — так оно и оказалось: он лежал на вышке и спал. Вышла она из кареты, подошла к нему, стала его расталкивать, окликнула, но он не проснулся.

На другой день в полдень явилась опять старуха, принесла ему еды и питья, но он не хотел их брать. Она не давала ему покоя и уговаривала его до тех пор, пока он не хлебнул из стакана. Около двух часов вышел он в сад, поднялся на вышку и стал ждать ворону, но вдруг он почувствовал такую усталость, что устоять был не в силах; он ничего не мог поделать, захотелось ему лечь, и его одолел глубокий сон.

Явилась ворона на четверке буланых коней, была она в великой печали и молвила:

— Я знаю, он спит.

Взошла она к нему на вышку, где он лежал, но не могла его никак разбудить. На другой день говорит ему старуха:

— Что это такое? Ты не ешь ничего и не пьешь, неужто ты умирать задумал?

Он ответил:

— Я есть и пить не хочу и не смею.

Но она поставила перед ним блюдо с едой и стакан вина. Услыхал он запах, не мог удержаться и хлебнул большой глоток. Пришло время, и вышел он в сад, на вышку, и стал дожидаться королевну; а был он еще больше утомлен, чем в те дни, лег на землю и уснул, да так крепко, точно весь окаменел.

В два часа явилась ворона; приехала она на четверке вороных жеребцов, в черной карете и вся в черном. И была ворона совсем уже в глубокой печали и сказала:

— Я знаю, он спит и освободить меня не сможет.

Пришла она к нему, а он лежит и спит крепким-крепким сном. Толкнула она его, окликнула, но разбудить не могла. Положила она тогда рядом с ним хлеб и кусок мяса, а на третье бутылку вина, чтоб он мог поесть и выпить столько, сколько бы захотел, а пища и вино не уменьшались бы. Потом сняла она с пальца золотое кольцо и надела ему на палец, а было на том кольце ее имя вырезано. Оставила она ему и письмо, было в нем перечислено, что она ему принесла, и сказано, что пища и питье никогда не будут уменьшаться; и было в этом письме еще написано: «Я вижу, что ты освободить меня здесь не сможешь; если хочешь освободить, то приходи в золотой замок Стеклянной горы, — сделать это в твоей власти, я знаю это наверняка». Положила она все это, села потом в карету и поехала в золотой замок Стеклянной горы.

Он проснулся, видит, что спал, и стало ему на сердце грустно, и он сказал:

— Видно, она только проехала мимо, а я ее не освободил.

Вдруг он заметил — что-то лежит около него; он прочитал письмо, и было в нем описано, как все случилось. Вот поднялся он и направился к золотому замку Стеклянной горы, но он не знал, где тот замок находится. Странствовал он по свету долгое время и попал, наконец, в темный лес. Шел он тем лесом целых четырнадцать дней и никак не мог из него выбраться. Однажды к вечеру он так устал, что лег под кустом и уснул. На другой день двинулся он дальше, а под вечер собрался снова прилечь под кустом, — и вдруг услыхал вой, плач и никак не мог уснуть. Был час, когда люди зажигают свет, и он увидел, что где-то вдали светится огонек; он поднялся и пошел ему навстречу; он пришел к какому-то дому, и дом показался ему совсем крошечным оттого, что перед ним стоял великан. Подумал он: «Если войти в этот дом, великан меня заметит и можно легко своей жизнью поплатиться». Но, наконец, он решился и вошел. Увидал его великан и говорит:

— Это хорошо, что ты явился, я давненько уже ничего не ел. Я проглочу тебя на ужин.

— Посмотрим, — сказал человек, — я не так-то легко дам себя проглотить. Если ты хочешь есть, то еды у меня вдосталь, чтоб тебя накормить досыта.

— Если это правда, — сказал великан, — можешь спокойно оставаться; я хотел съесть тебя потому, что у меня нет ничего другого. — Они пошли, подсели к столу, и он достал хлеб, вино и мясо, и сколько они ни ели и ни пили, всегда оставалось столько же.

— Это мне нравится, — сказал великан и ел сколько влезет.

Потом человек ему говорит:

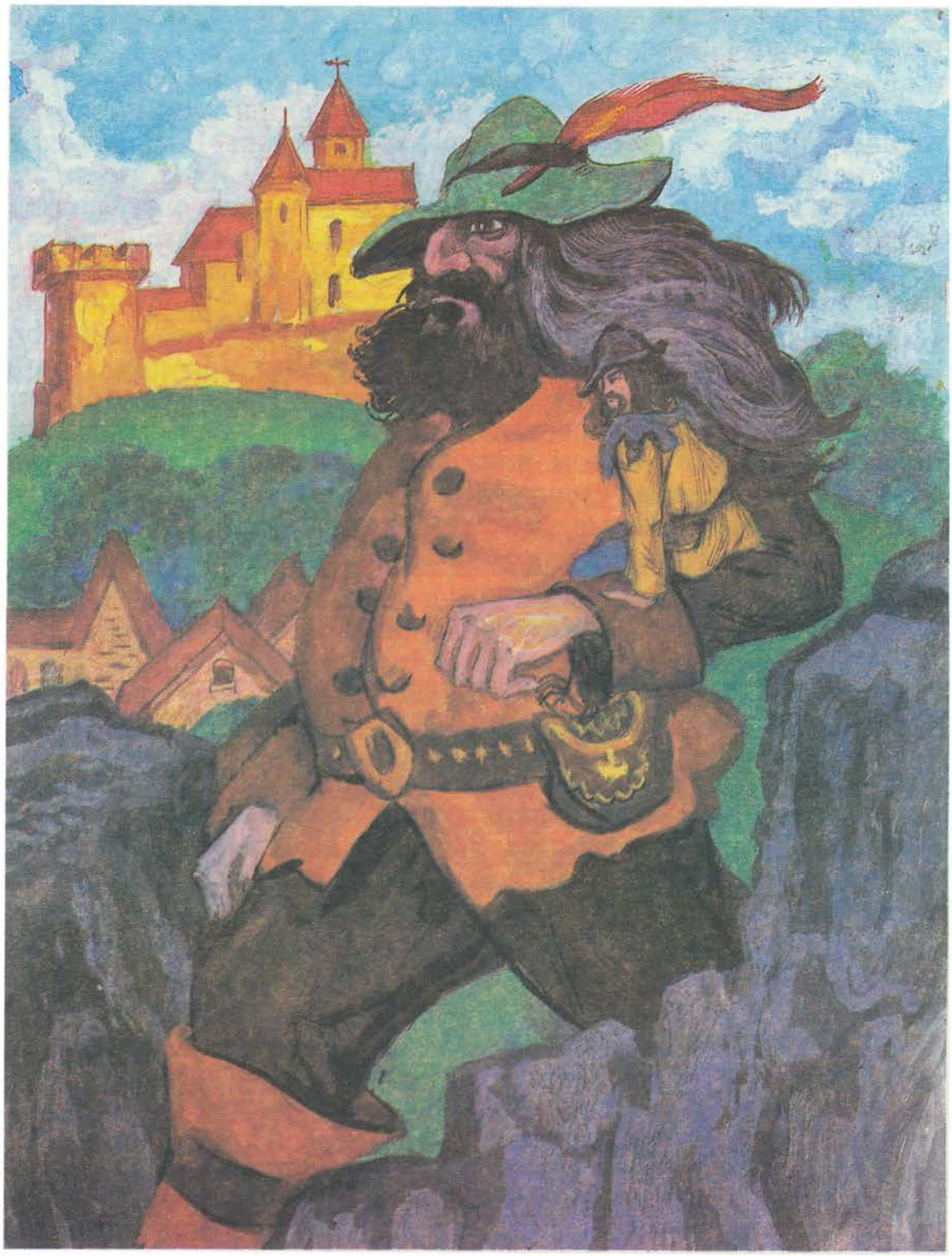
— Не можешь ли ты мне сказать, где находится золотой замок Стеклянной горы?

Великан сказал:

— А я посмотрю по своей карте, на ней можно найти все города и деревни и все дома.

Принес он полевую карту, что была у него в комнате, и стал искать на ней замок, но на карте такого замка не было.

— Это ничего, — сказал великан, — есть у меня в шкафу



наверху еще карты побольше, посмотрим по ним. — Но и на них замка не оказалось.

Собрался человек идти дальше; но великан стал его просить остаться еще день-другой у него, пока не вернется домой его брат, который ушел на поиски пищи. Воротился домой брат великана, и стали они его спрашивать, где находится золотой замок Стеклянной горы; тот ответил:

— Вот как поужинаю да наемся, поищу его на карте.

Вошли они вместе с ним в его горницу и стали искать на его карте, но замка такого найти никак не могли. Принес тогда брат великана другие старинные карты, стали они искать по тем картам; искали-искали, пока, наконец, не нашли золотой замок Стеклянной горы, но был он за много тысяч миль отсюда.

— А как же мне туда попасть? — спросил человек.

Великан и говорит:

— Есть у меня два часа свободного времени, я готов отнести тебя почти до самого замка, а потом мне надо будет домой возвращаться и кормить грудью ребенка, который у нас живет.

Понес великан человека, и оставалось до замка сто часов ходу, вот он и говорит:

— Остальную часть дороги ты пройдешь без труда и сам.

Повернул потом великан назад, а человек пошел дальше, и шел он день и ночь, пока, наконец, не пришел к золотому замку Стеклянной горы. Этот замок стоял на горе из стекла, и заколдованная девушка объехала вокруг него в своей карете, а затем вошла туда. Увидел он ее, обрадовался и хотел было взобраться к ней наверх, но как ни старался, а все по стеклу вниз скатывался. Понял он, что ему к ней не добраться, крепко запечалился и молвил про себя: «Останусь-ка я тут внизу и стану ее дожидаться». Построил он себе хижину, просидел в ней целый год и каждый день глядел на королевну, как ездила она там наверху, но наверх к ней взобраться никак не мог.

Заметил он однажды из своей избушки, как бились между собой трое разбойников-великанов, и крикнул им:

— Господь с вами!

Услыхав это, они остановились, но никого не заметили и продолжали драться вовсю. Он крикнул им опять:

— Господь с вами!

Они остановились было, оглянулись, но никого не заметив, продолжали биться. Крикнул он в третий раз:

— Господь с вами! — и подумал: «Надо поглядеть, что эти трое задумали».

Он подошел к ним и спрашивает, почему они между собой дерутся. И сказал один из великанов, что нашел он-де палку, такую, что если ею ударить в дверь, то дверь разлетится; другой великан сказал, что нашел он такой плащ, что если его на себя накинуть, то станешь невидимкой; а третий сказал, что поймал он такого коня, что всюду на нем можно проехать и даже на Стеклянную гору взобраться. И вот не знают они теперь, как им быть — оставаться ли им вместе или разойтись. Тогда человек сказал:

— Хотел бы я у вас эти три вещи выменять; хотя денег у меня и нету, но зато имеются у меня другие предметы, что будут подороже всяких денег. Но я должен сперва вашу находку испытать, чтоб узнать, правду ли вы говорите.

И они позволили ему сесть на коня, набросили на него плащ и дали ему в руку палку; только он все это получил, как стал вмиг невидимкой. Ударил он разбойников со всего маху и крикнул:

— Ну, медвежатники, получайте теперь, что вам следует! Вы этим довольны?

Потом въехал он на коне на Стеклянную гору и был уже перед самым замком — но замок был закрыт. Ударил он палкой в ворота, они вмиг распахнулись; он вошел туда, поднялся по лестнице наверх и вошел в зал; сидела там девушка, а перед нею стояла золотая чаша с вином. Девушка не могла его заметить, оттого что он был укутан плащом. Он подошел к ней, снял с пальца кольцо, что она когда-то ему подарила, бросил его в чашу, и оно на дне зазвенело. И она воскликнула:

— Это мое кольцо! Значит, и тот человек, который меня освободит от заклятья, должен здесь находиться.

Стали его искать по всему замку, но нигде не нашли; он вышел, сел на коня и сбросил с себя плащ. Вот подошли к воротам, и все увидели его и от радости закричали. Тогда он сошел с коня и обнял королевну; а она поцеловала его и сказала:

— Теперь ты меня освободил от злых чар, завтра мы отпразднуем нашу свадьбу.

Шестеро слуг

Давно тому назад жила старая королева. Была она колдунья, а дочка была у ней самая красивая девушка во всем свете. Но старуха помышляла только о том, как бы ей заманить людей в беду, и когда приходил жених, она говорила, что кто хочет получить ее дочь, тот должен выполнить сначала задачу или погибнуть. Многие были ослеплены красотой девушки и отваживались на это дело, но выполнить, что поручала им старуха, они не могли, — и тогда уж не было им пощады: приходилось им становиться на колени, и рубили им головы с плеч. Услыхал один королевич про великую красоту девушки и говорит своему отцу:

— Дозвольте мне туда отправиться, я хочу за нее посвататься.

— Я никогда этого тебе не позволю, — ответил король, — если ты туда пойдешь, то уж назад не вернешься.

И вот слег королевич в постель, заболел смертельно и пролежал целых семь лет, и ни один лекарь не мог его вылечить. Понял отец, что нет больше никакой надежды, и молвил ему с тоской в сердце:

— Отправляйся туда и попытай счастья, я не знаю, чем больше тебе помочь.

Как услыхал это сын, поднялся с постели, сразу выздоровел и весело отправился в путь-дорогу.

И случилось так, что проезжал он на коне через пустошь и заметил издали, что лежит что-то на поле, будто большая копна сена; подъехал он ближе, видит — а это брюхо какого-то человека, который лежал на земле растянувшись; и было то брюхо похоже на небольшой пригорок. Как увидал толстяк путника, поднялся во весь рост и сказал:

— Если вам нужен человек, возьмите меня к себе в слуги.

Королевич ответил:

— Да что же мне с таким увальнем делать?

— О, — сказал толстяк, — это еще что! Вот если я раздуюсь как следует, то стану в три тысячи раз толще.

— Раз так, — сказал королевич, — ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Пошел толстяк вслед за королевичем; а спустя некоторое время нашли они и другого, тот лежал на земле, приложив ухо к траве.

Спросил королевич:

— Что ты тут делаешь?

— Прислушиваюсь, — ответил человек.

— К чему же ты так чутко прислушиваешься?

— Прислушиваюсь к тому, что сейчас на свете творится; ведь от моих ушей ничто не скроется, мне даже слыхать, как растет трава.

Спросил королевич:

— Скажи мне, что же ты слышишь при дворе старой королевы, у которой красавица дочь?

Ответил тот:

— Слышу, как меч свистит, что голову с плеч жениху рубит.

Сказал королевич:

— Ты мне пригодишься, ступай вместе со мной.

Вот двинулись они дальше и в скором времени увидели, что

лежат две ступни и ноги, а конца их и не видать. Проехали они немалое расстояние и подъехали, наконец, к самому туловищу, а потом и к голове.

— Эй, — сказал королевич, — а ты длинен, однако, как большой канат!

— О, — ответил долговязый, — это еще что! Если мне как следует вытянуться, то стану я в три тысячи раз длинней и побольше самой высокой горы на земле. Я охотно готов вам служить, если вы только согласны взять меня к себе в услужение.

— Ступай вместе со мной, — сказал королевич, — ты мне пригодишься.

Отправились они дальше и повстречали на пути еще одного: тот сидел на дороге с завязанными глазами.

И сказал ему королевич:

— Что это у тебя — глаза больные, что ты на свет не можешь смотреть?

— Нет, — ответил человек, — я не могу снять повязки потому, что если я гляну на что глазами, то все разлетится в куски, настолько могуч мой взор. Если это вам может пригодиться, я готов вам охотно служить.

— Ступай вместе со мной, — ответил королевич, — ты можешь мне пригодиться.

Отправились они дальше и нашли по дороге человека, — тот лежал на самом солнцепеке и дрожал, его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как это может тебя знобить? — сказал королевич. — Ведь солнце греет так жарко.

— Ах, — ответил человек, — у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей; а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, а в огне от холода.

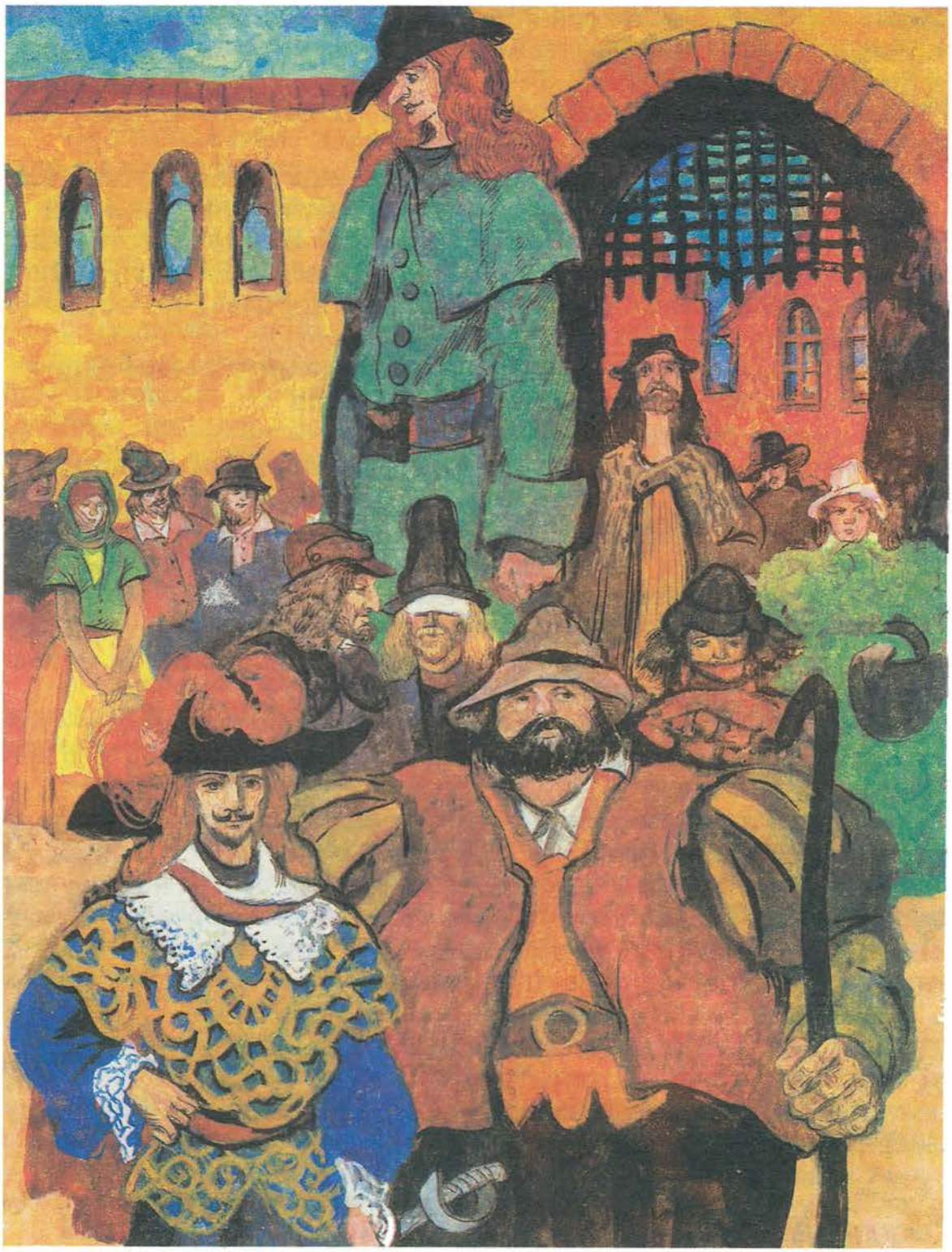
— Странный ты человек! — сказал королевич. — Но если хочешь мне служить, то ступай вместе со мной.

Вот отправились они дальше, видят — стоит человек, вытянул свою длинную шею и по сторонам глядит, и видно ему все, что за горами делается.

Сказал королевич:

— Куда это ты так пристально вглядываешься?

Ответил человек:



— У меня такое острое зренье, что я вижу все через леса и поля, горы и долы и через весь мир вижу.

Сказал королевич:

— Если хочешь, ступай вместе со мной, такого мне как раз и недостает.

И вот двинулся королевич со своими шестью слугами в город, где жила старая королева. Он не объявил, кто он такой, а сказал:

— Если вы согласны выдать за меня вашу красавицу дочь, я выполню то, что вы мне зададите.

Обрадовалась колдунья, что попал к ней снова в сети такой прекрасный юноша, и сказала:

— Я задам тебе тройную задачу, если выполнишь каждую из них, станешь господином и мужем моей дочери.

— А какая же будет твоя первая задача? — спросил королевич.

— Ты должен достать мне мое кольцо, что уронила я в Красное море.

Пошел королевич домой к своим слугам и говорит:

— Первая задача не из легких: надо достать из Красного моря кольцо. Ну, как поступить?

Сказал тогда тот, у кого было острое зренье:

— Я посмотрю, где оно лежит.

Глянул он в глубь моря и сказал:

— Оно висит там на остром камне.

Отнес их Долговязый в те края и сказал:

— Да я бы его достал, мне бы только увидеть, где оно.

— Если только за этим стало, то я смогу! — воскликнул Толстяк и тотчас улегся на землю и подставил свой рот к самой воде; и двинулись волны к нему в рот, точно в пропасть какую, и он выпил целое море, и стало оно сухое, как луг. Нагнулся тогда Долговязый маленько и достал рукою кольцо. Обрадовался королевич, получив кольцо, и принес его старухе. Удивилась она и говорит:

— Да, это то самое кольцо и есть. Первую задачу ты выполнил удачно, а теперь черед за второй. Видишь, вон там на лугу перед моим замком пасутся триста откормленных быков, — ты должен их всех съесть заодно с шкурой и шерстью, костьми и рогами; а внизу в подвале стоит триста бочек вина, — ты должен их все выпить; но если останется от быков хотя бы один

волос, а от вина хоть одна капелька, прощайся тогда со своей жизнью.

Говорит королевич:

— А можно ли мне к себе гостей пригласить? Без людей-то и обед невкусен.

Засмеялась злобно старуха и ответила:

— Чтоб не быть тебе одному, можешь пригласить кого-нибудь, не больше одного.

Пришел королевич к своим слугам и сказал Толстяку:

— Нынче ты будешь моим гостем и уж наешься досыта.

И вот раздулся Толстяк и съел триста быков, так что и волоска не осталось, и спрашивает, нет ли еще чего закусить; потом выпил вмиг все вино из бочек, даже стакана не потребовалось, вылизал все, до последней капли на затычке.

Кончился обед, явился королевич к старухе и сказал ей, что вторая, мол, задача выполнена. Удивилась старуха и говорит:

— Этого еще ни один человек не мог выполнить, но остается еще одна задача. — А сама про себя подумала: «Уж ты от меня не уйдешь, не сносить тебе головы на плечах». — Нынче вечером, — сказала она, — я приведу к тебе в спальню свою дочь, ты должен ее там обнимать; а когда вы будете сидеть вдвоем, то, смотри, берегись, чтоб не уснуть: как пробьет полночь, я приду, и если не будет она в твоих объятьях, то погиб ты тогда.

Подумал королевич: «Это задача легкая, уж я и глаз не сомкну», но он все-таки кликнул своих слуг, рассказал им, что задала старуха, и говорит:

— Кто знает, какая за этим хитрость кроется; нужна осторожность, — вы стойте на страже и следите, чтоб девушка из моей спальни не вышла.

Наступила ночь, и явилась старуха со своей дочерью и передала ее в руки королевичу. Протянулся тогда Долговязый вокруг них кольцом, а Толстяк стал у дверей, и ни одна живая душа проникнуть туда не могла бы. Сидели они там вдвоем, девушка и слова не молвила, светила луна в окно ей прямо в лицо, чтобы мог он видеть ее чудесную красоту. Он только и делал, что глядел на нее, был полон радости и любви, и глаза его не знали усталости. Так продолжалось до одиннадцати часов; но вот старуха напустила на всех свои чары, и все вдруг уснули, и в этот миг девушка была похищена.

Проспали они крепким сном до без четверти двенадцать, и потеряло тогда колдовство свою силу, и они все проснулись опять.

— Ох, какое несчастье! — воскликнул королевич. — Теперь я погиб!

Верные слуги тоже начали причитать, но Слухач сказал:

— Тише, дайте мне прислушаться.

Послушал он чуть и говорит:

— Она сидит на утесе, в трехстах часах ходу отсюда, и оплакивает там свою судьбу. Ты, Долговязый, только один и мог бы помочь, если бы протянулся во весь свой рост, — стоит тебе сделать несколько шагов, и ты будешь там.

— Да, — ответил Долговязый, — но пускай идет вместе со мной Остроглазый, чтоб могли мы убрать скалу.

Посмотрел Долговязый на того, кто был с завязанными глазами, и в тот же миг, точно по мановенью руки, очутились они перед заколдованною скалой. Снял Долговязый у Остроглазого повязку с глаз, и только тот оглянулся, как развалилась скала на тысячи кусков. Взял Долговязый девушку к себе на руки и принес ее вмиг назад, он принес так же быстро и своего товарища; и не успело пробить двенадцать часов, как сидели они по-прежнему и были веселые и бодрые. Вот пробило полночь, и подкралась старая колдунья, усмехнулась, будто желая сказать: «Теперь уж ты мой!» — она знала, что дочь ее сидит на скале, в трехстах часах ходу отсюда. Но как увидела она свою дочь в объятьях у королевича, испугалась и сказала:

— Этот будет посильнее меня!

Теперь уж отговариваться ей было нельзя, и ей пришлось дать согласие выдать ее за него замуж. Но она успела шепнуть ей на ухо: «Стыдно тебе, что приходится простых людей слушаться и брать себе мужа не по любви».

Тогда исполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить. Она велела на следующее утро привезти триста вязанок дров и объявила королевичу, что хоть он и выполнил три задачи, но она не станет его женой до тех пор, пока кто-нибудь из них не согласится сесть на костер и выдержать испытание огнем. Она думала, что никто из его слуг не согласится сгореть ради него и что из-за любви к ней он сам будет готов взойти на костер, — а тогда уж она от него избавится. Но слуги сказали:

— Мы все кое-что сделали, только один Мерзляк ничего не сделал, пускай он усядется на костер, — и они посадили его посреди сложенных дров и подожгли их. Запылало пламя, оно горело целых три дня, пока все дрова не сгорели, и когда пламя погасло, видят — стоит Мерзляк на пепле, дрожа как осиновый лист, и говорит:

— Ни разу за всю свою жизнь не испытывал я такого холода; если б это продолжалось дольше, я бы совсем окоченел!

И нечего было делать — пришлось прекрасной девушке взять в мужья неизвестного юношу. Вот поехали они в церковь, и говорит старуха: «Я не в силах вынести такого позора», и выслала вслед за ними свое войско, оно должно было уничтожить все, что встретится ему на пути, и вернуть ей назад ее дочь. Но насторожил уши Слухач и услышал тайные речи старухи.

— Как нам теперь быть? — спросил он у Толстяка.

Но тот уже знал, что делать: он плюнул раз-другой — и разлилось позади кареты почти море, которое он когда-то выпил, и сделалось большое озеро, и войско в том озере и утонуло. Как доведалась о том колдунья, выслала она своих закованных в броню всадников, но Слухач услышал звон и лязг их доспехов и снял у слуги с глаз повязку; и только глянул тот на врагов, как полопались всадники, точно стекло. И поехал жених с невестой спокойно дальше; и когда их обвенчали в церкви, слуги решили получить расчет и говорят своему господину:

— Ваши желанья исполнились, мы вам теперь больше не нужны, мы пойдем странствовать дальше и попытаем себе счастья.

А была в получасе ходьбы от замка деревня, и пас вблизи нее свое стадо свинопас; подъехали они туда, и говорит королевич своей жене:

— А ты знаешь, кто я такой? Я вовсе не королевич, а свинопас, а тот вон, кто пасет стадо, родной мой отец: нам надо пойти и помочь пасти ему стадо.

Вышел он с ней из кареты, зашел в харчевню и тайно шепнул хозяевам, чтобы те отобрали у нее ночью королевское платье. Проснулась она утром, и не во что ей было одеться; дала ей хозяйка харчевни старую юбку да шерстяные чулки и сделала вид, будто это большой подарок, и сказала:

— Если бы не ваш муж, я не дала бы вам ничего.

И поверила королевна, что он и вправду свинопас, и начала пасти с ним вместе стадо, а сама думала: «Я это заслужила за свое высокомерие и гордость». Так продолжалось восемь дней; но больше выдержать она не могла, и все ноги покрылись у нее ранами. Пришли к ней тогда двое крестьян и спрашивают ее, знает ли она, кто ее муж.

— Знаю, — говорит, — он свинопас; он только что ушел, чтоб выручить немного денег за свясла и бечевки.

А они и говорят ей:

— Пойдем с нами, мы отведем вас к нему, — и привели ее наверх в замок. Вошла она в зал, видит — стоит там ее муж в королевских одеждах. Но она его не узнала, пока он не бросился к ней на шею, поцеловал ее и сказал:

— Я так много из-за тебя выстрадал, что и ты должна была тоже ради меня пострадать.

Отпраздновали они тогда по-настоящему свадьбу, а кто эту сказку сказывал, тот был бы тоже не прочь на свадьбе у них побывать.

Железный Ганс

Жил однажды король, и возле его замка был дремучий лес, в котором водилась разная дичь.

Послал раз король туда своего егеря, чтоб убить косулю, но егерь назад не вернулся.

— Видно, с ним какое-нибудь несчастье случилось, — сказал король и послал на другой день двух егерей на поиски его; они тоже назад не вернулись.

Тогда созвал король на третий день всех своих егерей и говорит:

— Исходите весь лес вдоль и поперек и не оставляйте поисков до тех пор, пока всех троих не найдете.

Однако из тех егерей домой никто не вернулся, а из своры собак, которых они взяли с собой, ни одной больше не видели. С той поры больше никто ходить в тот лес не отваживался, и

стоял он в глубокой тишине, одинокий, и видно было только, как пролетал иногда над ним орел или ястреб. Так продолжалось долгие-долгие годы.

Но явился однажды к королю неизвестный охотник, он хотел поступить на службу и вызвался отправиться в тот страшный лес. Но король согласия своего давать не хотел и сказал:

— В этом лесу нечистая сила водится; я боюсь, что и с тобой случится то же, что и с другими, и ты назад из него не вернешься.

Охотник ответил:

— Король, я уж рискну; я ничего не боюсь. — И он отправился со своею собакой в тот лес.

Прошло некоторое время, и напала собака на след дичи и начала было за нею гнаться, но только пробежала она несколько шагов, видит — раскинулось перед ней глубокое болото, дальше идти нельзя, и протянулась из воды голая рука, схватила собаку и потащила ее на дно. Увидал это охотник, воротился назад и привел с собою трех людей; они пришли с ведрами и начали вычерпывать воду. Вот уже показалось дно; и видят они — лежит там дикий человек, тело у него все рыжее, как ржавое железо, а волосы висят до самых колен.

Связали они его веревками и привели в замок. И немало там удивлялись лесному человеку, и велел король посадить его в железную клетку в своем дворе и под страхом смертной казни запретил открывать дверь той клетки, а ключи поручил хранить самой королеве. С той поры каждый мог ходить в тот лес спокойно.

Был у короля сын восьми лет. Играл он раз во дворе, и во время игры попал его золотой мяч в клетку. Подбежал мальчик к клетке и говорит:

— Кинь мне мой мяч назад.

— Нет, — ответил лесной человек, — я его не отдам, пока ты не откроешь мне дверь.

— Нет, — сказал мальчик, — я этого не сделаю, это король запретил, — и убежал.

На другой день пришел он опять и стал требовать свой мяч. А лесной человек говорит: «Открой мне дверь», но мальчик опять отказался.

На третий день король выехал на охоту, а мальчик подошел снова к клетке и говорит:

— Если бы даже я и хотел тебе дверь открыть, то все равно бы не смог — у меня нет ключа.

— Он лежит под подушкою у твоей матери, — сказал лесной человек, — ты его можешь достать.

Мальчику очень хотелось вернуть свой мяч, он позабыл про всякую осторожность и принес ключ. Дверь открывалась с трудом, и мальчик прищемил себе палец. Как только дверь открылась и лесной человек вышел наружу, он отдал мальчику золотой мяч и сам стал быстро уходить.

Сделалось мальчику страшно, и он крикнул вдогонку:

— Ах, лесной человек, не уходи отсюда, а не то меня побьют.

Лесной человек вернулся, поднял его, посадил себе на плечи и быстрыми шагами направился в лес.

Вернулся король домой, увидал пустую клетку и спросил королеву, как все это случилось. Королева ничего не знала, начала искать ключ, но его не оказалось. Стала она звать мальчика, но никто не отвечал. Разослал тогда король повсюду людей на розыски мальчика, но они его нигде не нашли. Тогда король догадался, что случилось, и великая печаль воцарилась при королевском дворе.

А лесной человек вернулся снова в дремучий лес, снял там мальчика с плеча и сказал ему:

— Отца и мать свою ты больше не увидишь, но я буду о тебе заботиться, потому что ты меня освободил и мне тебя жаль. Если ты будешь исполнять все, что я тебе скажу, то будет тебе хорошо. А драгоценностей и золота у меня вдосталь, больше чем у кого-либо на свете.

Он устроил мальчику подстилку из мха, и тот уснул; а на другое утро лесной человек привел его к колодцу и говорит:

— Видишь этот золотой колодец? Он чист и прозрачен, как хрусталь; ты должен будешь около него сидеть и следить, чтоб ничего в него не упало, а не то он станет нечистый. Каждый вечер я буду приходить и смотреть, выполнил ли ты мой наказ.

Сел мальчик на краю колодца, и ему было видно, как мелькала в нем то золотая рыба, то золотая змея, и он следил, чтоб ничто не упало в колодец.

Когда он сидел, вдруг заболел у него палец, да так сильно, что мальчик невольно сунул его в воду. Он быстро вытащил руку назад и вдруг увидел, что весь палец стал золотой; и какие он

старания ни прилагал, чтоб стереть золото, все было напрасно.

Вечером вернулся Железный Ганс — так звали лесного человека, — посмотрел на мальчика и сказал:

— Что случилось с колодцем?

— Ничего, ничего не случилось, — ответил мальчик и спрятал палец за спину, чтоб лесной человек не мог его увидеть.

Но тот сказал:

— Ты погрузил палец в колодец; на этот раз я, так уж и быть, прощаю тебе, но смотри, берегись, чтоб больше ничего в него не попало.

И вот на ранней заре сидел мальчик снова у колодца и его сторожил. Но заболел у него опять палец, и он провел рукой по голове, и упал невзначай один волос в колодец. Он быстро вытащил его оттуда, но волос стал весь золотой.

Явился Железный Ганс, он знал уже все, что случилось.

— Ты уронил волос в колодец, — сказал он, — я прощаю тебе и на этот раз, но если это случится и в третий раз, то станет колодец нечистый и тебе нельзя будет у меня оставаться.

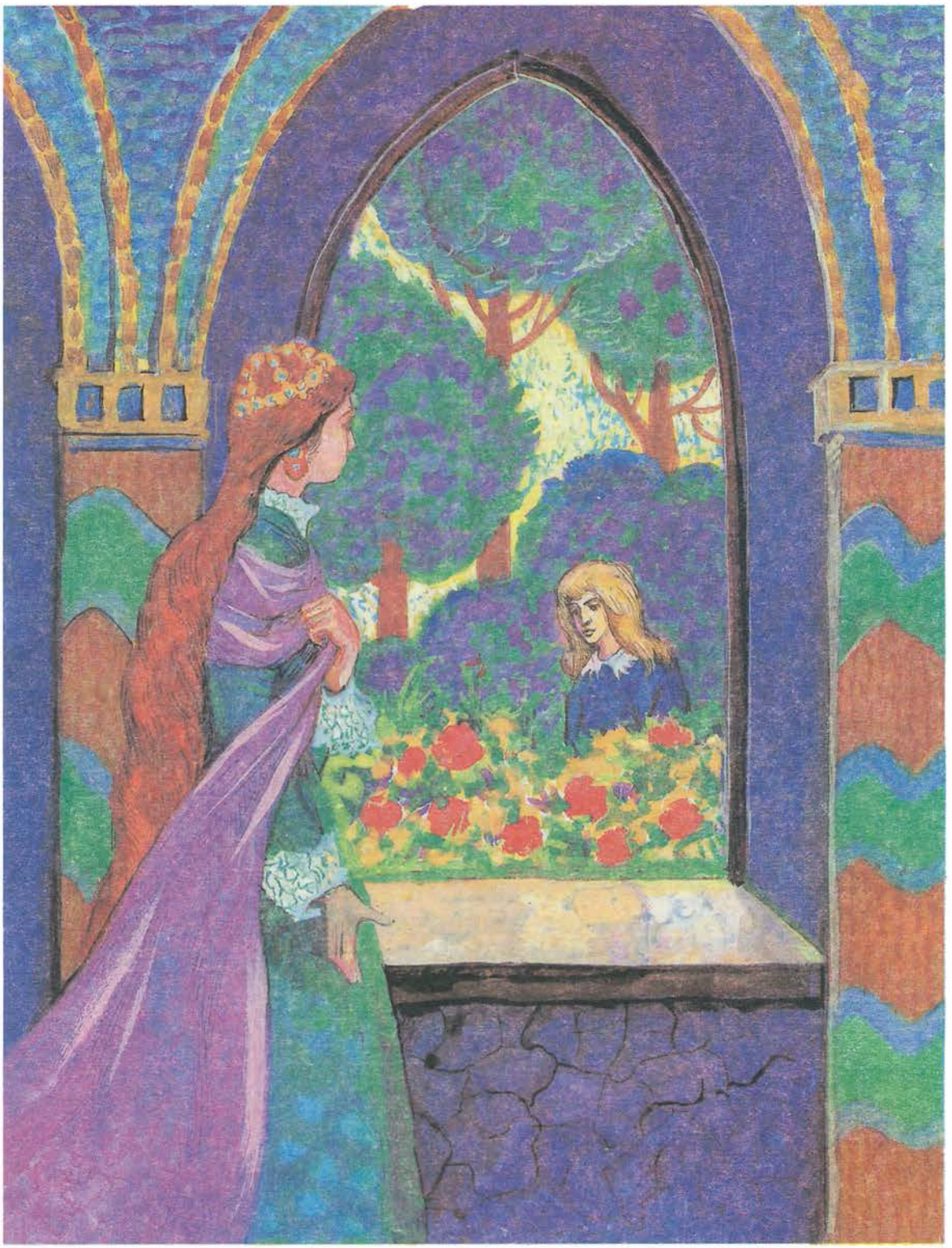
Сидел на третий день мальчик у колодца и уж пальцем не шелохнул, а он болел у него еще очень сильно. Стало ему очень скучно, и он начал разглядывать себя в водяном зеркале. При этом он все больше и больше наклонялся вниз; захотелось ему заглянуть себе в глаза; и вдруг упали его длинные волосы в воду. Он быстро поднялся, но все волосы на голове стали вдруг золотыми и засияли, как солнце.

Можете себе вообразить, как бедный мальчик испугался! Вытащил он из кармана платок и обвязал им голову, чтоб лесной человек ничего не заметил. Но Железный Ганс пришел и знал уже все и сказал:

— А ну, развяжи платок.

И рассыпались золотые волосы у него по плечам, и как мальчик ни оправдывался, ничего не помогло.

— Ты испытания не выдержал, и оставаться тебе здесь больше нельзя. Ступай странствовать по свету, и ты узнаешь тогда, как в бедноте живется. Но так как сердце у тебя не злое и я желаю тебе добра, то я позволю тебе вот что: когда попадешь ты в беду, то ступай в лес и кликни: «Железный Ганс!», и я приду к тебе на помощь. Могущество мое велико, больше, чем ты полагаешь, а золота и серебра у меня вдосталь.



Покинул королевич лес и пошел по дорогам и нехоженым тропам все вперед и вперед, пока, наконец, не пришел в большой город. Стал он искать там работы, но найти ее никак не мог, да и обучен он ничему не был, чем мог бы прокормиться. Наконец отправился он в замок и спросил, не возьмут ли его там на работу. Придворные не знали, к какому делу можно бы его определить, но мальчик им понравился, и они велели ему остаться. Взял его, наконец, к себе на работу повар и велел ему дрова и воду носить да золу выгребать.

Однажды, когда под рукой никого не оказалось, велел повар ему отнести кушанья к королевскому столу. Мальчику не хотелось показывать своих золотых кудрей, и он своего поварского колпака не снял. А к королю в таком виде никто еще ни разу не являлся, и он сказал:

— Если ты являешься к королевскому столу, должен свой колпак снять.

— Ах, господин мой король, — ответил ему мальчик, — я никак не могу, у меня вся голова в струпьях.

Тогда велел король позвать повара, выбранил его и спросил, как же он смел такого мальчишку принимать к себе на работу; и приказал его тотчас прогнать. Но повар мальчика пожалел и обменял его на садовничьего ученика.

И должен был теперь мальчик в саду деревья сажать, поливать их, мотыжить, землю копать и терпеть стужу и зной. Однажды летом работал он один в саду, а день был такой жаркий, и вот снял он свою шапочку, чтоб на ветру освежиться. Но засияло солнце на его волосах, и они так засверкали-заблестели, что упали лучи в спальню королевны, и она вскочила, чтоб поглядеть, что это такое. Увидала она юношу и окликнула его:

— Паренек, принеси мне букет цветов.

Надел он второпях свою шапочку, нарвал простых полевых цветов и связал их в букет. Когда он подымался по лестнице, его встретил садовник и говорит:

— Как ты смеешь нести королевне такие плохие цветы? Скорей нарви других, да самых красивых, душистых.

— Ах, нет, — ответил юноша, — полевые цветы пахнут сильней, они ей больше понравятся.

Вошел он в комнату королевны, а она и говорит:

— Сними свою шапочку, тебе негоже передо мной в шапке стоять.

А он опять-таки отвечает:

— Мне никак нельзя, у меня голова в струпьях.

Тогда королевна схватила шапочку, сняла ее, и рассыпались его золотые волосы по плечам, и глядеть на них было так приятно.

Он хотел убежать, но она удержала его за руку и дала ему целую пригоршню золотых. Он взял их, но на золото никакого внимания не обратил, принес золотые садовнику и говорит:

— Я дарю их твоим детям, пусть они ими играют.

На другой день королевна кликнула его снова и велела принести ей букет полевых цветов, и когда он с ним явился, она тотчас схватила его за шапочку и хотела снять, но юноша крепко держал шапочку обеими руками. Королевна дала ему опять пригоршню золотых, но он оставлять их у себя не захотел, а отдал их детям садовника вместо игрушек. На третий день случилось то же самое, — королевна не могла снять с него шапочку, а он никак не хотел брать у нее золота.

Вскоре началась в этой стране война. Собрал король свой народ и не знал, сможет ли он отразить натиск врага более сильного, у которого имелось большое войско.

И говорит тогда садовничий ученик:

— Я уже вырос и хочу тоже идти на войну вместе с другими, дайте мне только коня.

Но над ним посмеялись и сказали:

— Вот когда мы уедем, ты и лошадь себе подберешь: мы оставим тебе одну на конюшне.

Выступили они в поход, а юноша пошел на конюшню и вывел оттуда лошадь, она на одну ногу хромала, была заморенная и на ходу похрипывала: «гуп-гуп». Но он все-таки сел на нее и двинулся в дремучий лес. Подъехал юноша к опушке леса и трижды крикнул: «Железный Ганс!», да так громко, что разнеслось по всему лесу. И вмиг явился лесной человек и спросил:

— Чего требуешь ты?

— Я требую сильного коня, собираюсь ехать на войну.

— Будет у тебя конь, и ты получишь еще больше, чем требуешь.

Вернулся лесной человек в чащу, и в скором времени вышел

оттуда конюх, он вел коня. Конь фыркал, храпел и его еле можно было удержать. А за ним следовал большой отряд воинов, закованных в броню, и мечи их сверкали на солнце.

Отдал юноша конюху свою хромоногую кобылу, вскочил на коня и поехал впереди войска. Когда он подъехал к полю сражения, к тому времени большая часть королевских солдат была уже перебита, и еще бы немного, и пришлось бы оставшимся обратиться в бегство. Тут налетел юноша со своей железной ватагой, обрушился на врагов, как гроза, и перебил всех, кто ему на пути попадался. Пришлось врагам обратиться в бегство, но юноша гнал их по пятам и до тех пор не останавливался, пока не осталось в живых ни одного человека.

Но вместо того чтобы вернуться назад к королю, юноша повел свой отряд окольными дорогами опять в лес и кликнул Железного Ганса.

— Что требуешь ты? — спросил лесной человек.

— Возьми своего коня и свой отряд назад и верни мне назад мою хромоногую лошадь.

Исполнилось все, что он потребовал, и поехал юноша на своей трехногой кобыле домой.

Вернулся король снова в свой замок, вышла к нему навстречу его дочь и стала поздравлять его с победой.

— Это не я одержал победу, — сказал король, — а один неведомый рыцарь, подоспевший со своим отрядом к нам на помощь.

Захотелось королевне узнать, кто этот незнакомый рыцарь, но король сам этого не знал и сказал:

— Он погнался за врагами, и с той поры я больше его не видел.

Спросила королевна у садовника про его ученика, а тот засмеялся и говорит:

— Да он только что вернулся домой на своей трехногой кобыле. И все, посмеиваясь, кричали ему: «Вот и подъехала наша заморенная кобыла!» И спрашивали: «А за каким это плетнем ты отсиживался да спал?» Но он отвечал: «Я совершил подвиг, и без меня плохо пришлось бы». Но над ним еще больше смеялись.

Сказал король своей дочери:

— Я велю устроить большой праздник, он должен будет длиться три дня, а ты будешь бросать золотое яблоко, — может,

тогда незнакомец явится сюда, чтоб его поймать. И вот, когда был объявлен праздник, юноша вышел в лес и кликнул Железного Ганса.

— Чего требуешь ты? — спросил Железный Ганс.

— Чтоб поймал я золотое яблоко королевны.

— Это легко, — считай, что оно у тебя уже в руках, — сказал Железный Ганс, — но ты получишь еще вдобавок красные доспехи и будешь ехать на статном рыжем коне.

Вот наступил назначенный день, и прискакал юноша во весь опор, стал между рыцарями, и его никто не узнал. Вышла королевна и бросила рыцарям золотое яблоко, но никто не поймал золотого яблока, кроме юноши, — только он его и поймал и вмиг ускакал прочь.

На другой день Железный Ганс снарядил его доспехами белого рыцаря и дал ему белого коня. Снова только один юноша поймал яблоко, но, схватив его, тотчас умчался.

Рассердился король и сказал:

— Этак не годится: он должен явиться ко мне и назвать свое имя.

И отдал король приказ: если рыцарь, который поймает яблоко, ускачет опять из замка, то надо броситься за ним в погоню, а если он по доброй воле назад не вернется, следует на него накинуться и ударить его мечом.

На третий день получил юноша от Железного Ганса черные доспехи и вороного коня и снова поймал яблоко. Но когда он помчался из замка, королевские слуги бросились за ним в погоню, и один из них подскочил к юноше так близко, что ранил его острием меча в ногу. Юноша все-таки ускакал, но конь его мчался так быстро, что у рыцаря свалился шлем с головы, и все увидели, что у него золотые волосы. Слуги поскакали назад и доложили обо всем королю.

На следующий день королевна спросила у садовника про его ученика.

— Он работает в саду. Этот чудной парень был тоже на празднике и только вчера под вечер воротился домой. Он показывал моим детям три золотых яблока, которые он выиграл.

Тогда король велел позвать юношу к себе. Он явился, и у него на голове, как и прежде, шапочка. Но королевна подошла к нему и сняла ее с него, — и вдруг упали его золотые волосы на плечи, и это было так красиво, что все изумились.

— Не ты ли тот рыцарь, что каждый день являлся на праздник, облаченный всегда в разные доспехи, и поймал три золотых яблока?

— Да, — ответил юноша, — а вот и яблоки эти, — и он достал их из кармана и подал королю. — Но если вам нужны еще знаки доказательства, то можете посмотреть на рану, нанесенную мне вашими людьми во время погони за мной. А к тому ж — я тот самый рыцарь, что помог вам одержать победу над врагами.

— Если ты можешь совершать такие подвиги, ты, видно, вовсе не садовничий ученик. Скажи мне, кто же твой отец?

— Мой отец — могущественный король, и у меня много золота, столько, сколько я захочу.

— Я вижу, — сказал король, — что должен тебя отблагодарить. Могу ли сделать я тебе что-нибудь приятное?

— Да, — ответил королевич, — конечно, вы можете это сделать, если отдадите мне дочь вашу в жены.

Засмеялась королевна и сказала:

— Он говорит все напрямик, и я по его золотым волосам уже догадалась, что он вовсе не садовничий ученик, — и она подошла к нему и его поцеловала.

На свадьбу прибыли отец и мать королевича, они были в великой радости, — ведь они потеряли всякую надежду увидеть когда-нибудь своего милого сына. Когда все сидели на свадебном пиру, вдруг музыка умолкла, распахнулись двери, и вошел статный король с большою свитой. Он подошел к юноше, обнял его и сказал:

— Я — Железный Ганс, я был обращен в лесного человека, но ты меня расколдовал. Все богатства, которыми я обладаю, отныне будут твои.

Русалка в пруду

Жил-был на свете мельник; он жил вместе со своей женой в полном довольстве. Денег и всякого добра было у них вдосталь, и из году в год достаток у них все увеличивался. Но беда-то подкрадывается в ночи: как выросло их богатство, так год за годом стало оно таять, и под конец осталась у мельника одна только мельница, на которой он работал. Он был в большом горе и, ложась спать после трудового дня, не находил себе покоя и ворочался в постели с боку на бок, полный дум и забот.

Раз поутру, когда еще не начинало светать, поднялся он и вышел пройтись, думая, что, может, у него на душе полегчает. Он переходил через мельничную плотину, и как раз в это время засиял первый луч солнца, и вот он услышал, что в запруде что-то шумит. Он оглянулся и увидел красивую женщину, медленно

выходящую из воды. Она держала в нежных руках над плечами длинные волосы, они спускались вниз и покрывали ее белое тело. Мельник понял, что это русалка, и от страха не знал, что ему делать — уйти или остаться здесь. Но раздался нежный русалочий голос, она окликнула его по имени и спросила, отчего он такой опечаленный. Поначалу мельник не мог вымолвить и слова, но, услыхав, что она говорит так ласково, сердце его успокоилось, и он рассказал ей, что он жил прежде в богатстве и счастье, а теперь так обеднел, что не знает, как ему и на свете прожить.

— Успокойся, — сказала русалка, — я сделаю тебя еще богаче и счастливей, чем прежде, но ты должен прежде пообещать, что отдашь мне то, что только что родилось у тебя в доме.

«Что бы это могло быть? — подумал мельник. — Пожалуй, щенок или котенок», — и он посулил то, что потребовала у него русалка. Русалка опять погрузилась в воду, а он, успокоенный и в добром настроении, направился к своей мельнице. Но не успел он дойти, как вышла из дверей работница и крикнула ему, что он может порадоваться, что родила, мол, жена ему мальчика. Остановился мельник, как громом пораженный, и понял, что хитрая русалка знала об этом и его обманула. С поникшей головой он подошел к постели жены, и когда та спросила: «Почему ты не радуешься красивому мальчику?» — он рассказал ей, что с ним приключилось и какое он дал обещанье русалке.

«На что мне теперь и счастье и богатство, — добавил он, — если я должен потерять свое дитя? Да что делать теперь?» Пришли родственники поздравить его и пожелать ему счастья, но и они тоже не знали, что ему посоветовать.

А между тем счастье снова вернулось в дом мельника. Что бы он ни начинал, все ему удавалось, и было так, будто все сундуки и закрома сами собой наполняются и денег в шкафу каждую ночь становится все больше и больше. В скором времени стало у него богатств больше, чем было прежде. Но не мог он спокойно этому радоваться: обещание, данное им русалке, мучило его сердце. Всякий раз, проходя мимо пруда, он боялся, что вот-вот она выплывет и напомнит ему про его долг. Мальчика он вовсе не подпускал к воде. «Берегись, — говорил он ему, — если ты подойдешь к воде, протянется оттуда рука, она схватит тебя и

утащит за собою на дно. Но проходил год за годом, а русалка все не показывалась, и мельник начал было уже успокаиваться.

Мальчик вырос, стал юношей и поступил в обученье к одному охотнику. Когда он выучился и сделался отличным охотником, взял его один помещик к себе на службу. А жила в той деревне одна красивая и честная девушка; она понравилась охотнику, и когда помещик об этом узнал, он подарил ему маленький домик. Молодые справили свадьбу и стали себе жить-поживать мирно и счастливо и от всего сердца любили друг друга.

Как-то раз пришлось охотнику гнаться за ланью. Когда зверь выбежал из лесу и помчался по полю, охотник бросился за ним и, наконец, уложил его наповал. Но он не заметил того, что находится вблизи русалочьего пруда, и, выпотрошив зверя, он подошел к воде, чтобы вымыть испачканные кровью руки. Но только погрузил он их в воду, как вынырнула из пруда русалка, обвила его влажными руками и так быстро увлекла его за собой, что только волны над ними заплескались.

Когда наступил вечер и охотник домой не вернулся, жена испугалась и пошла его разыскивать; а так как он часто рассказывал ей, что надо ему опасаться преследований русалки и не подходить близко к пруду, то она сразу почувствовала, что произошло. Она поспешила к пруду и, увидев на берегу его охотничью сумку, поняла, что с ним случилось несчастье.

Плача и заламывая руки, она стала звать своего любимого по имени, но напрасно; она побежала в другую сторону пруда и стала его звать снова; она начала ругать русалку, но ответа не было. Зеркало пруда оставалось спокойным, и только молодой месяц один неподвижно гляделся в него с высоты.

Бедная женщина не покидала пруда. Быстрыми шагами она без устали все ходила и ходила вокруг него, то молча, то громко крича, то тихо стеная. Наконец силы у нее иссякли, она упала на траву и крепко-крепко уснула.

И вскоре приснился ей сон. Будто идет она в страхе на гору между огромными обломками скал. Шипы и колючки впиваются ей в ноги, дождь хлещет в лицо, и ветер треплет ее длинные волосы. Вот добралась она до вершины, и перед нею открылась другая картина. Небо было голубое, воздух нежный, земля мягко под ней опустилась, и на зеленом, покрытом пестрыми цветами

лугу оказалась чистенькая избушка. Она подошла к ней, открыла дверь, смотрит — сидит в избушке старуха с седыми волосами и ласково ей кивает. В этот миг бедная женщина проснулась.

Уже наступило утро, и она тотчас решила послушаться сна. Она с трудом поднялась на гору, и было все так же, как виделось ей ночью во сне. Старуха приветливо встретила ее и предложила ей сесть на стул.

— Ты, должно быть, пережила какое-нибудь несчастье, — сказала старуха, — что явилась ко мне в одинокую хижину?

И женщина рассказала ей со слезами, что с нею случилось.

— Успокойся, — сказала старуха, — я тебе помогу. На тебе золотой гребень. Обожди, пока взойдет полная луна, а потом ступай к пруду, сядь снова на его берегу и расчеши свои длинные черные волосы этим гребнем. Когда ты это сделаешь, положи его на берегу, и ты увидишь, что случится.

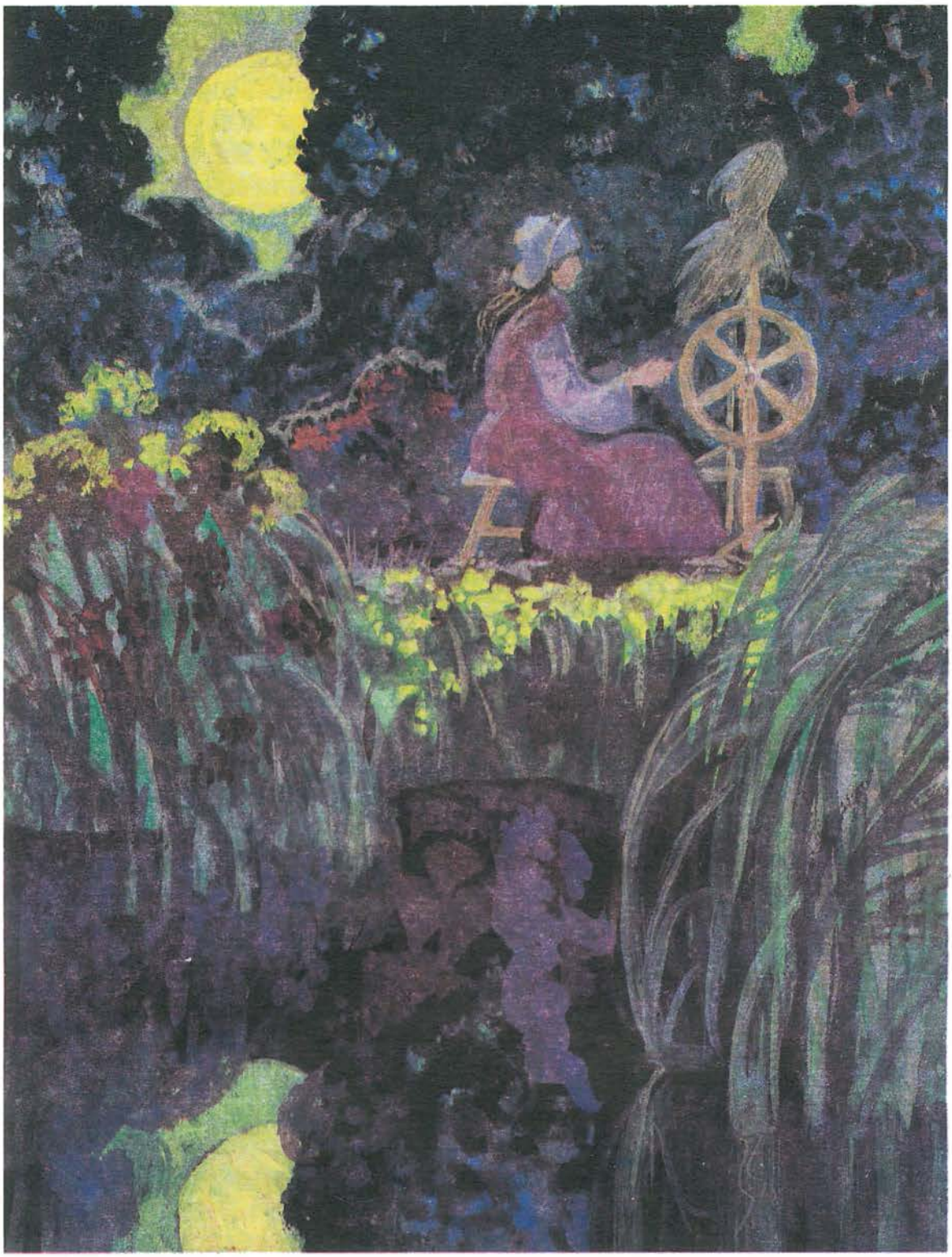
Женщина вернулась назад, но время до полнолуния двигалось медленно. Наконец показалась на небе сияющая луна, и женщина вышла к пруду, села на берегу и начала расчесывать свои длинные черные волосы золотым гребнем, а потом положила его на самый край у воды. И вдруг разбушевался пруд, поднялась волна, подкатилась к берегу и унесла с собой гребень. Это длилось не дольше, чем надо было, чтобы гребень опустился на дно, — и вдруг расступилась водная гладь, и поднялась оттуда голова охотника. Он не молвил ни слова, но поглядел на жену грустным взором. В этот миг подкатилась с шумом вторая волна и укрыла голову мужа.

Вдруг все исчезло, и пруд стоял такой же спокойный, как прежде, и только в нем отражалась полная луна.

Женщина вернулась назад безутешной, но сон указал ей снова на избушку старухи. На другое утро женщина собралась опять в путь-дорогу и рассказала про свое горе вещей старухе. Дала ей старуха золотую флейту и сказала:

— Погоди, пока наступит опять полнолунье, а затем возьми эту флейту, сядь на берегу, сыграй на ней красивую песню, и когда ты окончишь, положи ее на песок, и ты увидишь, что случится.

Женщина сделала так, как ей велела старуха. И только положила она флейту на песок, как в глубине пруда вдруг что-то зашумело: поднялась волна, подкатилась и утащила за собой



флейту. Вскоре вода расступилась, и показалась оттуда не только голова, но половина туловища мужа. Он протянул ей в страстном желанье руки, но в этот миг зашумела навстречу другая волна, захлестнула его и увлекла снова вниз за собой.

— Ах, что мне с того, — сказала несчастная, — если я вижу своего любимого, но теряю его опять!

Она снова запечалилась, но сон в третий раз привел ее в избушку старухи. Она направилась в путь-дорогу, и вещая старуха дала ей золотую прялку, утешила ее и сказала:

— Еще сделано не все, ты повремени, пока взойдет полная луна, тогда возьми прялку, сядь на берегу и напряди полную мотушку пряжи, а когда ты окончишь, поставь прялку у самой воды, и ты увидишь, что случится.

Женщина так все точно и сделала. Только показалась полная луна, она принесла на берег золотую прялку и усердно пряла до тех пор, пока не вышел весь лен, мотушка была полна пряжи. И только оказалась прялка на берегу, как в глубине пруда зашумело еще сильней, чем прежде, быстро подкатилась сильная волна и унесла с собой прялку. И тотчас вместе с волной поднялась вверх голова, а затем и все тело мужа. Он быстро выскочил на берег, схватил за руку свою жену и побежал с ней. Но только они немного отошли, как поднялся со страшным шумом весь пруд и с яростной силой разлился по широкому полю. Беглецы уже чувствовали свою неминучую смерть, но кликнула женщина в страхе на помощь старуху, и вмиг они были обращены: она в жабу, он в лягушку. Докатилась до них волна, но не могла их утопить, только разлучила их друг с другом и унесла далеко-далеко.

Когда схлынула вода и они ступили на сушу, к ним вернулся снова их человеческий образ. Но они не знали, где находится каждый из них. Они оказались среди чужих людей, ничего не слыхавших про их родную землю. Их разделяли высокие горы и глубокие долины. Чтоб поддержать свою жизнь, им обоим пришлось пасти овец. Долгие годы они гоняли свои стада по полям и лесам и были исполнены тоски и печали.

Однажды, когда снова поднялась из недр земных весна, вышли оба они в один и тот же день со своими стадами на пастбище и случайно двинулись друг другу навстречу. Он заметил на дальнем обрыве скал стадо и погнал своих овец в ту

сторону. Они сошлись в одной долине, но не узнали друг друга. Но им было радостно, что они теперь не так одиноки. С той поры они пасли свои стада вместе; они говорили мало, но чувствовали себя утешенными. Однажды вечером, когда на небе сияла полная луна и овцы уже отдыхали, достал пастух из сумки флейту и начал на ней играть прекрасную, но печальную песню. Кончил он ту песню и видит, что плачет пастушка горькими слезами.

— Чего ты плачешь? — спросил он.

— Ах, — ответила она, — вот так же светила полная луна, когда я в последний раз играла эту песню на флейте и показалась из пруда голова моего любимого.

Он глянул на нее, и словно пелена спала у него с глаз, и он узнал свою милую жену; а когда она посмотрела на него и луна осветила ему лицо, она тоже узнала его. Они бросились друг к другу в объятия и стали целоваться, — а были ли они счастливы, о том спрашивать незачем.

Бременские уличные музыканты

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит; и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, — отвечает собака, — стара я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал

меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что, — говорит осел, — я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдем вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну что, старина Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, — стал я стар, зубы у меня притупились — сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить; вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен, ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел. — Что с тобой приключилось?

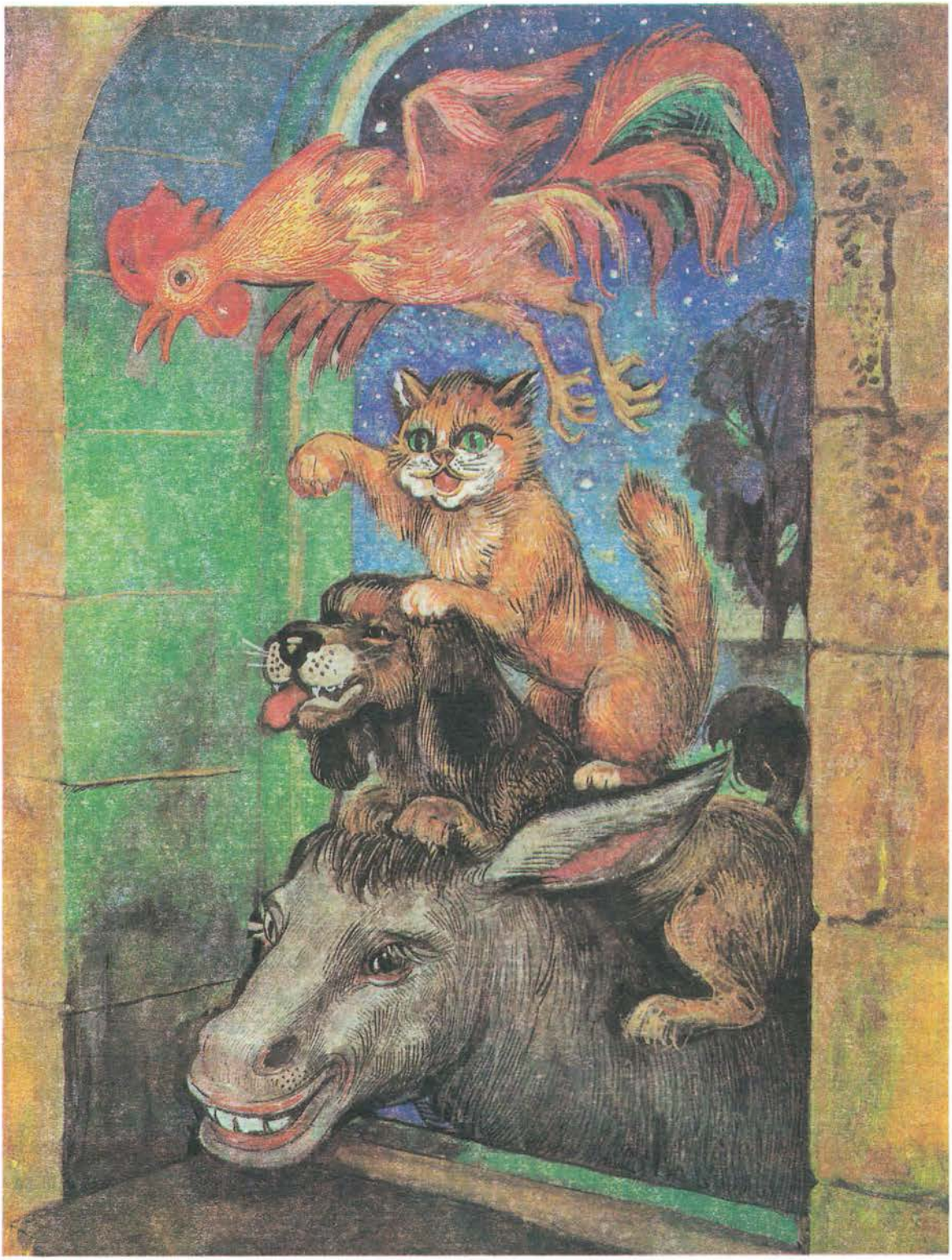
— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок — красный гребешок, — сказал осел, — эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен, — хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где

Братья Гримм. Бременские уличные музыканты



было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники, и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот наконец нашли они способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и по условному знаку все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Поужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться. — И приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

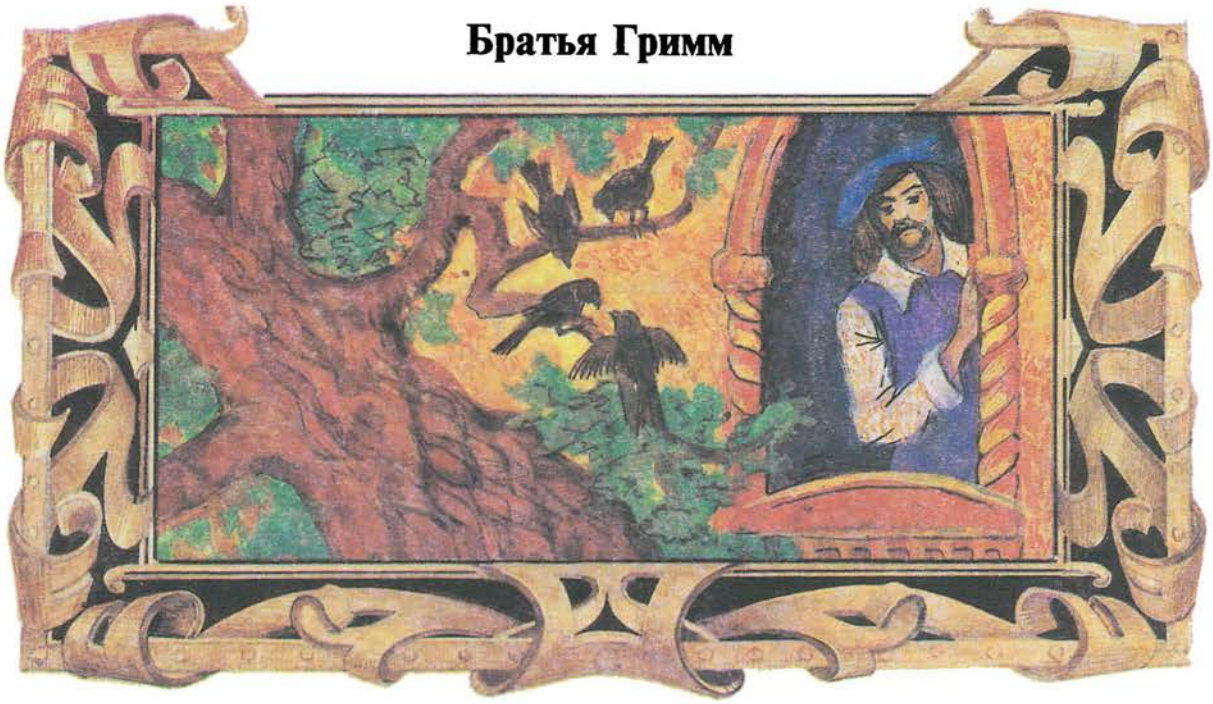
Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтобы добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четырем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.



Белая змея

Давно тому назад жил на свете король, и был он славен по всей земле своей мудростью. Все было ему известно, будто кто по воздуху подавал ему вести о самых сокровенных вещах. Но был у него странный обычай: каждый полдень, когда всё со стола убирали и никого постороннего не оставалось, приносил ему надежный слуга еще одно блюдо. Но было оно прикрыто, и даже слуга и тот не знал, что находится на этом блюде; и не знал об этом ни один человек, ибо король открывал блюдо и приступал к еде только тогда, когда оставался совершенно один.

Так продолжалось долгое время, но вот однажды одолело слугу любопытство, он не смог с собой совладать и отнес блюдо в свою комнату. Он прикрыл как следует двери, поднял с блюда крышку, видит — лежит там белая змея. Глянул он на нее и не

мог удержаться, чтоб ее не попробовать; он отрезал кусок и положил его в рот. И только он прикоснулся к нему языком, как тотчас услышал у окна странный шепот нежных голосов. Он подошел ближе, прислушался — видит, что это беседуют между собой воробьи и рассказывают друг другу всякую всячину, виденную ими на поле и в лесу: вкус змеиного мяса дал ему возможность понимать птичий язык.

И вот случилось, что как раз в этот день у королевы пропало ее самое красивое кольцо и подозрение пало на этого ближайшего слугу, который имел всюду доступ. Король кликнул слугу и начал ему грозить, всячески его ругая, что ежели он к утру не назовет виновника, то будет признан вором и отдан под суд. Но ничего не помогло, слуга настаивал на своей невиновности, и его отпустили с тем же решением. В страхе и беспокойстве вышел он во двор и стал раздумывать, как ему из беды выбраться. А сидели у ручья мирно рядышком утки и отдыхали; они чистили и приглаживали себя клювами и вели между собой беседу. Слуга остановился и стал прислушиваться. А рассказывали утки друг другу, где они нынче утром бывали, где плавали, какой нашли корм; и вот говорит одна из них с досадой:

— У меня такая тяжесть в желудке, я второпях проглотила кольцо, что лежало под окном королевы.

Схватил слуга утку тотчас за шею, принес ее на кухню и говорит повару:

— Зарежь мне эту утку, видишь, какая она жирная.

— Да, — сказал повар, взвешивая ее на руке, — она, что и говорить, хорошо откормилась, постаралась, видно, и давненько дожидается, чтоб ее зажарили.

Он отрубил ей голову и стал ее потрошить, и вот нашлось у нее в желудке кольцо королевы. И мог теперь слуга легко доказать королю свою невиновность; а так как королю хотелось загладить свою несправедливость, то он позволил ему что-нибудь у него попросить и обещал самую почетную должность при дворе, какую он только пожелает.

Но слуга от всего отказался и попросил только коня и денег на дорогу — хотелось ему свет повидать и некоторое время пострaнствовать. Его просьба была исполнена, и он отправился в путь-дорогу.

Однажды, проезжая мимо озера, увидал он трех рыб, которые

застряли в камыше и старались выбраться к воде. Хотя и говорят, что рыбы будто немые, но слуга услыхал их жалобу, что вот приходится им теперь погибать такой жалкою смертью. А было у него сердце жалостливое — он встал с коня и бросил трех пленниц обратно в озеро. Начали они на радостях трепыхаться, высунули из воды головы и молвили ему:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за то, что ты спас нам жизнь.

Поехал он дальше; и вскоре ему почудилось, будто у самых его ног на песке слышится чей-то голос. Он стал прислушиваться и услыхал, как царь муравьиный жаловался:

— Хотя бы оставили нас люди в покое, а заодно и неуклюжие животные!

Слуга свернул на обочину; и тогда сказал ему царь муравьиный:

— Мы этого тебе не забудем и отблагодарим тебя за это.

Дальше привела дорога его в лес, и увидел он там ворона и ворону, они стояли у гнезда и выбрасывали оттуда своих птенцов.

— Прочь отсюда, шалопаи вы этакие! — кричали они. — Вас теперь не накормишь, вы уже достаточно выросли и можете сами себя прокормить.

Бедные воронята лежали на земле и, пытаясь подняться, размахивали крыльями и кричали:

— Ведь мы беспомощные птенчики, вы должны нас кормить, мы летать еще не умеем! Теперь нам одно остается — помереть с голоду!

Встал тогда добрый парень с коня, убил его шпагой и оставил на прокорм молодым воронятам. Они подскочили, наелись досыта и закричали:

— Мы этого тебе никогда не забудем и поможем тебе в беде!

Пришлось теперь парню идти пешком; прошел он немало долгих путей и дорог, пока попал наконец в столицу. И были там на улицах большой шум и суета, и явился всадник и объявил во всеуслышанье:

— Королевна ищет себе мужа, и кто хочет за нее посвататься, тот должен сперва выполнить трудную задачу; а кто не сможет с ней удачно справиться, тот жизнью поплатится.

Много людей пыталось уже выполнить это, но только

напрасно жизнью своей поплатились. Но когда парень увидал королевну, он был так ослеплен ее несказанной красотой, что забыл про всякую опасность, пришел к королю и объявил себя ее женихом.

Его привели тотчас на морской берег, и был брошен в море на глазах у него перстень, и король велел ему достать этот перстень со дна моря и прибавил:

— А если ты вернешься назад без него, то будут тебя сбрасывать все время в воду, пока ты не утонешь в волнах.

Все пожалели красивого парня и покинули его одного у моря. Стоял он на берегу и раздумывал, что ему теперь делать. Вдруг видит — подплывают к нему три рыбы, то были те самые, которым он спас жизнь. И держала средняя во рту раковину, она положила ее на берег к ногам юноши. Он поднял раковину, открыл ее, и лежал там золотой перстень. Радостный, принес он его королю и ждал, что тот даст ему обещанную награду. Но когда надменная королевна услыхала, что он простой слуга, отказала ему и потребовала, чтобы выполнил он сначала вторую задачу. Она сошла в сад и рассыпала там на траве десять больших мешков проса.

— К утру, прежде чем подымется солнце, ты должен мне все это просо выбрать, — сказала она, — да так, чтоб ни одно зернышко не пропало.

Сел парень в саду и стал раздумывать, как выполнить ему такую задачу, но ничего придумать не мог и сидел пригорюнившись и ждал, что с наступлением утра его поведут на казнь. Но вот засияли в саду первые лучи солнца, и он увидел, что все десять мешков полны проса и стоят все в ряд, и не пропало при этом ни одного зернышка. Явился ночью царь муравьиный со своими тысячами муравьев, и благодарные насекомые с великим усердием выбрали просо и сложили его в мешки.

Вот сошла сама королевна в сад и увидала, к своему удивлению, что парень выполнил то, что было ему поручено. Но она не могла осилить своей гордыни и сказала:

— Хотя он и выполнил обе задачи, но не стать ему моим мужем прежде, чем не принесет он мне яблока с дерева жизни.

Парень не знал, где растет дерево жизни; но он собрался в путь-дорогу и решил искать его до тех пор, пока ноги будут идти, но у него не было никакой надежды его отыскать. Вот обошел

он уже три королевства и зашел под вечер в лес. Сел под деревом, и захотелось ему спать, но он услыхал в ветвях шелест, и упало ему в руку золотое яблоко. А тут слетели к нему вниз три ворона, уселись к нему на колени и сказали:

— Мы три молодых вороненка, которых ты спас от голодной смерти. Мы теперь выросли и, когда услыхали, что ты ищешь золотое яблоко, прилетели из-за моря, долетели до самого края земли, где растет дерево жизни, и принесли тебе это яблоко.

Сильно обрадовался парень, и пустился в обратный путь, и принес прекрасной королевне золотое яблоко; и уж теперь отговариваться ей было невозможно: они поделили яблоко жизни и съели его вдвоем; и исполнилось ее сердце к нему любовью, и дожили они в безмятежном счастье до самой глубокой старости.

Госпожа Метелица

Было у одной вдовы две дочери; одна была красивая и работящая, а другая — уродливая и ленивая. Но мать больше любила уродливую и ленивую, а другой приходилось исполнять всякую работу и быть в доме золушкой, потому что она была не родная.

Бедная девушка должна была каждый день сидеть на улице и у колодца и прясть пряжу, да так много, что от работы у нее кровь выступала на пальцах.

И вот случилось однажды, что все веретено залилось кровью. Тогда девушка нагнулась к колодцу, чтобы его обмыть, но веретено выскочило у нее из рук и упало в воду. Она заплакала, побежала к мачехе и рассказала ей про свое горе.

Стала мачеха ее сильно бранить и была такою жестокой, что сказала:

— Раз ты веретено уронила, то сумей его и назад достать.

Вернулась девушка к колодцу и не знала, что ей теперь и делать; и вот прыгнула она с перепугу в колодец, чтоб достать веретено. И стало ей дурно, но когда она опять очнулась, то увидела, что находится на прекрасном лугу, и светит над ним солнце, и растут на нем тысячи разных цветов. Она пошла по лугу дальше и пришла к печи, и было в ней полным-полно хлеба, и хлеб кричал:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Тогда она подошла и вытащила лопатой все хлебы один за другим.

Пошла она дальше и пришла к дереву, и было на нем полным-полно яблок, и сказало ей дерево:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!

Она начала трясти дерево, и посыпались, словно дождь, яблоки наземь, и она трясла яблоню до тех пор, пока не осталось на ней ни одного яблока. Сложила она яблоки в кучу и пошла дальше.

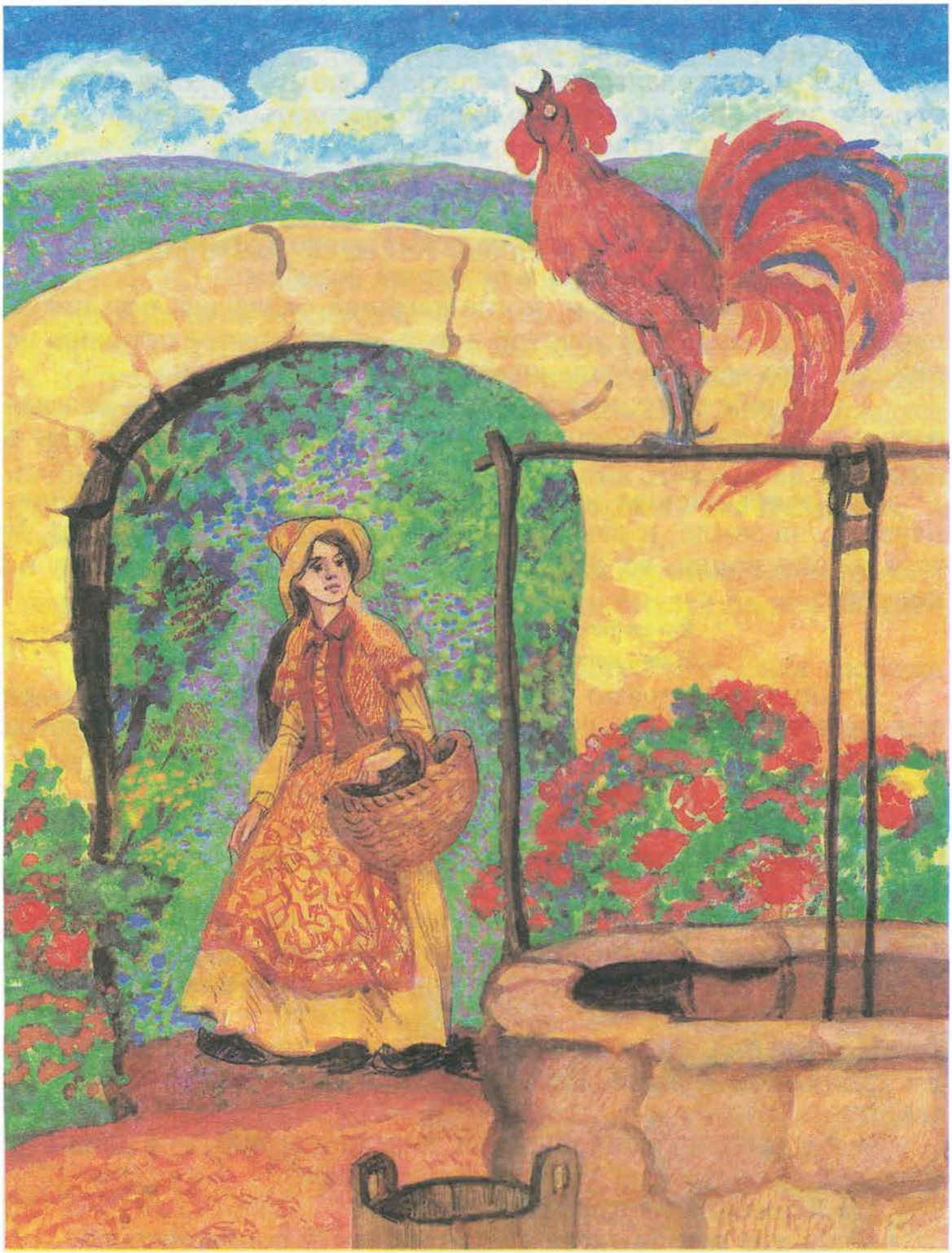
Пришла она к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать. Но старуха крикнула ей вслед:

— Милое дитятко, ты чего боишься! Оставайся у меня. Если ты будешь хорошо исполнять у меня в доме всякую работу, тебе будет хорошо. Только смотри, стели как следует мне постель и старательно взбивай перину, чтобы перья взлетали, и будет тогда во всем свете идти снег. Я — госпожа Метелица.

Когда идет у немцев снег, говорят, что это госпожа Метелица взбивает свою перину.

Так как старуха обошлась с нею ласково, то на сердце у девушки стало легче, и она согласилась остаться и поступить к госпоже Метелице в работницы. Она старалась во всем угождать старухе и всякий раз так сильно взбивала ей перину, что перья взлетали кругом, словно снежинки; и потому девушке жилось у нее хорошо, и она никогда не слыхала от нее дурного слова, а вареного и жареного каждый день было у ней вдосталь.

Так прожила она некоторое время у госпожи Метелицы, да вдруг запечалилась и поначалу сама не знала, чего ей не хватает; но наконец она поняла, что тоскует по родному дому, и, хотя ей



было здесь в тысячу раз лучше, чем там, все же она стремилась домой. Наконец она сказала старухе:

— Я истосковалась по родимому дому, и хотя мне так хорошо здесь, под землей, но дольше оставаться я не могу, мне хочется вернуться наверх — к своим.

Госпожа Метелица сказала:

— Мне нравится, что тебя тянет домой, и так как ты мне хорошо и прилежно служила, то я сама провожу тебя туда. — Она взяла ее за руку и привела к большим воротам.

Открылись ворота, и, когда девушка оказалась под ними, вдруг пошел сильный золотой дождь, и все золото осталось на ней, так что вся она была сплошь покрыта золотом.

— Это тебе за то, что ты так прилежно работала, — сказала госпожа Метелица и вернула ей также и веретено, упавшее в колодец.

Вот закрылись за ней ворота, и очутилась девушка опять наверху, на земле, и совсем недалеко от дома своей мачехи. И только она вошла во двор, запел петух, он как раз сидел на колодце:

Ку-ка-ре-ку!
Наша девица златая тут как тут.

И вошла она прямо в дом к мачехе; и, оттого что была она вся золотом покрыта, ее приняли и мачеха и сводная сестра ласково.

Рассказала девушка все, что с ней приключилось. Как услыхала мачеха о том, как достигла она такого большого богатства, захотелось ей добыть такого же счастья и для своей уродливой, ленивой дочери.

И она посадила ее у колодца прясть пряжу; а чтоб веретено было у ней тоже в крови, девушка уколола себе палец, сунув руку в густой терновник, а потом кинула веретено в колодец, а сама прыгнула вслед за ним.

Попала она, как и ее сестра, на прекрасный луг и пошла той же тропинкой дальше. Подошла она к печи, а хлеб опять как закричит:

— Ах, вытащи меня, вытащи, а не то я сгорю, — я давно уж испекся!

Но ленивица на это ответила:

— Да что мне за охота пачкаться! — И пошла дальше.

Подошла она вскоре к яблоне, и заговорила яблоня:

— Ах, отряхни меня, отряхни, мои яблоки давно уж поспели!

Но ответила она яблоне:

— Еще чего захотела, ведь яблоко может упасть мне на голову! — И двинулась дальше.

Когда она подошла к дому госпожи Метелицы, не было у ней никакого страха — она ведь уже слыхала про ее большие зубы, — и тотчас нанялась к ней в работницы. В первый день она старалась, была в работе прилежная и слушалась госпожу Метелицу, когда та ей что поручала, — ленивица все думала о золоте, которое та ей подарит. Но на второй день стала она полениваться, на третий и того больше, а потом и вовсе не захотела вставать рано утром. Она не стлала госпоже Метелице постель как следует и не взбивала ей перины так, чтобы перья взлетали вверх. Это наконец госпоже Метелице надоело, и она отказала ей в работе. Ленивица очень этому обрадовалась, думая, что теперь-то и посыплется на нее золотой дождь.

Госпожа Метелица повела ее тоже к воротам, но когда она стояла под ними, то вместо золота опрокинулся на нее полный котел смолы.

— Это тебе в награду за твою работу, — сказала госпожа Метелица и закрыла за ней ворота.

Вернулась ленивица домой вся в смоле; и как увидел ее петух, сидевший на колодце, так и запел:

Ку-ка-ре-ку!
Наша девушка грязнуха тут как тут.

А смола на ней так на всю жизнь и осталась, и не смыть ее было до самой смерти.

Шиповничек

Много лет тому назад жили король с королевой, и каждый день они говорили:

— Ах, если б родился у нас ребенок! — Но детей у них все не было и не было.

Вот случилось однажды, что королева сидела в купальне и вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твое желанье исполнится: не пройдет и года, как родишь ты на свет дочь.

И что лягушка сказала, то и случилось, — родила королева девочку, и была она такая прекрасная, что король не знал, что и придумать ему на радостях, и вот он устроил большой пир. Созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ведуний, чтобы были те к его ребенку милостивы и благосклонны. А было их в его королевстве счетом тринадцать;

но так как золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у него всего лишь двенадцать, то одна из них осталась неприглашенной. Праздник отпраздновали с великой пышностью, и под конец ведуньи одарили ребенка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли уже свои предсказания, вдруг явилась на пир тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что ее не пригласили. И вот, ни с кем не здороваясь и ни на кого не глядя, она воскликнула громким голосом:

— Королевна на пятнадцатом году должна уколоться о веретено и от этого помереть!

И, не сказав больше ни слова, она повернулась и вышла из зала. Все были испуганы, но выступила тогда двенадцатая ведунья, она еще не сказала своего пожелания; и так как отменить злое заклятье она была не в силах, а могла только его смягчить, то она сказала:

— Но то будет не смерть, а только вековой глубокий сон, в который впадет королевна.

Король, желая уберечь свою любимую дочь от несчастья, издал указ: все веретена во всем королевстве сжечь.

Вот и исполнились все предсказания, данные девочке ведуньями: она была так красива, так скромна, приветлива и так разумна, что всякий, кто ее видел, невольно ею любовался.

Случилось, что в тот день, когда исполнилось ей пятнадцать лет, короля и королевы не было дома и девушка осталась в замке одна. Она пошла бродить всюду по замку, осматривать покои и кладовушки — все, что вздумается; и подошла она, наконец, к старой башне. Она взошла по узкой витой лесенке в ту башню и очутилась у небольшой двери. А в замке торчал заржавленный ключ; повернула она его, дверь распахнулась, видит — сидит там в маленькой светелке у веретена старуха и прилежно прядет пряжу.

— Здравствуй, бабушка, — молвила королевна, — что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — отвечала старуха и кивнула ей головой.

— А что это за штука такая, что так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже приняться за пряжу.

Но только она прикоснулась к веретену, как исполнился наговор, и она уколола веретеном палец. И в тот миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, что стояла в светелке, и погрузилась в глубокий сон.

И сон этот распространился по всему замку; король и королева, которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то недоглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях около замка.

И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила наконец весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на вышке нельзя было заметить.

И пошла по стране молва о прекрасной спящей королевне, которую прозвали Шиповничек, и вот стали наезжать туда от времени до времени разные королевичи и пытались пробраться через густую заросль в замок. Но было это невозможно, так как шипы держались крепко один за один, точно взявшись за руки, и юноши запутывались в зарослях, и, зацепившись о шипы, не могли больше из них вырваться, и погибали мучительной смертью.

После многих и долгих лет явился опять в ту страну один королевич, и услыхал он от одного старика о колючей заросли и о замке, где вот уже сто лет как спит сказочная красавица королевна по прозванью Шиповничек; и спят с ней заодно король и королева и все придворные. Старик еще рассказал ему о том, что слыхал от своего деда, будто приходило уже немало королевичей, которые пытались пробиться сквозь колючую заросль, но все они остались там, зацепившись за шипы, и погибли жалкою смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь, я хочу отправиться туда и увидеть прекрасную королевну Шиповничек.

Добрый старик стал его отговаривать, чтобы он туда не ходил, но тот совета не послушался.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда королевна Шиповничек должна была снова проснуться. Подошел королевич к колючей заросли, поглядел, видит — растут там вместо терновника красивые цветы, они сами раздвинулись перед ним, и опять сомкнулись, и стали снова изгородью. Увидел он на дворе лошадей и рыжих гончих, что лежали и спали; сидели на крыше голуби, спрятавши головы под крыло. Вошел он в замок и увидел, что спят на стене мухи, а повар на кухне все еще протягивает руку, будто собирается схватить за волосы поваренка, и сидит стряпуха перед черной курицей, которую она должна ощипать.

Пошел он дальше и увидел, что в зале лежат и спят все придворные, а наверху возле трона лежат король с королевой. И пошел он дальше, и все было так тихо, что слышно было ему даже его собственное дыханье.

Подошел он наконец к башне и отворил дверь маленькой светелки, где спала Шиповничек. Она лежала и была так прекрасна, что он не мог оторвать от нее глаз; и он нагнулся к ней и поцеловал ее. И только он к ней прикоснулся, открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни.

И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу.

И отпраздновали тогда пышную свадьбу королевича с королевной Шиповничек, и жили они счастливо до самой смерти.

Братья Гримм

Король-Дроздовик

Была у одного короля дочь; она была необычайно красивая, но притом такая гордая и надменная, что ни один из женихов не казался для нее достаточно хорош. Она отказывала одному за другим, да притом над каждым еще смеялась.

Велел однажды король устроить большой пир и созвал отовсюду, из ближних и дальних мест, женихов, которые хотели бы за нее посвататься. Расставил их всех в ряд по порядку, по чину и званию; впереди стояли короли, потом герцоги, князья, графы и бароны и, наконец, дворяне.

И повели королевну по рядам, но в каждом из женихов она находила какой-нибудь изъян. Один был слишком толст. «Да этот как винный бочонок!» — сказала она. Другой был слишком длинного роста. «Долговязый, слишком тонкий, да и статной нет

походки!» — сказала она. Третий был слишком низкого роста: «Ну какая в нем удача, если мал и толст в придачу?» Четвертый был слишком бледен: «Этот выглядит как смерть». Пятый был слишком румян: «Этот прямо какой-то индюк!» Шестой был слишком молод: «Этот юн и больно зелен, он, как дерево сырое, не загорится».

И так находила она в каждом, к чему можно было бы придраться, но особенно посмеялась она над одним добрым королем, что был выше других и чей подбородок был чуть кривоват.

— Ого, — сказала она и рассмеялась, — да у этого подбородок словно клюв у дрозда!

И с той поры прозвали его Дроздовиком.

Как увидел старый король, что дочка его только одно и знает, что над людьми насмехается, и всем собравшимся женихам отказала, он разгневался и поклялся, что она должна будет взять себе в мужья первого встречного нищего, что к нему в дверь постучится.

Спустя несколько дней явился какой-то музыкант и начал петь под окном, чтоб заработать себе милостыню. Услыхал это король и говорит:

— Пропустите его наверх.

Вошел музыкант в своей грязной, оборванной одежде и начал петь перед королем и его дочерью песню; и, когда кончил, он попросил подать ему милостыню.

Король сказал:

— Мне твое пение так понравилось, что я отдам тебе свою дочь в жены.

Испугалась королевна, но король сказал:

— Я дал клятву выдать тебя за первого попавшегося нищего, и клятву свою я должен сдержать.

И не помогли никакие уговоры; позвали священника, и пришлось ей тотчас обвенчаться с музыкантом. Когда это сделали, король сказал:

— Теперь тебе, как жене нищего, в моем замке оставаться не подобает, можешь себе отправляться со своим мужем куда угодно.

Вывел ее нищий за руку из замка, и пришлось ей идти с ним пешком. Пришли они в дремучий лес, и спрашивает она:

— Это чьи леса и луга?
— Это всё короля-Дроздовика.
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они по полям, и спросила она опять:

— Это чьи поля и река?
— Это всё короля-Дроздовика!
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

Проходили они затем по большому городу, и спросила она опять:

— Чей прекрасный этот город?
— Короля-Дроздовика с давних пор он.
Не прогнала бы его, было б все тогда твое.
— Ах, как жалко, что нельзя
Мне вернуть Дроздовика!

— Мне вовсе не нравится, — сказал музыкант, — что ты все хочешь себе в мужья кого-то другого: разве я тебе не мил?

Подошли они наконец к маленькой избушке, и она сказала:

— Боже мой, а домишко-то какой!
Чей же он, такой плохой?

И музыкант ответил:

— Это дом мой, да и твой, мы будем жить здесь с тобой вместе.

И пришлось ей нагнуться, чтобы войти в низкую дверь.

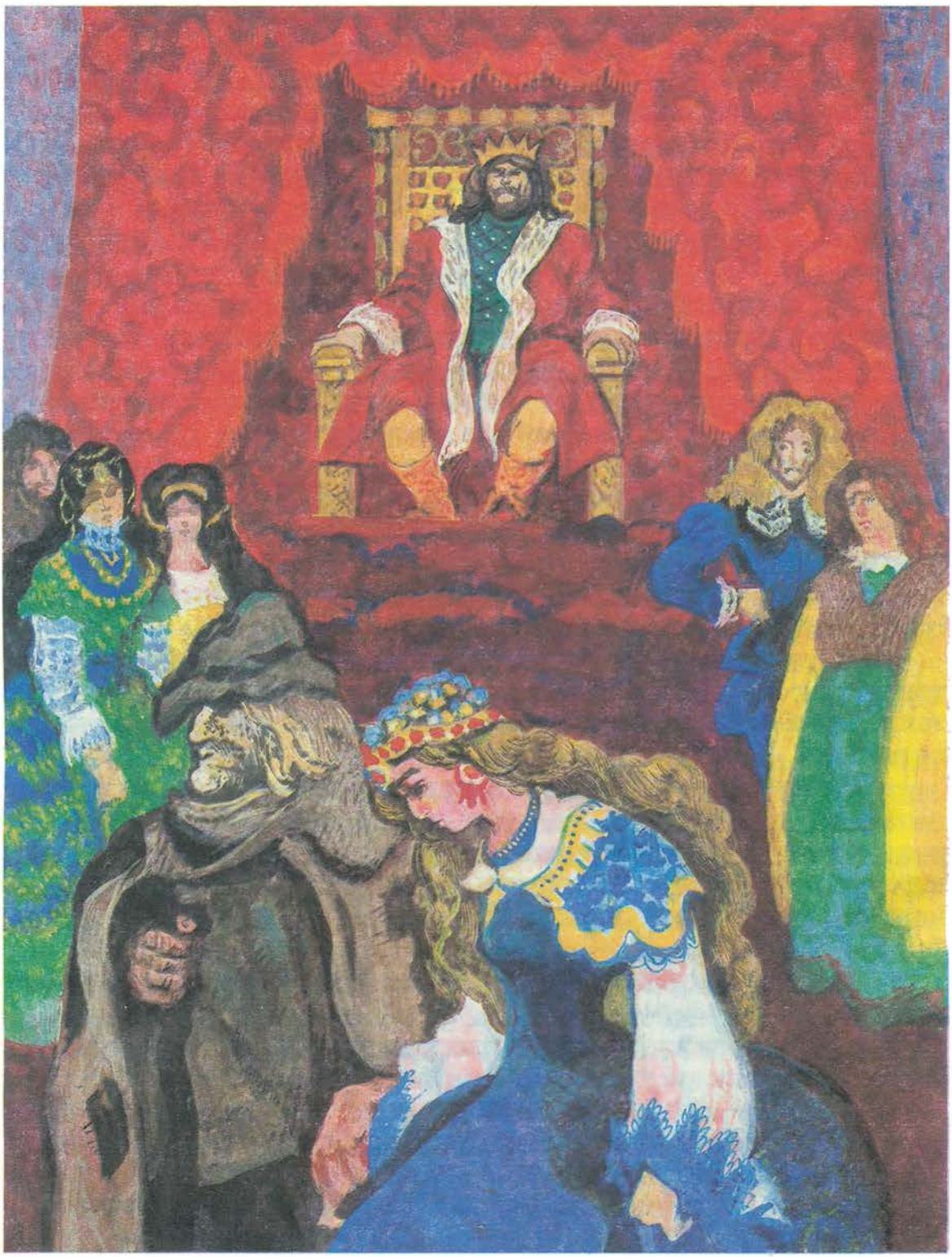
— А где же слуги? — спросила королевна.

— Какие такие слуги? — ответил нищий. — Ты должна все делать сама, если хочешь, чтоб было что-нибудь сделано. Ну-ка, живей растапливай печь и ставь воду, чтоб мне приготовить обед, я очень устал.

Но разводить огонь и стряпать королевна совсем не умела, и пришлось нищему самому приняться за работу; и дело кое-как обошлось. Поели они кое-чего впроголодь и легли спать.

Но только стало светать, он согнал ее с постели, и ей пришлось заняться домашней работой. Так прожили они не

Братья Гримм. Король-Дроздовик



сколько дней, ни плохо, ни хорошо, и все свои запасы поели. Тогда муж говорит:

— Жена, этак у нас ничего не получится, мы вот едим, а ничего не зарабатываем. Принимайся-ка ты за плетенье корзин.

Он пошел, нарезал ивовых прутьев, принес их домой, и начала она плести, но жесткие прутья изранили ее нежные руки.

— Я вижу, дело это у тебя не пойдет, — сказал муж, — возьмись-ка ты лучше за пряжу, — пожалуй, ты с этим управишься.

Она села и попробовала было прясть пряжу; но грубые нитки врезались в ее нежные пальцы, и из них потекла кровь.

— Видишь, — сказал муж, — ты ни на какую работу не годишься, трудненько мне с тобой придется. Попробую-ка я приняться за торговлю горшками и глиняной посудой. Ты должна будешь ходить на рынок и продавать товар.

«Ах, — подумала она, — еще, чего доброго, придут на рынок люди из нашего королевства и увидят, что я сижу и продаю горшки, то-то они надо мной посмеются!»

Но что было делать? Она должна была подчиниться, а не то пришлось бы им пропадать с голоду.

В первый раз дело пошло хорошо — люди покупали у нее товар, так как была она красивая, и платили ей то, что она запрашивала; даже многие платили ей деньги, а горшки ей оставляли. Вот так и жили они на это.

Накупил муж опять много новых глиняных горшков. Уселась она с горшками на углу рынка, а товар вокруг себя расставила и начала торговать. Но вдруг прискакал пьяный гусар, налетел прямо на горшки — и остались от них одни лишь черепки. Начала она плакать и от страху не знала, как ей теперь быть.

— Ах, что мне за это будет! — воскликнула она. — Что скажет мне муж?

И она побежала домой и рассказала ему про свое горе.

— Да кто ж на углу рынка с глиняной посудой садится? — сказал муж. — А плакать ты перестань; я вижу, ты к приличной работе не годишься. Вот был я давеча в замке у нашего короля и спрашивал, не нужна ли там будет судомойка, и мне пообещали взять тебя на работу; там будут тебя за это кормить.

И стала королевна судомойкой, ей пришлось помогать повару и исполнять самую черную работу. Она привязывала к своей сумке две мисочки и приносила в них домой то, что доставалось ей на долю от объедков, — тем они и питались.

Случилось, что на ту пору должны были праздновать свадьбу старшего королевича, и вот поднялась бедная женщина наверх в замок и стала у дверей в зал, чтоб поглядеть. Вот зажглись свечи, и входили туда гости, один красивей другого, и все было полно пышности и великолепия. И подумала она с горестью в сердце про свою злую долю, и стала проклинать свою гордость и надменность, которые ее так унизили и ввергли в большую нищету. Она слышала запах дорогих кушаний, которые вносили и выносили из зала слуги, и они бросали ей иной раз что-нибудь из объедков, она складывала их в свою мисочку, собираясь унести все это потом домой.

Вдруг вошел королевич, был он одет в бархат и шелк, и были у него на шее золотые цепи. Увидев у дверей красивую женщину, он схватил ее за руку и хотел было с ней танцевать; но она испугалась и стала отказываться — узнала в нем короля-Дроздовика, что за нее сватался и которому она с насмешкой отказала. Но как она ни упиралась, а он все-таки втащил ее в зал; и вдруг оборвалась тесемка, на которой висела у нее сумка, и выпали из нее на пол мисочки и разлился суп.

Как увидели это гости, стали все смеяться, над нею подшучивать, и ей было так стыдно, что она готова была лучше сквозь землю провалиться. Бросилась она к двери и хотела убежать, но на лестнице ее нагнал какой-то человек и привел назад. Глянула она на него, и был то король-Дроздовик. Он ласково ей сказал:

— Ты не бойся, ведь я и музыкант, с которым ты вместе жила в бедной избушке, — это одно и то же. Это я из любви к тебе притворился музыкантом; а гусар, что перебил тебе все горшки, — это тоже был я. Все это я сделал, чтобы сломить твою гордость и наказать тебя за твое высокомерие, когда ты надо мной посмеялась.

Она горько заплакала и сказала:

— Я была так несправедлива, что недостойна быть твоею женой.

Но он ей сказал:

— Успокойся, трудные дни миновали, а теперь мы отпразднуем нашу свадьбу.

И явились королевские служанки, надели на нее пышные платья; и пришел ее отец, а с ним и весь двор; они пожелали ей счастья в замужестве с королем-Дроздовиком; и настоящая радость только теперь и началась.

И хотелось бы мне, чтобы ты да я там побывали тоже.

Братья Гримм

Гензель и Гретель

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

— Нет, жена, — говорит дровосек, — этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена. — Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно — гробы сколачивать. — И она донимала его до тех пор, пока он с ней не согласился.

— А все-таки жалко мне моих бедных детей! — сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слыхали все, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придется.

— Тише, Гретель, — сказал Гензель, — не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно. — И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

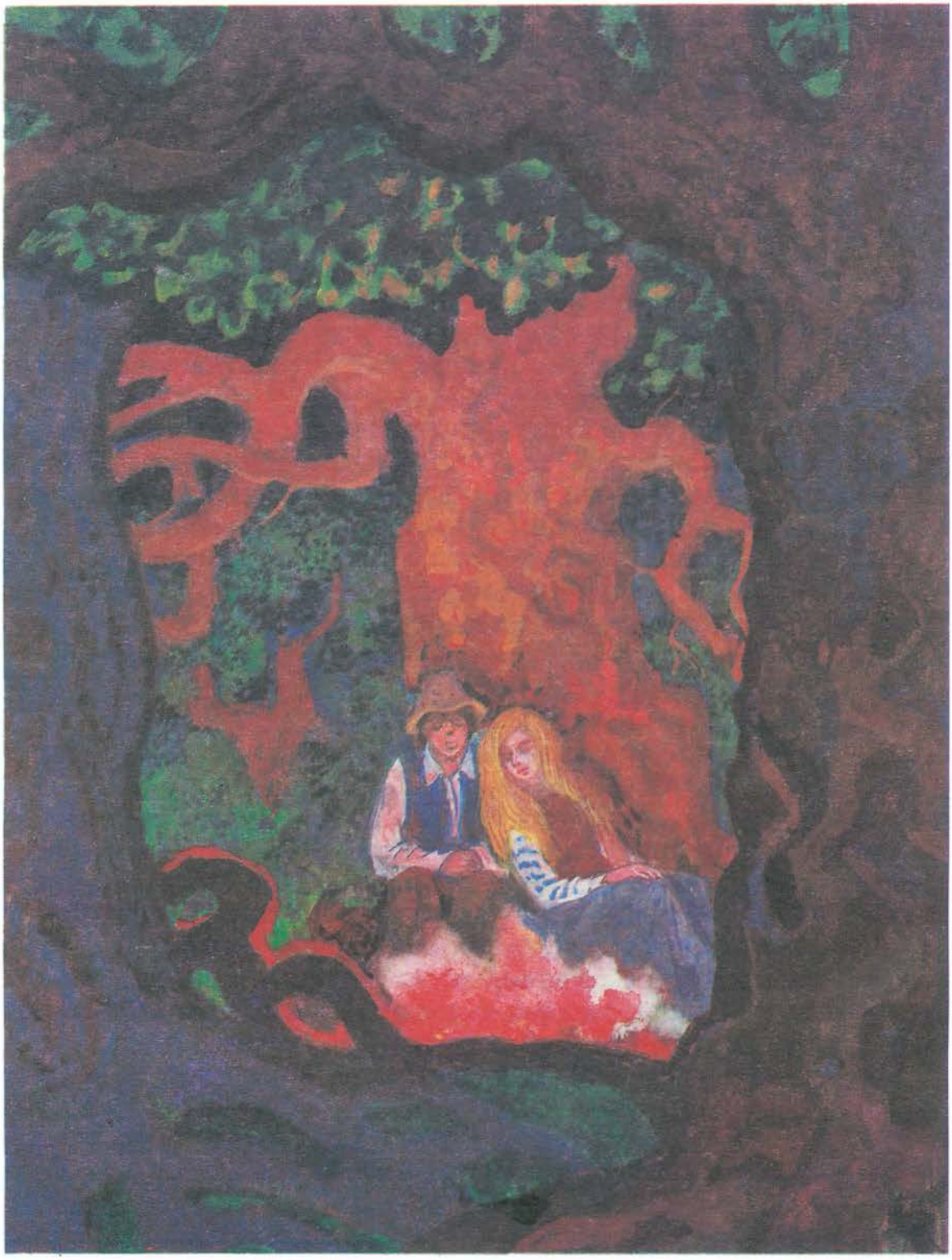
Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это будет вам на обед; да смотрите не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку — так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

— Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка, — ответил ему Гензель, — я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».



А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был стук не топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели дети так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать:

— Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку — а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, — было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услыхали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей

избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, — другого выхода у нас нет.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: «Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот — плохое начало не к доброму концу — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз; но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж Бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, — ответил Гензель.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем — ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

— Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но

хлебных крошек не нашли — тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

— Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и дети заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом и шли, пока наконец не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возьмись за окошко — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

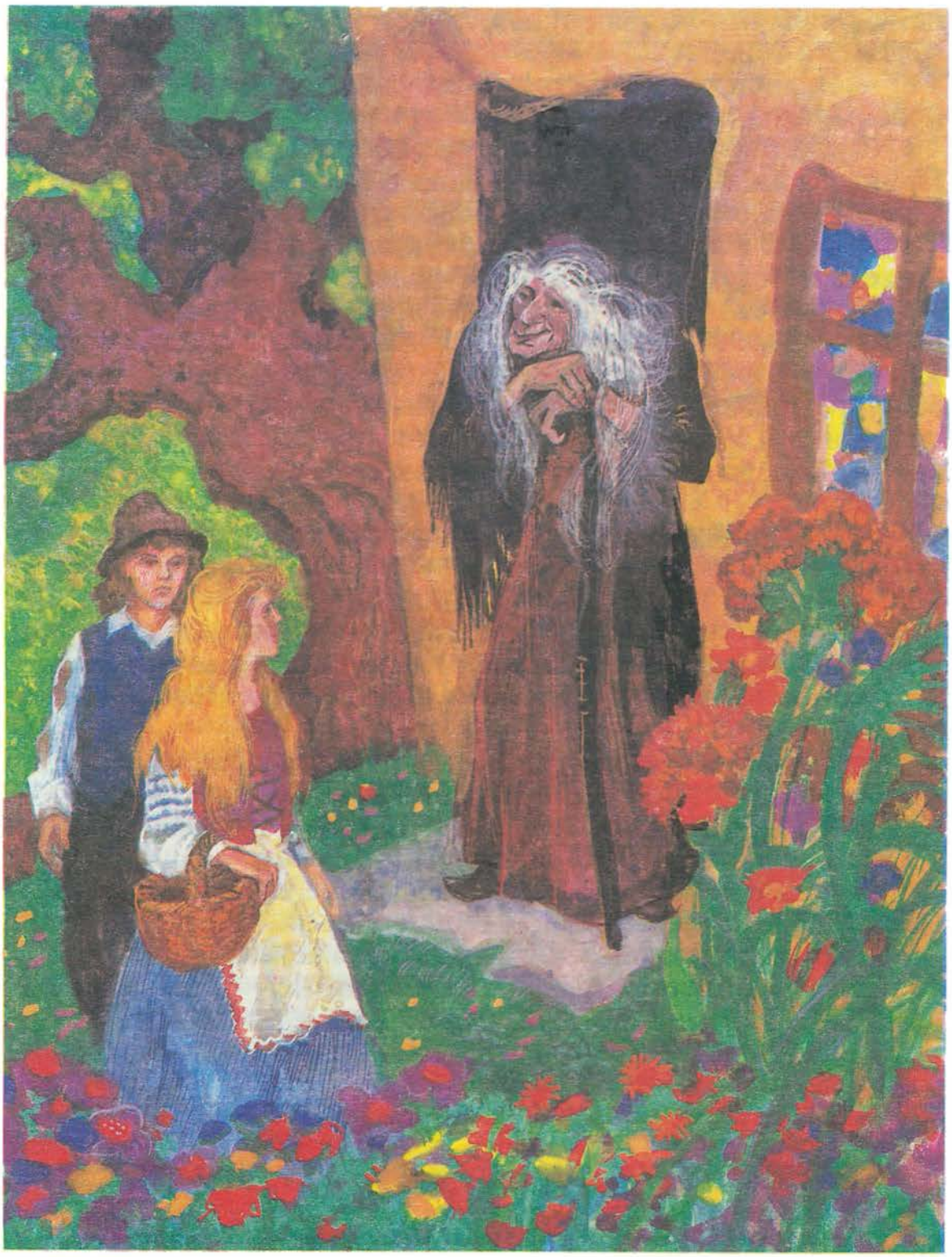
Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали объедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее

Братья Гримм. Гензель и Гретель



испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чуют близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

— Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью — пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное — вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? — пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

— Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой

были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым. Тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не хотела.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно — жирен ли Гензель или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам! — воскликнула она. — Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

— Ну, нечего хныкать! — крикнула старуха. — Теперь тебе ничто не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

— Сначала мы испечем хлеб, — сказала старуха, — я уже истопила печь и замесила опару. — Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя. — Ну, полезай в печь, — сказала ведьма, — да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня, — сказала старуха, — смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть. — И она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завыла ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными каменьями.

— Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, — сказал Гензель и набил ими полные карманы.

А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой. — И она насыпала их полный передник.

— Ну, а теперь бежим поскорей отсюда, — сказал Гензель, — ведь нам надо еще выбраться из ведьминого леса.

Вот прошли они так часа два и набрели наконец на большое озеро.

— Не перебраться нам через него, — говорит Гензель, — нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно, — ответила Гретель, — а вон плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И крикнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

— Нет, — ответила Гретель, — уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

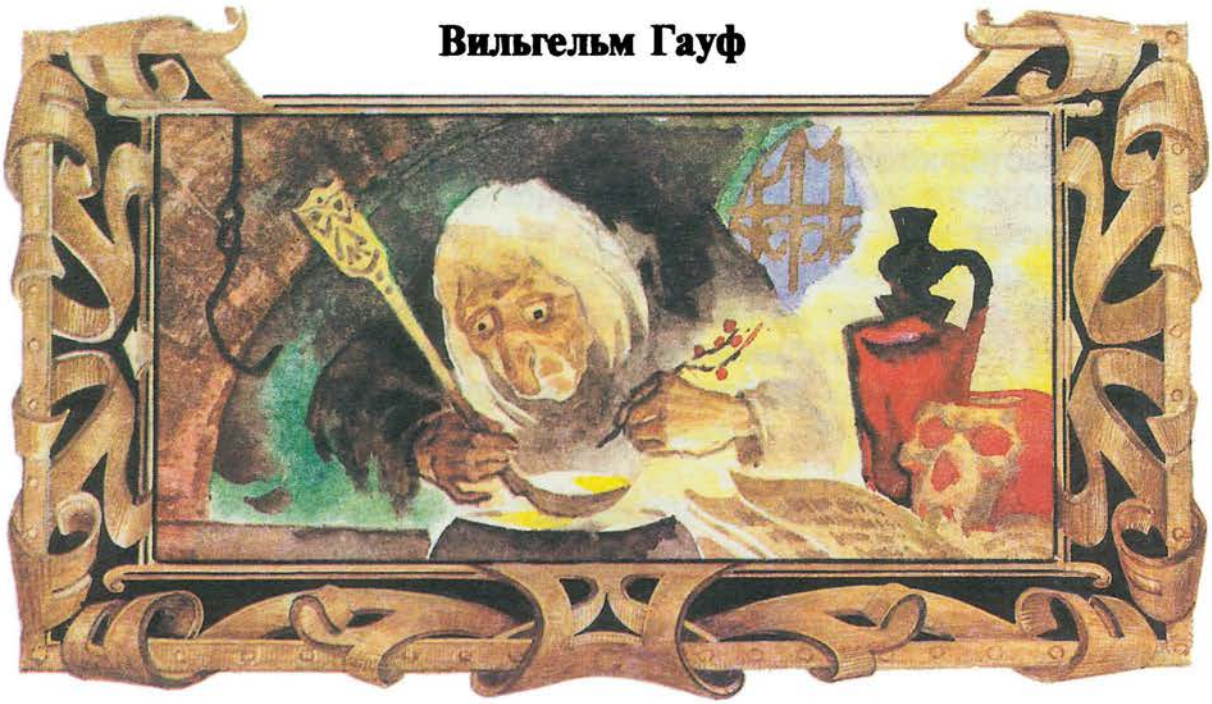
Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили наконец издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры, как отец оставил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Вильгельм Гауф



Карлик Нос

В одном крупном городе любезного моего отечества, Германии, много лет тому назад тихо и мирно жили сапожник с женой. Он сидел целый день на углу улицы и латал башмаки и туфли и даже тачал новые, если кто доверял ему эту работу, — но в таких случаях ему приходилось покупать раньше кожу, потому что он был беден и не держал запасов. Жена его торговала овощами и плодами, которые разводила в садике за городскими воротами, и люди охотно покупали у нее, потому что она одевалась опрятно и чисто и умела красиво разложить и показать лицом свой товар.

У этих скромных людей был красивый сынок, складный, пригожий лицом и для своего двенадцатилетнего возраста довольно крупный. Обычно он сидел подле матери в овощном ряду и охотно помогал хозяйкам и поварам, закупившим много

всякого товара у сапожниковой жены, донести его до дому; и с такой прогулки он редко возвращался без красивого цветка, мелкой монеты или лакомства, потому что господам нравилось, когда повара приводили с собой красивого мальчика, и они всегда щедро его награждали.

В один прекрасный день сапожникова жена сидела, по своему обыкновению, на базаре; перед ней стояли корзины с капустой и другими овощами, с различными травами и семенами, а в корзиночке поменьше лежали ранние груши, яблоки и абрикосы. Сынок ее Якоб, так звали мальчика, сидел около и звонким голосом выкрикивал: «Пожалуйте, господа, взгляните, что за чудесная капуста, что за душистые травы! Покупайте, хозяйки, ранние груши! Кому ранние яблоки и абрикосы! Мать торгует без запроса». Так выкрикивал мальчик. По базару как раз проходила старуха, оборванная и в лохмотьях; у нее было остренькое личико, от старости все сморщенное, красные глаза и острый нос крючком чуть не до самого подбородка; она шла, опираясь на длинную клюку, и все же было непонятно, как она передвигается; она ковыляла, хромала, спотыкалась; казалось, ноги у нее на шарнирах и она вот-вот полетит кувырком и стукнется острым носом о мостовую.

Сапожникова жена внимательно оглядела старуху. Уже шестнадцать лет сидела она ежедневно тут на базаре и ни разу еще не видала этой старой карги. Но она невольно испугалась, когда та заковыляла прямо к ней и остановилась у корзин.

— Вы Ганна, торговка овощами? — спросила старуха противным хриплым голосом, все время тряся головой.

— Да, это я, — ответила сапожникова жена, — вам что угодно?

— Посмотрим, посмотрим! Поглядим травку, поглядим травку, есть ли у тебя то, что мне надобно, — ответила старуха, нагнулась к корзинам и стала рыться коричневыми уродливыми руками в корзине с травами; длинными паучьими пальцами хватала она травы, разложенные так красиво и аккуратно, затем подносила одну за другой к длинному носу и обнюхивала со всех сторон. У жены сапожника надрывалось сердце при виде того, как старуха перебирает редкие травы; но она не смела ничего сказать, ведь выбирать товар — право покупателя, да, кроме того, она испытывала какой-то непонятный страх перед этой женщиной.

Перерыв всю корзину, та пробормотала: «Дрянь, а не товар, дрянь, а не травы, ничего, что мне надобно; пятьдесят лет тому назад куда лучше было; дрянь, а не товар, дрянь, а не товар!»

Такие речи рассердили Якоба.

— Послушай, старуха, где у тебя совесть? — сердито крикнул он. — Сначала копаешься своими противными коричневыми пальцами в прекрасных травах и мнешь их, потом суешь себе под длинный нос, никто, кто это видел, их теперь не возьмет, а потом еще ругаешь наш товар дрянью, а у нас ведь покупает повар самого герцога.

Старуха покосилась на бойкого мальчугана, противно хихикнула и прохрипела:

— Так, так, сыночек! Значит, тебе не нравится мой нос, мой красивый длинный нос? Погоди, у самого такой посреди лица вырастет и вытянется до самого подбородка. — С этими словами она заковыляла к другой корзине, в которой лежала капуста. Выбрала самые красивые белые кочны и давила и жала их так, что они кряхтели, затем кое-как побросала в корзину и опять сказала: «Дрянь, а не товар, дрянь, а не капуста!»

— Не тряси так противно головой, — испуганно закричал мальчуган. — Шея-то у тебя не толще капустной кочерыжки, того и гляди, подломится, а тогда твоя голова полетит прямо в корзину! Где нам тогда найти покупателя на свой товар?

— Так тебе не нравятся тонкие шеи? — хихикая, пробормотала старуха. — Ну так у тебя совсем шеи не будет: голова уйдет в плечи, чтобы как-нибудь не свалиться с тщедушного тельца.

— Не болтайте всякого вздора с мальчуганом, — сказала наконец сапожникова жена, рассердившись, что та все только щупала, разглядывала и обнюхивала, — а ежели вам что надобно, так поторопитесь, а то вы разогнали других покупателей.

— Ладно, будь по-твоему, — воскликнула старуха, злобно взглянув на нее, — я куплю у тебя эти шесть кочнов; но ты видишь, я опираюсь на клюку и не могу ничего нести; позволь твоему сыночку донести мне товар до дому, а я его отблагодарю.

Мальчугану не хотелось идти, и он заплакал, потому что боялся безобразной старухи, но мать строго приказала ему слушаться, так как считала грехом взвалить на старую немощную женщину такую поклажу; хныча, послушался он матери, сложил кочны в корзину и пошел по базару за старухой.

Дело шло у нее не очень-то быстро, и понадобилось добрых три четверти часа, чтобы дойти до отдаленной части города, где она остановилась перед ветхой хибаркой. Тут она вытащила из кармана старый ржавый крючок, ловко вставила его в замочную скважину, и дверь с громким треском растворилась. Но как удивился Якоб, когда вошел в дом! Внутри все было великолепно убрано, потолок и стены облицованы мрамором, вещи все из дорогого черного дерева с инкрустацией из золота и полированных камней, пол из стекла, и такой гладкий, что мальчуган поскользнулся и упал. А старуха вытащила из кармана серебряную дудочку и стала насвистывать песенку, которая пронзительно разносилась по всему дому. И сейчас же по лестнице спустились морские свинки; Якобу показалось очень странным, что они ходят прямо на задних лапках, что скорлупки от орехов заменяют им башмаки, что одеты они в человечью одежду, а на головах носят самые новомодные шляпы.

— Ах вы, мразь негодная... Куда вы девали мои туфли? — прикрикнула старуха и швырнула в них клюкой, да так, что они завизжали и подскочили. — Долго мне еще здесь стоять?

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и вернулись с двумя скорлупами кокосового ореха, обшитыми внутри кожей, и ловко надели их старухе на ноги.

Хромоты и ковыляния как не бывало. Она отбросила клюку и очень быстро заскользила по стеклянному полу, таща за руку Якоба. Наконец старуха остановилась в комнате, в которой было много всякой утвари, так что она, пожалуй, походила на кухню, хотя столы красного дерева и диваны, застланные роскошными коврами, больше подобали парадным апартаментам.

— Садись, сынок, — очень ласково сказала старуха, запихивая его в угол дивана и задвигая столом, чтобы он не мог вылезти. — Садись, человечьи головы не такие уж легкие, да, не такие уж легкие.

— Что-то я вас, бабушка, не пойму, — воскликнул мальчуган. — Я правда устал, но нес-то я капустные головы, вы их купили у моей матери!

— Ну, это ты ошибаешься, — засмеялась старуха, подняла с корзины крышку и, схватив за вихор, вытащила оттуда человечью голову.

Мальчуган опешил; от страха он не мог понять, что случи-

лось, но сразу подумал о матери: если прослышат про человечьи головы, решил он, то станут, конечно, винить мою мать.

— Погоди, я дам тебе что-то в награду за то, что ты такой послушный, — пробормотала старуха, — потерпи минутку, сейчас сварю тебе такого супцу, что ты его всю жизнь помнить будешь.

Она сказала и снова свистнула. Сначала прибежало много морских свинок, одетых по-человечьи; на них были повязаны кухонные фартуки, а за пояс заткнуты уполовники и кухонные ножи; вслед за ними прибежала вприпрыжку толпа белок; ходили они на задних лапках, на них были широкие шаровары, а на голове зеленые бархатные шапочки. Должно быть, это были поварята, потому что они очень быстро взбирались вверх по стенам и спускались оттуда со сковородками и мисками, с яйцами и маслом, травами и мукой и несли все это к очагу; а возле то и дело сновала взад и вперед старуха в своих туфлях из скорлупы кокосовых орехов, и мальчуган видел, что она очень старается сварить ему суп повкусней. Теперь огонь затрещал веселей, сковорода задымилась и зашипела, в комнате распространился вкусный запах, а старуха все бегала взад и вперед, и белки и морские свинки вслед за ней, и каждый раз, как она проходила мимо очага, она совала свой длинный нос в котелок. Наконец все закипело и заклокотало, от котелка повалил пар, а пена брызнула на огонь. Тогда она сняла котелок, вылила содержимое в серебряную миску и поставила ее перед Якобом.

— Так, сынок, так, — сказала она, — вот покушай супцу и получишь все, что тебе так во мне понравилось! Станешь сам искусным поваром, ведь надо же чем-то быть, а вот травки, травки-то тебе нипочем не найти; отчего не было ее в корзине у твоей матери?

Мальчуган не понимал как следует, что она говорит, тем усерднее принялся он за суп: уж очень он ему понравился. Мать не раз потчевала его лакомыми кушаньями, но ничего еще не приходилось ему так по вкусу. Суп был кисло-сладкий и очень наваристый, от него исходил тонкий запах трав и кореньев. Пока он доедал последние капли превосходного яства, морские свинки зажгли арабское куренье, от которого по комнате пошли голубоватые клубы дыма. Клубы эти все сгущались и сгущались и оседали; аромат курения действовал на мальчугана, как дурман;

каждый раз, как он приходил в себя, вспоминал, что пора к матери, и хотел встать, он снова погружался в дремоту, а под конец и вправду заснул на диване у старухи.

Странные сны привиделись мальчику. Ему чудилось, будто старуха сняла с него одежду и облекла его в беличью шкурку. Теперь он мог прыгать и лазить не хуже белки; он познакомился с остальными белками и морскими свинками, народом весьма учтивым и благонравным; вместе с ними нес он службу у старухи. Сначала он допускался только до обязанностей чистильщика сапог, то есть он должен был смазывать маслом и начищать до блеска кокосовые орехи, которые старуха носила вместо башмаков. С этим делом он справлялся ловко, так как в отцовском доме его не раз засаживали за такую работу; приблизительно через год — снилось ему дальше — он был допущен до более тонкой работы: ему приказано было вместе с другими белками ловить пылинки, плясавшие в солнечном луче, а наловив достаточное количество, просеивать их через частое сито. Хозяйка считала солнечные пылинки за самое что ни на есть нежное на свете, а потеряв последние зубы, она не могла жевать как следует, и потому ей пекли хлеб из солнечных пылинок.

Еще через год его перевели в число тех слуг, что собирали питьевую воду для старухи. Не подумайте, что она приказала вырыть колодец или поставить во дворе бочку для дождевой воды; их работа требовала куда больше искусства: белки, а с ними и Якоб, скорлупками лесных орехов вычерпывали росу из роз — она-то и служила старухе питьевой водой. А старуха пила весьма много, поэтому водоносам приходилось туго. Через год его приставили к работе по дому; на нем лежала обязанность держать в чистоте полы, а так как они были стеклянными и на них было заметно даже дыхание, то работа эта была нелегкая. Они терли полы щетками и, привязав к ногам старую суконку, ловко скользили по комнате. На четвертый год он был наконец определен на кухню. Это была почетная должность, до которой допускали только после долгих испытаний. Там Якоб из поваренка дослужился до старшего повара-паштетника и приобрел такой огромный опыт и умение во всем, касающемся поварского искусства, что часто сам себе дивился; все он постиг, всему научился, быстро и вкусно готовил самые замысловатые кушанья, паштеты, в которые входили двести разных

приправ, овощные супы из всех существующих на свете травок.

Так протекли на службе у старухи лет семь; и вот как-то раз она собралась уходить, сняла свои кокосовые башмаки, вооружилась корзиной и клюкой, а ему приказала ощипать курочку, нафаршировать травами и, вкусно подрумянив, зажарить к ее приходу. Он приготовил ее по всем правилам поварского искусства. Свернул шею, ошпарил кипятком, ловко ощипал, поскоблил кожу, так что та стала гладкой и нежной, и выпотрошил курочку. Потом принялся собирать травы для начинки. На этот раз он увидал в кладовой, где хранились травы, стенной шкафчик с приоткрытыми дверцами, которого он раньше не замечал. Любопытствуя узнать, что в нем, подошел он поближе, — и глядь! — там стояло много корзиночек, от которых исходил приятный крепкий запах. Он открыл одну и нашел травки совсем особой формы и цвета. Стебель и листья были голубовато-зеленые, а на конце сидел огненно-красный цветочек с желтой каймой; в раздумье разглядывал и нюхал он цветок, от которого струился тот же крепкий аромат, которым благоухал суп, сваренный ему когда-то старухой. Но запах был так силен, что он чихнул, стал чихать сильней и наконец совсем расчихался и проснулся.

Он лежал на старухином диване и с удивлением оглядывал комнату. «И привидятся же такие сны, прямо как наяву, — подумал он. — Я мог бы поклясться, что я — жалкая белочка, вожу дружбу с морскими свинками и прочим зверьем и что в то же время я стал искусным поваром. Ну и посмеется же матушка, когда я ей все это расскажу! Только, пожалуй, она заругает меня, что я заснул у чужих и не помогаю ей на рынке». При этой мысли он поднялся, собираясь уходить; все тело у него еще одеревенело от сна, особенно шея, — он не мог как следует вертеть головой; он даже сам на себя усмехнулся, что он такой сонный, никак не придет в себя и то и дело тыкается носом в шкаф или в стену, а когда быстро обернется, задевает носом о дверной косяк. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, словно хотели увязаться за ним; уже стоя на пороге, он позвал их с собой, ведь это были такие славные зверюшки. Но они быстро покатились на своих ореховых скорлупках обратно в дом, и только издали доносился их визг.

Старуха завела его в довольно отдаленную часть города, и он

едва выбрался из узких улочек, да к тому же там еще была толчея, потому что, как ему сдавалось, где-то поблизости появился карлик; то и дело слышались крики: «Эй, взгляните-ка на уродца-карлика! Откуда взялся такой карлик? Ну и длинный же у него нос, а голова совсем ушла в плечи, а руки-то какие темные и безобразные!» В другое время он и сам побежал бы за народом, потому что больше всего на свете любил глазеть на великанов и карликов или на необычайные заморские наряды, но сейчас ему надо было торопиться к матери.

Когда он пришел на базар, на него напал страх. Мать сидела еще там, и в корзине у нее было порядочно товара, значит, он проспал не очень долго, но уже издали она показалась ему очень печальной: она не зазывала покупателей и сидела, подперев голову рукой, а когда он подошел поближе, ему почудилось, будто она бледнее обычного. Он медлил, не зная, как поступить; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил ей руку на плечо и сказал:

— Матушка, тебе нездоровится? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась, но тут же отпрянула с криком ужаса.

— Чего тебе от меня надобно, противный карлик! — воскликнула она. — Ступай, ступай прочь! Терпеть не могу глупых шуток!

— Но что с тобой, матушка? — спросил перепуганный Якоб. — Тебе, верно, неможется, почему ты гонишь прочь своего сына?

— Сказала тебе, ступай своей дорогой! — раздраженно ответила Ганна. — С меня ты, мерзкий урод, своим кривляньем ничего не заработаешь.

«Верно, Бог лишил ее разума, — в страхе подумал малыш. — Что мне теперь делать, как довести ее до дому?»

— Милая маменька, приди в себя, посмотри на меня хорошенько, — я ведь твой сын, твой Якоб.

— Нет, теперь шутка становится слишком наглой, — крикнула Ганна, обращаясь к соседке, — вы только взгляните на урода-карлика, стоит тут и отпугивает всех покупателей, да еще смеет издеваться над моим горем. Говорит — я твой сын, твой Якоб! Ах он, бесстыдник!

Тут всполошились все соседки и принялись ругаться изо всех сил — а рыночные торговки, сами знаете, ругаться гораз-

ды — и напали на него за то, что он издевается над несчастьем бедной Ганны, у которой семь лет тому назад украли сынка — писаного красавца, и стали грозиться, что все вместе набросятся на него и исцарапают, если он не уберется подобру-поздорову.

Бедняжка Якоб не знал, что и подумать. Ведь он же, как ему сдавалось, сегодня утром пошел, по обыкновению, с матерью на базар, помог ей разложить фрукты, затем пошел со старухой к ней домой, покушал супцу, вздремнул немножко и теперь вот вернулся на базар, а мать и соседки говорят о семи годах. А его называют мерзким карликом! Что же это такое с ним приключилось? Когда он понял, что мать и слышать о нем не хочет, на глазах у него выступили слезы, и он печально побрел к лавчонке, где отец целый день чинил башмаки. «Увидим, — думал он, — признает ли он меня; я стану в дверях и заговорю с ним». Подойдя к сапожнику, он стал у двери и заглянул в лавчонку. Хозяин так рьяно трудился над своей работой, что не заметил его; но, случайно взглянув на дверь, он уронил на пол башмак, дратву и шило и в ужасе закричал: «Господи Боже мой, да что это такое, что такое!»

— Добрый вечер, хозяин! — сказал малыш, входя в лавку. — Как поживаете?

— Плохо, плохо, господинчик! — ответил отец, к большому удивлению Якоба; выходит, что отец его тоже не знает. — Работа не спорится. Я один и старею, а взять подмастерье не по карману.

— А разве нет у вас сыночка, который бы понемножку помогал вам в работе? — выведывал карлик.

— Был у меня сынок, звали его Якобом, теперь бы он был статным, ловким двадцатилетним юношей и мог бы здорово подсобить мне. Да, вот это была бы жизнь! Уже в двенадцать лет он был смышленым, умелым мальчишкой и разбирался в моем ремесле, а уж какой красавчик, какой учтивый! Он привлек бы заказчиков, так что скоро я бы уже не чинил башмаки, а только бы тачал новые! Но так уж ведется на свете!

— А где же ваш сын? — дрожащим голосом спросил он отца.

— Бог ведает, — ответил тот, — семь лет тому назад — да, теперь уже с той поры утекло столько времени — его украли у нас на базаре.

— Семь лет тому назад! — в ужасе воскликнул Якоб.

— Да, крохотный мой господинчик, семь лет; как сейчас

помню, пришла жена домой, вся в слезах, и, громко рыдая, сказала, что весь день напрасно прождала мальчика; она всех расспрашивала, всюду его разыскивала, но так и не нашла сына. Я всегда думал, всегда говорил, что так случится; Якоб был красивым ребенком, это надо признать, и жена им гордилась, ей льстило, когда его хвалили, и часто она посылала его с овощами и всякой всячиной к знатным господам. Это было не плохо, — каждый раз его щедро одаривали; но я говорил ей: смотри! Город велик, в нем живет много недобрых людей, смотри за Якобом. Как я говорил, так оно и вышло. Приходит как-то раз на базар уродливая старуха, приценивается к фруктам и овощам и покупает под конец столько, что не может сама донести до дому. У жены моей сердце отзывчивое, она отпустила с ней мальчишку — и с тех пор его так и не видали.

— И вы говорите, тому уже семь лет?

— Весною будет семь. Мы объявили о нем, ходили из дома в дом и всюду расспрашивали; многие знали и любили красавчика мальчика и вместе с нами искали его, — все напрасно. Женщину, купившую овощи, тоже никто не знал, — только одна дряхлая старушонка, прожившая девяносто лет, сказала, что это, пожалуй, злая волшебница Травозная, которая раз в пятьдесят лет приходит в город за всякими закупками.

Так рассказывал отец Якоба и при этом громко стучал по башмаку и обеими руками вытягивал дратву. Маленькому человечку постепенно стало ясно, что с ним случилось; он не во сне, а наяву семь лет прослужил в белках у злой волшебницы. Сердце разрывалось от гнева и горя. Старуха украла у него семь лет юности, а что получил он взамен? Навострился наводить глянец на туфли из кокосовых орехов да держать в чистоте комнату с зеркальным полом? Научился у морских свинок тайнам поварского искусства? Он простоял некоторое время, раздумывая над своей участью; в конце концов отец спросил его:

— Может быть, вам угодно мне что-либо заказать, молодой человек? Пару новых туфель или, — прибавил он, усмехаясь, — может быть, футляр себе на нос?

— Почему вам дался мой нос? — спросил Якоб. — К чему мне футляр на него?

— Ну, кому что нравится, — возразил башмачник, — но должен сказать, будь у меня такой страшный нос, я бы заказал

на него футляр из розовой лакированной кожи. Вот взгляните, у меня как раз под рукой хороший лоскут; правда, на футляр пойдет не меньше локтя, но зато как бы это вас уберегло, крохотный господинчик: я уверен, вы натыкаетесь на всякий дверной косяк, на всякую повозку, когда хотите уступить ей дорогу.

Крохотуля онемел от страха; он потрогал свой нос — нос был толстый и в длину не меньше двух пядей! Значит, старуха переменила ему наружность, потому-то мать и не узнала его, потому-то и обзывали его уродцем-карликом!

— Хозяин! — обратился он, чуть не плача, к сапожнику. — Нет ли у вас под руками зеркала, чтобы мне поглядеться?

— Сударь, — серьезно ответил отец, — не такая наружность досталась вам, чтобы ею любоваться, и незачем вам то и дело глядеться в зеркало. От этого следует отвыкать: у вас такая привычка особенно смешна.

— Ах, дайте мне взглянуть в зеркало, — воскликнул карлик, — уж конечно, дело тут не в любовании собой!

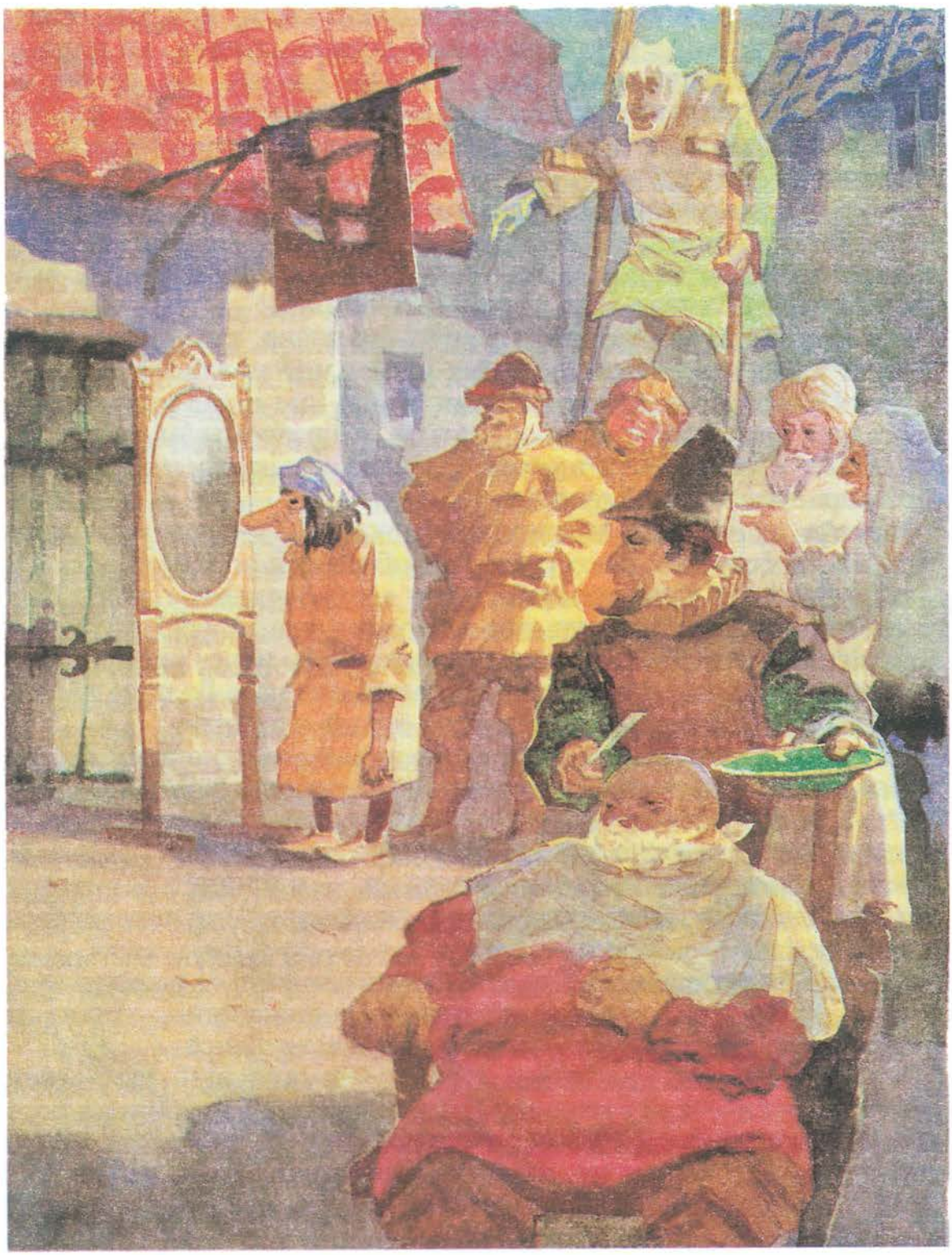
— Оставьте меня в покое; нет у меня зеркала; у жены был осколок, да не знаю, куда она его запрятала. А уж ежели вам обязательно нужно поглядеться в зеркало, то через улицу живет Урбан, брадобрей, у него есть зеркало в два раза больше вашей головы; поглядитесь в него, а пока будьте здоровы!

С этими словами отец осторожненько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и снова сел за работу. А Якоб, совсем убитый, перешел через улицу к брадобрею Урбану, которого помнил еще с прежних времен.

— Доброе утро, Урбан, — сказал он, — я пришел попросить вас о любезности, будьте так добры и позвольте мне поглядеться у вас в зеркало.

— С удовольствием, вон оно там стоит, — воскликнул, смеясь, брадобрей, и его посетители, ожидавшие, когда он подстрижет им бороду, тоже громко расхохотались

— Вы и впрямь красавчик, стройный и складный, шея — как у лебедя, руки — как у королевы, а другого такого хорошенького вздернутого носика и не сыщешь. Пожалуй, вы слишком им любуетесь, это верно; ну, ладно, поглядитесь, пусть не говорят про меня, будто я из зависти не позволил вам поглядеться у себя в зеркало!



Так сказал брадобрей, и вся цирюльня задрожала от хохота. Между тем карлик подошел к зеркалу и взглянул в него. Слезы выступили у него на глазах. «Да, милая маменька, — подумал он, — ты, конечно, не могла узнать своего Якоба. В ту счастливую пору, когда ты хвасталась мною перед людьми, наружность у меня была иная!» Сейчас глаза у него стали маленькими, как у свиньи, нос чудовищно вырос и навис надо ртом и подбородком, шеи будто и в помине не было, потому что голова ушла глубоко в плечи и ворочать ею из стороны в сторону ему было очень больно. Ростом он был все тот же, что и семь лет тому назад, когда ему было только двенадцать; но в то время как все прочие от двенадцати до двадцати растут в вышину, он рос в ширину, спина и грудь у него сильно выпятились и смахивали на небольшой, но туго набитый мешок. Толстое туловище сидело на слабеньких ножках, подгибавшихся под его тяжестью, зато руки были очень длинные, той же длины, что у взрослого мужчины, и болтались, как плети, кисти рук огрубели и потемнели, пальцы вытянулись по-паучьи, и, расправив их как следует, он мог, не нагибаясь, достать до полу. Вот каким стал маленький Якоб, — он превратился в уродливого карлика.

Теперь он припомнил то утро, когда старуха подошла на базаре к его матери. Всем, что он тогда осудил в ней — длинным носом, безобразными пальцами, — всем наделила она его, кроме длинной трясущейся шеи, шею она начисто упразднила.

— Ну что, мой принц, вдоволь нагляделись? — спросил брадобрей, подходя к нему и насмешливо его рассматривая. — Право, такой смешной наружности при всем желании и во сне не увидишь. Но у меня есть для вас предложение, крохотный человечек. Ко мне в цирюльню захаживает, правда, порядочно народу, но за последнее время не так много, как то было бы желательно. Причина тому та, что мой сосед, брадобрей Шаум, разыскал где-то великана, который привлекает к нему посетителей. Ну, чтобы вырасти великаном, большого умения не надобно, а вот стать человечком вроде вас, да, — это потруднее. Поступайте ко мне на службу, крохотный человечек, я поселю вас у себя, буду кормить, поить, одевать, обувать, — всего у вас будет вволю; за это вы должны стоять по утрам у меня перед дверью и зазывать ко мне народ, взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и, уверяю вас, дела у нас

пойдут неплохо; у меня посетителей будет больше, чем у соседа с великаном, а вам всякий охотно даст на чай.

Карлик был в душе возмущен предложением служить приманкой для брадобрея. Но ему пришлось стерпеть это оскорбление. Поэтому он совершенно спокойно ответил брадобрею, что не располагает временем для таких услуг, и побрел дальше.

Хотя злая старуха и испортила ему наружность, но нанести вред его разуму она не смогла — это он отлично чувствовал, потому что думал и чувствовал он не так, как семь лет тому назад, — он стал умнее, рассудительнее; его печалила не утрата былой красоты, не теперешнее его уродство, а то, что отец, словно собаку, прогнал его от своего порога. Поэтому он решил еще раз попытать счастья у матери.

Он подошел к ней на базаре и попросил спокойно выслушать его. Он напомнил ей тот день, когда ушел со старухой, напомнил разные случаи из своего детства, потом рассказал, как семь лет прослужил в образе белки у колдуньи и в кого она его превратила за то, что он ее тогда осуждал. Сапожникова жена не знала, что и думать. Все, что он рассказал о своем детстве, так на самом деле и было, но когда он стал уверять, будто в течение семи лет был белкой, она промолвила:

— Ну, этого быть не может, да и волшебниц не бывает. — И, посмотрев на уродца-карлика, она возненавидела его и не могла поверить, что это ее сын. В конце концов она сочла за лучшее поговорить с мужем. Она собрала корзины и велела ему идти вместе с ней. Так и пришли они к лавчонке сапожника.

— Послушай, — сказала она ему, — вот этот человек утверждает, будто он наш потерянный Якоб. Он мне все рассказал, как семь лет тому назад его увела от нас и заколдовала злая волшебница.

— Ах так! — в гневе воскликнул сапожник. — Вот что он тебе рассказал? Ну, подожди же ты у меня, негодник! С час назад я сам все ему рассказал, а он отправился морочить тебя! Так тебя заколдовали, сыночек? Подожди же, вот я тебя расколдую. — С этими словами он схватил связку ремней, которые как раз нарезал, подскочил к человечку и так вытянул его по высокому горбу и длинным рукам, что тот закричал от боли и с плачем убежал прочь.

В том городе, как, впрочем, и везде, мало сердобольных

людей, готовых помочь бедному человеку, особенно если на его счет можно позабавиться. Потому-то и не удалось бедняжке карлику за весь день поесть и попить, а когда стемнело, ему пришлось заночевать на церковной паперти, хотя она и была твердая и холодная.

Когда на следующее утро его разбудили первые лучи солнца, он серьезно задумался, чем ему жить, раз отец с матерью его прогнали. Чтобы служить вывеской брадобрею, он был слишком горд; подряжаться в шуты и показываться за деньги он не хотел. Как жить? Тут ему пришло в голову, что, в бытность свою белкой, он сильно преуспел в поварском искусстве; не без основания полагал он, что может потягаться с любым поваром; он решил использовать свое поварское искусство.

Как только улицы оживились и утро окончательно вступило в свои права, он вошел в церковь и помолился. Затем пустился в путь. Герцог, владетель той страны, — о, господин, — был известный объедала и лакомка, любил сладко покушать и выписывал поваров со всех частей света. К его-то дворцу и отправился крохотуля. У внешних ворот привратники спросили, что ему надобно, и принялись всячески потешаться над ним; он же потребовал обер-гофповара. Смеясь, повели они его через внешние дворы, и всюду, где он появлялся, слуги оставляли работу, глазели на него, громко хохотали и присоединялись к ним, так что под конец по лестнице дворца шествовала процессия слуг всякого рода; конюхи отбросили свои скребницы, скороходы бежали со всех ног, слуги, приставленные к коврам, позабыли выколачивать ковры, — все толкались и спешили; поднялась такая давка, словно к воротам подступил враг, в воздухе стоял крик: «Карлик, карлик! Видали карлика?»

Тут в дверях появился смотритель дворца, лицо у него было сердитое, а в руках он держал огромный бич.

— Побойтесь Бога, собаки проклятые! Чего расшумелись! Разве не знаете, что герцог изволит еще почивать? — И при этих словах он размахнулся бичом и весьма неласково прошелся им по спинам конюхов и привратников.

— Господин, — закричали они, — разве вы не видите? Мы привели карлика, такого карлика, какого вы и не видывали.

Заметив человечка, смотритель дворца приложил все старания, чтобы не рассмеяться, ведь он боялся, как бы смех не

повредил его достоинству. Поэтому он разогнал бичом толпу слуг, а человечка повел в дом и спросил, чего ему надобно. Когда же услышал, что тот добивается обер-гофповара, он возразил:

— Ты, сыночек, ошибаешься, тебе нужен я, смотритель дворца, ты собираешься поступить в придворные карлики к герцогу, не так ли?

— Нет, господин! — ответил карлик. — Я умелый повар, сведущий во всяких редкостных яствах, соблаговолите отвести меня к обер-гофповару, может быть, мое искусство ему пригодится.

— Как угодно, крохотуля, но ты легкомысленный человек. На кухню захотел! Если ты поступишь в придворные карлики, работать тебе не придется, есть и пить будешь всласть, одежду носить богатую. Увидим, навряд ли у тебя хватит умения, чтобы стать придворным поваром герцога, а для поваренка ты слишком хорош. — С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в покои обер-гофповара герцогской кухни.

— Государь мой, — сказал карлик и поклонился так низко, что коснулся носом пола. — Не требуется ли вам искусный повар?

Обер-гофповар оглядел его с головы до пят, затем громко расхохотался.

— Как, ты повар? — воскликнул он. — Так, по-твоему, очаг у нас такой низкий, что ты сможешь заглянуть в котелок, став на цыпочки и как можно сильнее вытянув шею? Ах ты, козявочка! Тот, кто послал тебя наниматься ко мне в повара, посмеялся над тобой. — Так сказал обер-гофповар и громко расхохотался, а за ним захохотали и смотритель дворца, и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Не обеднеет такой дом, где всего вдоволь, от двух-трех яичек, чуточки сиропа и вина, муки и пряностей, — сказал он. — Дозвольте мне изготовить лакомое кушанье, предоставьте все, для того потребное, и я тут же у вас на глазах его состряпаю, вот тогда вы скажете: «Он с полным правом может быть поваром».

Такие и подобные им речи вел человечек, и странное впечатление производили его сверкающие глазки, качавшийся из стороны в сторону длинный нос и движения тоненьких паучьих пальцев, сопровождавшие его слова.

— Так и быть! — воскликнул заведующий кухней и взял под

руку смотрителя дворца. — Так и быть, согласен, шутки ради; идемте на кухню.

Они прошли по залам и галереям и наконец добрались до кухни. Это был обширный покой, замечательно устроенный: в двадцати очагах постоянно пылал огонь, посреди бежал прозрачный ручей, служивший также садком для рыб; в шкафах из мрамора и редких сортов дерева стояли запасы, которые всегда должны быть под рукой, а по правую и по левую сторону находилось десять зал, где было припасено все, что только знали вкусного и лакомого во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Кухонная челядь сновала взад и вперед, звенела кастрюлями и сковородками, управлялась с вилками и шумовками; но когда на кухню пришел обер-гофповар, все замерли на месте, и было только слышно, как трещит огонь и журчит ручеек.

— Что сегодня заказал на завтрак наш повелитель? — спросил обер-гофповар старого повара, великого искусника в изготовлении завтраков.

— Герцог соизволили заказать датский суп с красными гамбургскими фрикадельками!

— Хорошо, — продолжал обер-гофповар. — Ты слышал, что угодно откушать нашему повелителю? Дерзнешь ли ты изготовить эти замысловатые яства? С фрикадельками тебе нипочем не справиться, — их приготовление наш секрет.

— Нет ничего легче, — к общему удивлению, ответил карлик (в бытность свою белкой он не раз готовил эти кушанья), — нет ничего легче, выдайте мне для супа такие-то и такие-то травы, такие-то и такие пряности, кабаньего сала, кореньев и яиц; а для фрикаделек, — сказал он тихо, так, чтобы его слышали только обер-гофповар и повар, приставленный к завтракам, — для фрикаделек мне требуется различного сорта мясо, немножко вина, утиный жир, имбирь и некая травка, которая зовется «утехой для желудка».

— Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты обучался? — с удивлением воскликнул повар. — Ты назвал все до капельки, а про травку, что зовется «утехой для желудка», мы и сами не слыхали, — она, должно быть, придает особо приятный вкус. Ах, ты — чудо-повар!

— Этого я никак не ожидал, — сказал обер-гофповар. —

Итак, приступим к испытанию: дать ему все, чего он требует, посуду и все прочее, и пусть стряпает завтрак.

Как он приказал, так и сделали, и принесли все, что он просил; но тут оказалось, что карлик едва мог достать носом до очага. Поэтому придвинули два стула, положили на них мраморную доску и предложили чудо-человечку показать свое искусство. Повар, поварята, слуги и прочая челядь окружили его широким кольцом, смотрели на него и дивились, как быстро и ловко он управляется, как чисто и красиво все готовит. Покончив с приготовлениями, он приказал поставить оба котелка на огонь и кипятить до тех пор, пока он не скажет; затем он принялся считать: раз, два, три и так далее и, сосчитав до пятисот, крикнул: «Хватит!» Горшки сняли с огня, и карлик попросил обер-гофповара отведать.

Гофповар повелел поваренку подать ему золотую ложку, ополоснул ее в ручье и передал обер-гофповару; тот с торжественным видом подошел к очагу, зачерпнул, отведал кушанья, закатил глаза, прищелкнул от удовольствия языком и промолвил:

— Восхитительно, жизнью герцога клянусь — восхитительно! Не угодно ли вам тоже проглотить ложечку, господин смотритель дворца?

Тот поклонился, взял ложку, отведал кушанья и не мог опомниться от удовольствия и радости.

— Вы умелый повар, дорогой мой повар по герцогским завтракам, но, при всем моем уважении к вашему искусству, должен сказать, что ни суп, ни гамбургские фрикадельки никогда не удавались вам столь замечательно!

Теперь попробовал и герцогский повар по завтракам, затем он почтительно пожал карлику руку и сказал:

— Да, человечек, ты мастер своего дела, а травка «утеха для желудка» придает всему совершенно особую прелесть.

Тут в кухню вошел герцогский камердинер и возвестил, что его господин требует завтрак. Кушанья понесли герцогу в серебряной посуде, а обер-гофповар повел карлика к себе и начал с ним беседовать. Но не прошло даже столько времени, сколько надобно, чтобы прочитать франкскую молитву (она вдвое короче молитвы правоверных), как пришел посланец и позвал обер-гофповара к герцогу. Он быстро переоделся в парадное одеяние и последовал за посланным.

Герцог, казалось, был очень доволен. Он скушал все, что ему было подано, и как раз утирал усы.

— Послушай, заведующий моей кухней, — сказал он, — до сего дня я всегда бывал очень доволен твоими поварами, но скажи, кто приготовил завтрак сегодня? С тех пор как я сижу на престоле отцов, я еще ни разу не едал такого вкусного; доложи, как зовут этого повара, и мы даруем ему в награду несколько дукатов.

— Господин мой! Это удивительная история, — ответил обер-гофповар и рассказал, как сегодня рано поутру привели к нему карлика, который во что бы то ни стало хотел стать поваром, и про все, что случилось потом.

Герцог очень удивился, призвал карлика и спросил его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, разумеется, сказать, что был заколдован и служил в виде белки. Но он не погрешил против истины, поведав, что остался без отца с матерью, а готовить обучился у одной старухи. Герцог не стал его расспрашивать, а предпочел позабавиться необыкновенной наружностью своего нового повара.

— Если хочешь остаться у меня, — сказал он, — я прикажу ежегодно выдавать тебе пятьдесят дукатов, нарядное платье и сверх того две пары штанов. А ты будешь обязан ежедневно самолично стряпать мне завтрак, указывать поварам, как приготовить обед, и вообще заниматься моим столом. Каждый у меня во дворце получает какое-нибудь прозвище, ты будешь зваться «Носом» и будешь возведен в чин младшего гофповара.

Карлик Нос пал ниц перед могущественным герцогом франкской земли, облобызал ему ноги и обещал служить верой и правдой.

Итак, на первое время человечек пристроился и с честью стал выполнять свои обязанности. И можно сказать, что герцог сделался совсем другим человеком, с тех пор как карлик Нос поселился у него в доме. Прежде он часто изволил привередничать, и в голову поварам летели миски и блюда, которые ему подавали, — даже самому обер-гофповару запустил он, разгневавшись, жесткой пережаренной телячьей ногой прямо в лоб с такой силой, что тот свалился и три дня пролежал в постели. Правда, герцог обычно искупал то, что натворил в запальчивости, несколькими пригоршнями дукатов, и все же повара всегда

Вильгельм Гауф. Карлик Нос

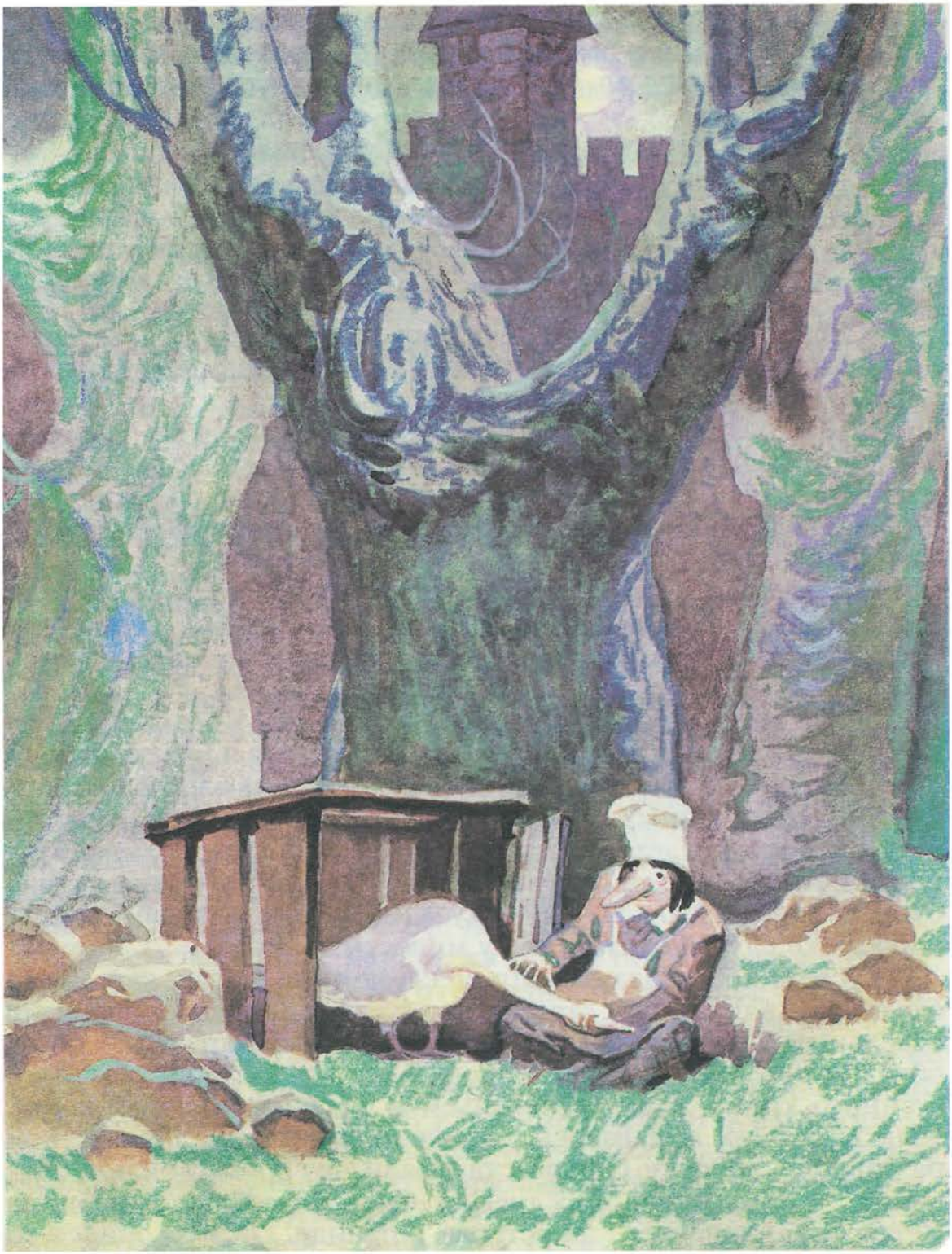
подавали ему кушанья с оглядкой да с опаской. С тех пор как карлик поселился у него в доме, все как по волшебству изменилось. Герцог кушал вместо трех пять раз на день, чтобы вдосталь насладиться искусством самого маленького из своих слуг, и все же никогда у него на лице не появлялось недовольной гримасы. Наоборот, все казалось ему новым и отличным на вкус; он стал ласковым и обходительным и жирел с каждым днем.

Часто во время обеда приказывал он позвать обер-гофповара и карлика Носа, сажал одного от себя по правую, другого по левую руку и собственными пальцами клал им в рот лакомые кусочки, милость, которую оба умели весьма ценить.

Карлику дивился весь город. У старшего заведующего герцогской кухней испрашивали позволения поглядеть, как готовит карлик, а некоторым особенно знатным вельможам удалось выпросить у герцога разрешения для своих слуг пользоваться на кухне уроками карлика, что давало тому немалые доходы, ведь каждый вельможа платил полдуката в день. А чтобы не портить хорошего настроения остальным поварам и не вызывать в них зависти, Нос отдавал им деньги, которые платили ему господа за обучение своих поваров.

Так прожил Нос почти два года внешне в довольстве и почете, и только мысль о родителях печалила его. Так он жил, пока не случилось следующего чудесного приключения. Карлик Нос умел выбрать товар, и покупки его были всегда удачны. Поэтому, если только позволяло время, на базар за птицей и овощами он ходил самолично. Как-то утром пошел он в гусиный ряд поискать жирных, откормленных гусей, которые были по вкусу его господину. Уже несколько раз прошелся он взад и вперед и осмотрел весь рынок. Здесь его появление не вызывало хохота и насмешек, — напротив того, он внушал всем глубокое уважение. Все знали, что это знаменитый придворный повар герцога, и каждая торговка гусями бывала счастлива, когда он поворачивал нос в ее сторону.

Вдруг он увидел в самом конце ряда в уголку женщину, тоже торговавшую гусями, но она не выхваляла свой товар по примеру прочих и не зазывала покупателей. Он подошел, пощупал гусей и попробовал их на вес. Ему были нужны как раз такие, и он купил трех вместе с клеткой, взвалил все на свои широкие плечи и двинулся в обратный путь. Тут ему показалось странным, что



только два гуся гоготали и кричали по-гусиному, а третий сидел смирно и печально и вздыхал и охал по-человечьи. «Гусыня-то занемогла, — подумал он, — надо поспешить прикончить и зажарить ее».

Но гусыня ответила ему явственно и громко:

Ну-ка
Только уколи меня,
Мигом ущипну тебя.
Если же шею мне свернешь,
Долго сам не проживешь.

Карлик Нос в испуге поставил наземь клетку, а гусыня поглядела на него выразительными умными глазами и вздохнула.

— Ну и дела! — воскликнул Нос. — Ваша милость гусыня умеют разговаривать? Вот уж не подумал бы. Но не извольте беспокоиться! Знания жизни у нас достаточно, и такую редкостную птицу мы не прикончим. Но готов побиться об заклад, вы не всегда изволили носить это оперенье. В свое время я тоже был жалкой белкой.

— Ты прав, — ответила гусыня, — я родилась не в этой презренной оболочке. Ах, мне, Мими, дочери великого чародея Веттербока, не пели у колыбели, что я кончу жизнь на герцогской кухне!

— Не извольте беспокоиться, душенька Мими, — утешал карлик. — Верьте, я честный человек, и, покуда я младший гофповар его светлости, никто не посмеет свернуть вашей милости шею. В собственных своих покоях отведу я вашей милости закуток, корма будете кушать вдосталь, свободное время я буду посвящать беседе с вами, а всей прочей кухонной челяди скажу, будто откармливаю для герцога гусыню особыми травами, и при первом же случае отпущу вашу милость на волю.

Гусыня поблагодарила его со слезами на глазах, карлик же сделал так, как обещал: зарезал двух гусей, а для Мими соорудил отдельный сарайчик под тем предлогом, что собирается особым образом откормить ее для герцога. Он и не давал ей обычного гусиного корма, а питал печеньем и сладкими блюдами. Как только у него выдавалось свободное время, шел он к ней разговорить ее тоску. Они рассказывали друг другу свои приключения, и Нос узнал, что гусыня была дочерью волшебника Веттербока, живущего на острове Готланде. Он поссорился со

старой феей, та своими кознями и коварством взяла над ним верх и из мести превратила его дочь в гусыню и перенесла сюда. Когда карлик Нос также поведал ей свою историю, она промолвила:

— Нельзя сказать, чтобы я была несведущей в таких вещах. Отец наставил нас с сестрами, насколько это было в его власти. Из рассказа о ссоре у корзины с травами, о твоем внезапном превращении, когда ты понюхал травку, а также из отдельных слов старухи, которые ты мне передал, ясно, что ты околдован при посредстве трав, поэтому, если ты отыщешь травку, о которой думала старуха во время колдовства, то чары будут с тебя сняты.

Это, конечно, не могло послужить большим утешением для карлика: где было ему разыскать ту траву? Все же он поблагодарил ее и почерпнул в ее словах некоторую надежду.

Об эту же пору посетил герцога соседний владетельный князь, его друг. Посему герцог призвал к себе карлика Носа и сказал:

— Пришло время доказать, что ты мастер своего дела и служишь мне верой и правдой. Князь, мой гость, как известно, кушает лучше всех, кроме меня; он большой знаток изысканной кухни и мудрый правитель. Позаботься же, чтобы ежедневно мой стол был уставлен яствами, которые каждый раз удивляли бы его все больше и больше. При этом, под страхом моей немилости, не моги, покуда он здесь, два раза подавать одно и то же блюдо. Зато разрешаю тебе требовать от моего казначея все, что тебе угодно. Бери даже золото и алмазы, буде тебе понадобится поджарить их в сале. Я соглашусь лучше стать бедняком, чем краснеть перед ним.

Так сказал герцог. Карлик же учтиво поклонился и молвил:

— Будь по слову твоему, о господин! Видит Бог, я сделаю так, чтобы все пришлось по вкусу этому королю объедал.

Повар-крохотуля пустил в ход все свое искусство. Он не жалел сокровищ своего господина, но еще меньше щадил самого себя. Весь день хлопотал он у огня, окутанный облаком дыма, под сводами кухни неумолчно звенел его голос, ибо, как истый властелин, распоряжался он поварятами и младшими поварами...

— Повелитель, я мог бы последовать примеру алеппских погонщиков верблюдов, которые в тех сказках, что рассказывают

путникам, повествуют о том, как вкусно едят их герои. Целый час перечисляют они все яства, что там подаются, и так возбуждают аппетит и даже сильнейший голод у своих слушателей, что те невольно развязывают свои припасы, устраивают трапезу и щедро кормят погонщиков верблюдов; но я поступлю не так.

Чужеземный владетельный князь две недели гостил у герцога и жил в роскоши и веселье. Они кушали не меньше пяти раз на дню, и герцог был доволен искусством карлика, потому что по лицу гостя видел, как тот доволен. Но на пятнадцатый день случилось герцогу позвать карлика к столу, он представил его своему гостю и спросил, доволен ли тот карликом.

— Ты замечательный повар, — ответил чужеземный властитель, — и понимаешь, что такое кушать прилично. За все время, что я здесь, ты ни разу не подал одного и того же блюда и готовил все весьма изрядно. Но скажи, почему не подаешь ты так долго короля кушаний — паштет Сузерен?

Карлик очень перепугался, потому что сейчас в первый раз услышал об этом короле паштетов, но он собрался с духом и сказал:

— О господин! Я надеялся, что еще долго будешь ты освещать своим присутствием нашу столицу, поэтому и не торопился. Ибо чем мог повар ознаменовать последний день твоего пребывания, если не королем всех паштетов?

— Так? — смеясь, возразил герцог. — А если говорить обо мне, ты, верно, ждал моей смерти, дабы ознаменовать так этот день? Ведь и мне ты тоже никогда не подавал этого паштета. Но придумай чем-нибудь иным ознаменовать день расставания: этот паштет ты должен подать к столу уже завтра.

— Будь по слову твоему, господин мой! — ответил карлик и вышел.

Но вышел он нерадостный, чувствуя, что настал день его позора и несчастья: он не знал, как изготовить паштет. Поэтому он отправился к себе и стал плакаться на судьбу. Тут подошла к нему гусыня Мими, которой разрешалось ходить у него по комнате, и спросила, о чем он тужит.

— Уйми свои слезы, — сказала она, услышав о паштете Сузерен. — У моего отца это блюдо часто подавалось на стол, и я приблизительно знаю, что для него требуется. Возьми того и другого, столько-то и столько-то, и если это и не совсем то, что,

собственно, нужно, не беда, — вряд ли уж у нашего господина и его гостя столь тонкий вкус.

Так говорила Мими. Карлик же подпрыгнул от радости, благословил тот день, когда купил гусыню, и принялся за изготовление короля паштетов. Сначала он сделал его на пробу, и — гляди-ка! — паштет вышел на славу, обер-гофповар, которому он предложил его отведать, снова стал расхваливать не знающее равных искусство Носа.

На следующий день запек он паштет в большой форме, украсил цветочными гирляндами и еще теплым, прямо с огня, отослал к столу. Сам же надел свою лучшую праздничную одежду и пошел в столовую. Как раз когда он входил, дворецкий разрезал паштет на ломти и подавал их на серебряной лопатке герцогу и его гостю. Герцог откусил с удовольствием большой кусок, возвел глаза к потолку и, прожевав, сказал:

— Ах-ах-ах, поистине правильно называют этот паштет королем паштетов; но зато и мой карлик — король поваров; не так ли, дорогой друг?

Гость взял в рот несколько кусочков, тщательно распробовал и прожевал их, улыбаясь при этом насмешливо и загадочно.

— Кушанье приготовлено весьма умело, — ответил он, отодвигая тарелку, — но все-таки это не настоящий Сузерен, как я, собственно, и думал.

Тогда герцог гневно наморщил лоб и покраснел от стыда.

— Паршивая собака! — воскликнул он. — Как смел ты причинить мне, твоему господину, такое огорчение? Верно, хочешь, чтобы в наказание за плохую стряпню я повелел снести тебе голову?

— О господин мой! Ради всего святого, я приготовил это кушанье по всем правилам искусства, невозможно, чтобы чего-либо в нем недоставало, — дрожа, сказал карлик.

— Ты лжешь, мошенник! — возразил герцог и ногой отпихнул его. — Будь так, гость не сказал бы, что чего-то недостает. Я прикажу изрубить тебя самого на кусочки и запечь в паштете.

— Сжальтесь! — воскликнул человечек, на коленях подполз к гостю и обнял его ноги. — Скажите, чего недостает этому кушанью и почему оно вам не по вкусу? Не дайте мне умереть из-за горсти муки и мяса!

— Это тебе мало поможет, милый мой Нос, — ответил, смеясь, чужеземец, — я уже вчера знал, что тебе не приготовить этого кушанья так, как это делает мой повар. Знай — тут недостает некоей травки, о которой в вашем краю и не слыхивали, травки Вкусночихи; без нее в паштете нет остроты, и твоему господину никогда не едать его таким, каким ем его я.

Тут франкистанский герцог пришел в ярость.

— И все же я буду есть его в должном виде, — воскликнул он, сверкая глазами, — ибо, клянусь своей герцогской честью, завтра я представлю вам либо паштет по вашему вкусу, либо голову этого негодника, торчащую на пике у ворот моего дворца. Ступай прочь, паршивая собака, еще раз даю тебе сутки сроку!

Так воскликнул герцог; карлик же, плача, побрел к себе в спаленку и принялся жаловаться гусыне на судьбу и на то, что ему не миновать смерти, ведь он никогда не слыхал об этой травке.

— В этой беде я могу тебе помочь, — сказала она. — Отец научил меня распознавать все травы. Правда, в другое время тебе не миновать бы смерти, но, по счастью, сейчас как раз новолуние, а об эту пору и цветет та травка. Скажи мне одно — растут ли поблизости от дворца старые каштановые деревья?

— О да, — с облегчением ответил Нос, — у озера в двухстах шагах от дома их целая купа; но почему нужны именно эти деревья?

— Только у корней старых каштанов цветет эта травка, — сказала Мими, — поэтому нечего терять время попусту, поищем то, что тебе надобно: бери меня под мышку, а на воле спустишь наземь, — я поищу.

Он сделал, как ему было сказано, и вместе с ней направился к воротам дворца. Но там привратник преградил ему путь алебардой и сказал:

— Дорогой мой Нос, миновали твои золотые денечки: тебя не велено выпускать из дворца, на этот счет мне дано строжайшее предписание.

— Но в сад-то мне можно? — возразил карлик. — Будь так добр, пошли одного из твоих подручных к смотрителю дворца, пусть спросит, можно ли мне пойти в сад поискать травы?

Привратник так и сделал, и разрешение было получено, ведь сад обнесен был высокой стеной, даже и думать нечего было улизнуть оттуда. Когда же Нос с гусыней Мими вышли на волю, он бережно спустил ее наземь, и она быстро побежала впереди него к озеру, где росли каштаны. Он следовал за ней, и сердце у него щемило, это же была его последняя, его единственная надежда; он твердо решил: если гусыня не отыщет нужной травки, лучше уж ему броситься в озеро, чем положить голову на плаху. Но тщетно искала гусыня: она бродила от дерева к дереву, перебирала клювом все травинки, но ничего не находила, и от жалости и страха она принялась плакать, ведь уже вечерело и различать предметы становилось все труднее.

Тут взоры карлика упали на ту сторону озера, и он крикнул:

— Погляди-ка, погляди, по ту сторону озера тоже растет развесистое старое дерево, — пойдем туда и поищем, может быть, там цветет мое счастье.

Гусыня запрыгала и полетела впереди него, а он пустился за ней следом во всю прыть своих коротких ножек: каштановое дерево отбрасывало большую тень, да и вообще уже стемнело, — почти ничего нельзя было разобрать; но вдруг гусыня остановилась, захлопала от радости крыльями, затем быстро сунула голову в высокую траву, сорвала что-то, грациозно подала в клюве удивленному Носу и сказала:

— Вот эта травка, и растет она здесь в изобилии, так что ты никогда не будешь терпеть в ней недостатка.

Карлик в раздумье разглядывал травку; от нее исходил пряный запах, который невольно напомнил ему сцену его превращения; стебли и листья были голубовато-зеленого цвета, а цветок огненно-красный с желтой каемкой.

— Слава Богу! — наконец воскликнул он. — Вот так чудо! Знай же, по-моему, это та самая трава, что превратила меня из белки в мерзкого урода. Не попытать ли мне счастья?

— Погоди, — взмолилась гусыня. — Возьми с собой горсточку этой травки, вернемся к тебе, собери деньги и все твое добро, а тогда уж испытаем силу травы.

Так они и сделали и отправились обратно к нему в комнату, и сердце у карлика громко колотилось от нетерпения. Он завязал в узелок пятьдесят-шестьдесят скопленных им дукатов, одежду и обувь.

— Если Господу Богу угодно, сейчас я разделаюсь с этой обузой, — сказал он, сунул нос глубоко в травы и вдохнул их аромат.

Тут он почувствовал, как у него вытягиваются и трещат все суставы, как из плеч подымается голова; он покосился на нос и увидел, что тот все укорачивается и укорачивается, почувствовал, как выпрямляются спина и грудь, как удлиняются ноги.

Гусыня смотрела и удивлялась.

— Ну и большой же ты, ну и красивый! — воскликнула она. — Слава Богу, и следов не осталось от того, кем ты был!

Якоб очень этому обрадовался, сложил руки и помолился. Но при всей своей радости он не позабыл, сколь многим обязан гусыне Мими; хотя сердце и влекло его к родителям, благодарность превозмогла это желание, и он сказал:

— Кому, как не тебе, обязан я тем, что мне даровано снова стать самим собой? Без тебя мне нипочем бы не сыскать этой травки, и, значит, я навсегда сохранил бы тот мерзкий облик, а может быть, даже сложил бы голову на плахе. Хорошо же, я не останусь в долгу. Я доставлю тебя к твоему отцу; он сведущ во всяком колдовстве и без труда снимет с тебя чары.

Гусыня заплакала от радости и согласилась на его предложение. Якобу с гусыней удалось неузнанными выбраться из дворца, и они пустились в путь к берегу моря — на родину Мими...

...О чем поведать мне дальше? О том, что они счастливо закончили свой путь; что Веттербок снял чары с дочери и, щедро оделив Якоба, отпустил его домой; что тот вернулся в свой родной город и что родители охотно признали в красивом юноше своего пропавшего сына; что на подарки, принесенные от Веттербока, он купил себе лавку и зажил счастливо и припеваючи?

Расскажу только, что после того, как Якоб ушел из герцогского дворца, там поднялась страшная тревога: когда герцог на следующий день пожелал выполнить свою клятву и снести карлику голову, в случае если он не разыскал нужных трав, — того и след простыл; гость же утверждал, будто герцог тайком помог ему улизнуть, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и обвинил его в нарушении клятвы. Отсюда возникла великая война между обоими властителями, хорошо известная в истории под названием «Травяная война»; было дано не одно сражение,

но в конце концов все-таки заключили мир, и этот мир называют у нас «Паштетным миром», ибо на пиршестве, в ознаменование примирения, повар владетельного князя изготовил Сузерен — короля паштетов, который пришелся герцогу весьма по вкусу.

Вильгельм Гауф

Сказание о гульдене с оленем

В Верхней Швабии и по сей день еще высится остов старинного замка, когда-то не знавшего себе равных в целом крае — это Вышний Цоллерн. Он стоит на вершине круглой крутой горы, и с его дерзкой высоты открываются взору окрестные дали. И повсюду, откуда виден был замок, и еще намного дальше, люди в старину побаивались воинственных рыцарей фон Цоллерн, имя это знали и почитали во всех немецких землях. Так вот: много сотен лет тому назад — сдается мне, что тогда еще только-только изобрели порох, — жил в этой твердыне один из Цоллернов, человек по натуре весьма странный. Нельзя сказать, чтобы он жестоко притеснял своих подданных или враждовал с соседями, однако никто не хотел с ним знаться из-за его мрачного взгляда, нахмуренного лба и бранчливой, отрывистой речи. Немногие, кроме слуг в его

замке, сподобились слышать, чтобы он говорил связно, как все прочие люди. Когда он скакал верхом по долине и какой-нибудь простолюдин, встретясь с ним, срывал с головы шапку, кланялся и говорил: «Добрый вечер, ваше сиятельство, хороша нынче погодка!», то граф отвечал: «Вздор!» или «Сам знаю!». А если кто, бывало, не угодит ему самому или не так обиходит его лошадей, или он встретит в ущелье крестьянина с возом и тот не сразу уступит дорогу его коню, — граф давал выход своему гневу, разражаясь громом проклятий, однако никому не случалось видеть, чтобы он когда-нибудь при подобной оказии ударил крестьянина. В округе его прозвали «Цоллерн-Грозовая Туча». Цоллерн-Грозовая Туча был женат, и жена его являла собой полную противоположность супругу, — она была кротка и приветлива, как майский день. Не раз приходилось ей добрым словом и ласковым обхождением примирять с графом людей, которых он обидел своей грубостью. Она, где только могла, помогала бедным и не считала за труд в летний зной или в злейшую стужу спуститься с крутой горы в долину, чтобы навестить бедняков или больных детей. Когда ей доводилось встречать на пути графа, он бурчал: «Вздор! Сам знаю!» — и скакал дальше.

Всякую другую женщину столь угрюмый нрав мужа остановил бы или запугал. Одна подумала бы: «Что мне за дело до бедных, ежели мой муж их ни во что не ставит!» У другой оскорбленная гордость и досада, пожалуй, вытеснили бы всякую любовь к гневливому супругу; но не такова была Гедвига фон Цоллерн. Она продолжала по-прежнему любить мужа, старалась своей прекрасной белой рукой разгладить морщины на его смуглом челе; да, она любила и почитала его. Когда же со временем небо даровало этой чете юного графа фон Цоллерн, графиня и тогда не перестала любить супруга, хотя и посвящала свои заботы маленькому сыну, как истинно любящая мать. Минуло три года; все это время граф фон Цоллерн видел мальчика только по воскресеньям после обеда, когда кормилица приносила ему ребенка. Он угрюмо смотрел на сына, бормотал что-то себе под нос и отдавал ей ребенка обратно. Однако, когда мальчик впервые произнес слово «отец», граф подарил кормилице гульден, но ребенку даже не улыбнулся.

Когда же малышу исполнилось три года, граф велел в

первый раз надеть на него штанишки, нарядить в бархат и шелк, затем приказал вывести во двор своего коня и еще одну красивую лошадь, взял сына на руки и, звеня шпорами, стал спускаться с ним по винтовой лестнице. Графиня Гедвига немало удивилась, увидев это; не в обычае у нее было спрашивать графа, куда и зачем он едет, но на сей раз страх за ребенка заставил ее разомкнуть уста.

— Вы намерены проехаться верхом, граф? — спросила она. — Зачем вам брать с собой дитя? — продолжала она. — Куно погуляет со мной.

— Сам знаю! — отвечал, не останавливаясь, Цоллерн-Грозовая Туча.

Спустившись во двор, он быстро, за ножку, подсадил мальчика в седло, крепко привязал его шалью, вскочил сам на своего коня и пустил обеих лошадей шагом к воротам; при этом он крепко держал поводья второй лошади.

Сперва ребенку как будто очень нравилось скакать вместе с отцом вниз по склону. Он хлопал в ладоши, смеялся и трепал гриву лошади, чтобы она бежала быстрее, так что граф не мог на него нарадоваться и даже несколько раз воскликнул:

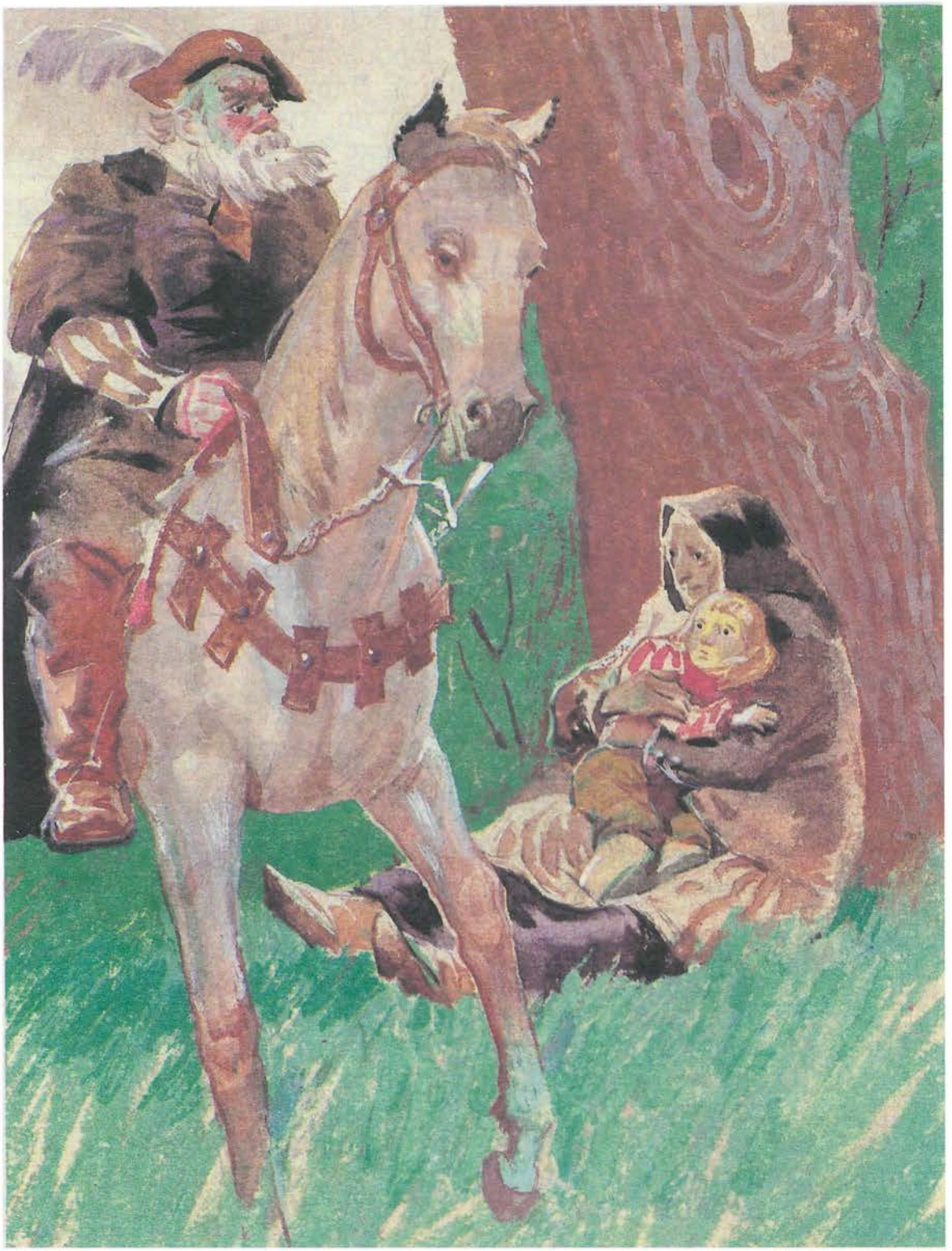
— Удалой будет малый!

Но как только они выехали на равнину и граф, до сего времени ехавший шагом, перевел лошадей на рысь, у малыша занялся дух; сначала он робко попросил отца ехать потише, но когда лошади пустились вскачь и у маленького Куно перехватило дыхание от встречного ветра, он сперва тихо заплакал, потом стал нетерпеливо хныкать и наконец заревел во всю мочь.

— Вздор, сам знаю! — вскричал граф. — Экий мальчонка — чуть сел на коня и уже ревет! Замолчи, не то...

Однако в тот миг, когда он собирался подбодрить сына крепким ругательством, конь его взвился на дыбы, и, пытаясь укротить непокорное животное, он выпустил из рук поводья второй лошади. Когда же он наконец утихомирил своего скакуна и боязливо оглянулся в поисках сына, то увидел одну только лошадь, которая бежала к замку без своего маленького всадника. Как ни суров и сумрачен был граф фон Цоллерн, но и его сердце дрогнуло при этом зрелище; решив, что его мальчик лежит на дороге с размозженными костями, он застонал и принялся рвать на себе бороду. Но, проскакав довольно большое расстояние

Вильгельм Гауф. Сказание о гульдене с оленем



обратно, он нигде не обнаружил следов сына и уже вообразил себе, что лошадь, испугавшись, сбросила его в наполненный водой ров, тянувшийся вдоль дороги. Вдруг он услыхал позади себя детский голосок, звавший его по имени, — он мигом обернулся, и — гляди-ка! — невдалеке от дороги сидела под деревом старая женщина и держала на коленях его ребенка.

— Как очутился у тебя мальчик, старая ведьма? — закричал граф в неистовом гневе. — Сию же минуту отдай его мне!

— Потише, потише, ваша милость, — засмеялась безобразная старуха. — Не ровен час, вы и сами слетите с этого гордого коня. Как очутился у меня маленький юнкер, спрашиваете вы? Ну так вот: его лошадь понесла, он повис, привязанный только за ножку, почти касаясь волосиками земли, — я и подхватила его в свой передник.

— Сам знаю! — рявкнул фон Цоллерн. — Сейчас же давай его сюда, — я не могу слезть с коня, он у меня норовистый, как бы не зашиб дитя!

— Подарите мне гульден с изображением оленя! — смиренно попросила старуха.

— Вздор! — вскричал граф, швыряя ей под дерево несколько пфеннигов.

— А мне бы очень пригодился гульден с оленем, — твердила старуха.

— Ишь чего захотела! Гульден с оленем! Ты и сама его не стоишь! Сейчас же подай ребенка, не то я спущу на тебя собак!

— Ах, вот как? Я, значит, не стою гульдена с оленем? — ответила старуха с насмешливой улыбкой. — Ну что же, посмотрим, *что из вашего наследства будет стоить гульдена с оленем!* А эти пфенниги оставьте себе! — Сказав это, она бросила графу обратно три медных монетки, да так метко, что все они угодили как раз в кожаный кошелек, который он все еще держал в руке.

Подобная ловкость так изумила графа, что несколько минут он не мог слова вымолвить, но потом его удивление сменилось яростью. Он схватил ружье, взвел курок и прицелился в старуху. Та продолжала как ни в чем не бывало ласкать и миловать маленького графа, но держала его перед собой так, что пуля первым делом попала бы в него.

— Ты добрый, смирный мальчик, — говорила она. — Оставайся таким всегда, и счастье не обойдет тебя! — С этими

словами она отпустила мальчика, а графу погрозила пальцем. — Цоллерн, Цоллерн, гульден с оленем — за вами! — воскликнула она и побрела, опираясь на буковую палку, в глубь леса, не обращая ни малейшего внимания на брань графа.

Оруженосец Конрад, дрожа от страха, спрыгнул с лошади, посадил на нее своего маленького господина, вскочил в седло позади него и поскакал следом за графом.

То был первый и последний раз, когда Цоллерн-Грозовая Туча брал с собой маленького сына на прогулку верхом, ибо из-за того, что он кричал и плакал, когда лошади перешли на рысь, граф стал считать его изнеженным мальчиком, из которого уже ничего путного не выйдет, взирал на него с неудовольствием, а если мальчик, искренне любивший отца, радостно подбегал к нему и ласково обхватывал его колени, граф гнал его прочь и восклицал:

— Сам знаю! Вздор!

Графиня Гедвига готова была терпеть все дикие выходки своего супруга, но такое неласковое обхождение с ни в чем не повинным ребенком глубоко ранило ее, и не раз случалось ей тяжко занемочь от страха, когда граф-нелюдим за малую провинность жестоко наказывал ребенка, и в конце концов она умерла, в расцвете лет, оплакиваемая слугами и всеми окрестными жителями, а горше всех — ее собственным сыном.

С той поры сердце графа окончательно отвратилось от мальчика; он отдал его на воспитание кормилице и замковому капеллану и редко о нем вспоминал, тем более что вскорости снова женился на богатой барышне, которая спустя год подарила ему двух мальчиков-близнецов.

Куно с большой охотой навещал добрую старушку, когда-то спасшую ему жизнь. Она всякий раз подолгу рассказывала ему о его покойной матери и о том, сколько добра сделала графиня ей самой. Слуги и служанки не раз предостерегали Куно, чтобы не ходил он часто к Фельдгеймерше — так звали старуху, ибо она не кто иная, как ведьма, но мальчика это не испугало: капеллан внушил ему, что никаких ведьм на свете нет, а предания о том, что некоторые женщины умеют колдовать, летают по воздуху верхом на ухватах и скачут на Брокен, не что иное, как досужие выдумки. Правда, в доме у старой Фельдгеймерши он видел всевозможные вещи, назначение которых было ему непонятно,

а фокус с тремя пфеннигами, которые она некогда столь ловко метнула прямо в кошелек его отца, был ему еще хорошо памятен; кроме того, старуха искусно приготовляла всякие целебные мази и настойки, которыми она пользовала людей и скот, но в россказни о том, что у нее-де есть волшебная сковорода, — стоит подвесить ее над огнем, как начинается страшная гроза, — он не верил. Она научила юного графа многому, что могло ему пригодиться; например, объяснила, что давать больным лошадям, как варить питье, излечивающее собак от бешенства, или готовить приманку для рыб и прочие полезные вещи. Вскоре Фельдгеймерша и вовсе стала единственной его собеседницей, ибо кормилица его умерла, а мачеха не обращала на него внимания.

По мере того, как подрастали его братья, жизнь Куно становилась все несносней: им посчастливилось при первом выезде верхом не свалиться с лошади, по этой причине Цоллерн-Грозовая Туча считал их толковыми и стоящими парнями, всю свою любовь отдал им, ежедневно выезжал с ними верхом и учил всему, что знал сам. Но ничему доброму они при этом не научились; читать и писать он не умел и сам, да и незачем было его дельным сыновьям тратить время на такое пустое занятие; зато к десяти годам они уже умели так же страшно ругаться, как их отец; с каждым встречным затевали ссору, друг с другом ладили как кошка с собакой, а объединялись и становились друзьями, лишь когда намеревались сыграть какую-нибудь злую шутку с Куно. Их мать это нисколько не тревожило, в том, что мальчишки дерутся, она видела признак здоровья и силы, но один старый слуга однажды сказал об этом графу; и хотя тот, по обыкновению, ответствовал: «Сам знаю, вздор!», он все же решил измыслить средство, чтобы помешать сыновьям перебить друг друга. Угроза Фельдгеймерши, которую он в душе считал настоящей ведьмой: «Посмотрим, что из вашего наследства будет стоить гульдена с оленем!» — все еще звучала у него в ушах.

В один прекрасный день, когда он охотился в окрестностях своего замка, на глаза ему попались две горы, которые словно бы самой природой предназначены были служить подножием для замков, и он немедля решил их построить. На одной он выстроил замок Шальксберг, названный так в честь младшего из близнецов, ибо за свои злые шутки тот давно уже получил от отца

прозвание «Маленький Шальк», то есть плутишка, что касается второго замка, то поначалу он собирался назвать его Хиршгульденберг, по имени гульдена с оленем, в насмешку над ведьмой, которая предрекла ему, что все его наследство не будет стоить и гульдена с оленем, — но удовольствовался более простым названием — Хиршберг; так обе эти горы называются и по сей день, и кому случится ехать по Альбу, пусть попросит, чтобы ему их показали.

Поначалу граф намеревался отказать по завещанию старшему сыну Цоллерн, Маленькому Шальку — Шальксберг, а третьему — Хиршберг; но жена до тех пор не давала ему покоя, пока он не изменил своего решения. «Глупый Куно, — так называла она бедного мальчика за то лишь, что он не был таким грубым и необузданным, как ее сыновья, — глупый Куно и без того богат, ибо немало унаследовал от матери, и ему же еще достанется прекрасный, богатый Цоллерн? А мои сыновья получат только замки безо всяких угодий, кроме леса?»

Напрасно граф толковал ей, что по справедливости нельзя лишать Куно права первородства; она плакала и бранилась до тех пор, пока Цоллерн-Грозовая Туча, не склонявшийся обыкновенно ни перед кем, не уступил ей ради мира в доме и не отписал в завещании Маленькому Шальку — Шальксберг, Вольфу — старшему из близнецов — Цоллерн, а Куно — Хиршберг вместе с городком Балингеном. Вскоре после того, как граф распорядился таким образом, он тяжко захворал. Врачу, который сказал, что смерть его близка, он ответил: «Я сам знаю», а замковому капеллану, призывавшему его подготовиться к кончине, как подобает христианину, крикнул: «Вздор!», после чего продолжал бесноваться и сквернословить и умер, как и жил, грубияном и нераскаянным грешником.

Но не успели еще предать его тело земле, как явилась графиня с завещанием и насмешливо сказала Куно, своему пасынку, ему-де представляется случай показать свою ученость и собственными глазами убедиться в том, что написано в завещании, а именно: в Цоллерне ему больше делать нечего. Она и ее сыновья несказанно радовались своему богатству и двум замкам, отнятым у него, у первенца.

Куно безропотно подчинился воле усопшего; однако со слезами покидал он замок, где родился, где похоронена была его

дорогая матушка, где жил добрый капеллан, а поблизости — единственная его старая приятельница, Фельдгеймерша. Замок Хиршберг, хотя он и был красив и внушителен с виду, казался ему пустынным и диким, и он едва не захворал с тоски по родному Цоллерну.

Однажды вечером графиня и ее сыновья-близнецы, которым было уже по восемнадцати лет, сидели на балконе и глядели вниз; вдруг они заметили стройного всадника, скакавшего вверх к замку, а за ним следовали носилки на двух мулах и множество слуг. Долго они гадали, кто бы это мог быть; вдруг Маленький Шальк воскликнул:

— Э! Да ведь это не кто иной, как наш братец из Хиршберга!

— Глупый Куно? — с удивлением спросила графиня. — Ах, он желает оказать нам честь и пригласить к себе в гости, эти красивые носилки он захватил с собой, чтобы доставить меня в Хиршберг; нет, право же, я не ожидала от моего сына, глупого Куно, такой доброты и учтивости; но любезность — за любезность: давайте спустимся вниз к воротам, чтобы его встретить, будьте с ним поласковей, может быть, он что-нибудь подарит нам в Хиршберге, тебе — лошадь, а тебе — панцирь, а что до меня, то мне давно уж хотелось заполучить драгоценности его матери.

— Никаких подарков от глупого Куно мне не надо, — отвечал Вольф, — и ласково встречать его я тоже не желаю. По мне, так всего лучше бы ему вскорости последовать за нашим покойным батюшкой, тогда мы унаследуем Хиршберг и все остальное, а вам, матушка, за сходную цену уступим драгоценности.

— Ах ты, негодник! — вскипела мать. — Мне покупать у вас драгоценности? Вот ваша благодарность за то, что я выхлопотала вам Цоллерн? Маленький Шальк, скажи хоть ты, ведь я получу драгоценности даром?

— Даром дается только смерть, дорогая матушка, — смеясь, ответил ей сын. — Ежели правда, что эти драгоценности стоят не меньше иного замка, то мы ведь не такие дураки, чтобы просто навесить их вам на шею. Как только Куно закроет глаза, мы поскачем вниз, поделим его добро, и свою часть драгоценностей я продам. Коли вы дадите больше, чем жид-скупщик, дорогая матушка, то они ваши.

Разговаривая таким образом, они достигли ворот замка, и графиня не без усилий поборола свою досаду касательно драгоценностей, ибо в это время граф Куно как раз въезжал на подъемный мост. Когда он заметил мачеху и братьев, он придержал лошадь, спешился и вежливо приветствовал их. Ибо хотя они и причинили ему много зла, он все же помнил, что они его братья, а эту злую женщину любил его отец.

— Ах, как это мило, что наш сын приехал к нам в гости, — сказала графиня нежным голосом, с благосклонной улыбкой. — Как нам живется в Хиршберге? Привыкаем ли понемножку? Мы даже завели себе носилки? И какие роскошные! Императрица и та бы не отказалась в них сесть. Должно быть, теперь уж недолго ждать, что в Хиршберге появится хозяйка и станет разъезжать в этих носилках по всей округе.

— Об этом я еще даже не думал, достопочтенная матушка, — ответствовал Куно, — а потому и решил покамест, чтобы скрасить свое одиночество, пригласить к себе гостей, для них-то я и захватил с собой эти носилки.

— О, вы очень добры и заботливы, — перебила его мачеха и поклонилась ему с улыбкой.

— Ведь ему уже трудно сидеть в седле, — спокойно продолжал Куно. — Я говорю о патере Йозефе, замковом капеллане. Я намерен взять его к себе, это мой старый учитель, мы с ним так уговорились, когда я покидал Цоллерн. А внизу, у подножия горы, я прихвачу с собой и госпожу Фельдгеймер. Боже праведный! Старушка стала совсем дряхлой, а ведь она однажды спасла мне жизнь, когда я впервые выехал верхом вместе с покойным моим батюшкой. В Хиршберге у меня довольно комнат, пусть там и окончит свои дни. — Сказав это, он направился в глубь двора, туда, где жил капеллан.

Юнкер Вольф от гнева закусил губу, графиня пожелтела с досады, а Маленький Шальк громко расхохотался.

— Сколько вы мне дадите за коня, которого мне подарит Куно? — спросил он. — Братец Вольф, отдай мне за него свой панцирь, который ты получил от Куно! Ха-ха-ха! Попа и старую ведьму — вот кого он собирается взять к себе! Хорошенькая парочка, ничего не скажешь! Теперь он сможет по утрам брать уроки греческого у капеллана, а вечерами учиться колдовать у Фельдгеймерши. Ну и шутки выкидывает глупый Куно!

— Он низкий человек, — отвечала графиня, — и тут не над чем смеяться, Маленький Шальк; это позор для семьи, мы будем краснеть перед всей округой, когда станет известно, что граф фон Цоллерн приказал посадить старую ведьму Фельдгеймершу в роскошные носилки, да еще на мулах, и поместил ее у себя в замке. Это у него от матери, она тоже вечно якшалась с больными и всякой швалью. Ах, узнай об этом его отец, он перевернулся бы в гробу!

— Да уж, — добавил Маленький Шальк. — Отец и в могиле сказал бы: «Вздор! Сам знаю!»

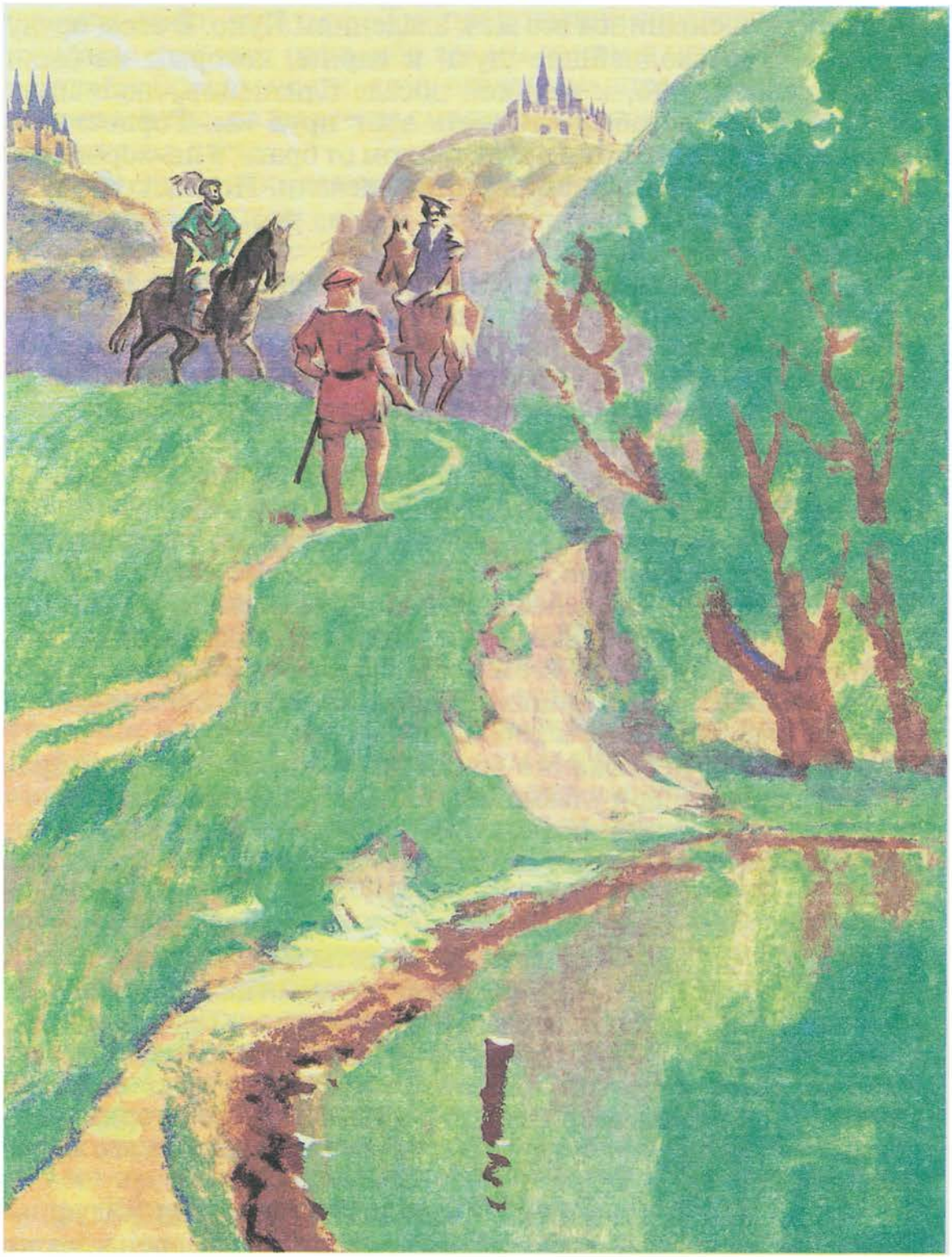
— Поглядите, вон он ведет старика и не стыдится поддерживать его под руку! — в ужасе воскликнула графиня. — Пойдемте, я не желаю больше его видеть!

Они удалились, а Куно проводил своего старого учителя до моста и помог ему сесть в носилки; у подножия горы процессия остановилась перед домом госпожи Фельдгеймер, которая уже собралась в дорогу и ждала их с корзиной горшочков, банок, склянок и прочей утварью, включая неизменную буковую палку.

Случилось совсем не так, как предсказывала злая графиня фон Цоллерн — в округе ничуть не удивились поступку рыцаря Куно. Напротив того — все находили благородным и достохвальным, что он пожелал скрасить последние дни старой Фельдгеймерши, и превозносили его как человека набожного, ибо он взял к себе старого патера Йозефа. Только его братья и графиня держали на него зло и всячески охаивали. Но это лишь служило во вред им самим; столь противное природе отношение к брату возбуждало всюду неприязнь, и, словно в противовес их наговорам, разнеслась молва, что они плохо обращаются с матерью и непрестанно с ней ссорятся, да и друг другу чинят всевозможные обиды. Граф фон Цоллерн-Хиршберг не раз делал попытки помириться с братьями, для него было нестерпимо, что они часто ездят мимо его крепости, а встречаясь с ним в лесу или в поле, не хотят разговаривать и здороваются холоднее, чем с каким-нибудь чужаком. Но все его попытки были напрасны, мало того — братья еще над ним издевались. В один прекрасный день ему вдруг пришло в голову, каким способом он мог бы завоевать их сердца, ибо ему известна была их жадность и алчность.

Между тремя замками, почти на равном расстоянии от них,

Вильгельм Гауф. Сказание о гульдене с оленем



был пруд, относившийся все же к владениям Куно. В этом пруду водились превосходнейшие щуки и карпы, которым не было равных в округе, но, к великой досаде близнецов, любивших рыбачить, отец позабыл отписать этот пруд им. Гордость не позволяла им удить рыбу в пруду тайком от брата, а по-хорошему попросить у него разрешения они не желали. Но поскольку он прекрасно знал, что пруд не идет у них из ума, то и пригласил их однажды там с ним встретиться.

Было ясное весеннее утро, когда три брата, почти минута в минуту, подъехали к пруду, каждый из своего замка.

— Гляди-ка! — воскликнул Маленький Шальк. — Какое совпадение! Я выехал из Шальксберга ровно в семь часов.

«Я тоже». — «И я», — ответили его братья — владельцы Хиршберга и Цоллерна.

— А это значит, что пруд лежит как раз посередине, — продолжал Шальк. — Прекрасный водоем.

— Да, поэтому я и позвал вас сюда. Я знаю, что вы большие любители рыбной ловли, и хоть я и сам не прочь иногда забросить удочку, рыбы здесь столько, что ее хватит на все три замка, а на берегу довольно места для троих, если бы даже нам вздумалось прийти сюда всем сразу. Поэтому я желаю, чтобы отныне сей водоем был нашим общим достоянием, и каждый из вас будет иметь на него такое же право, как я.

— О, сколь неслыханно милостив наш досточтимый братец, — с насмешливой улыбкой произнес Маленький Шальк, — он не шутя дарует нам шесть моргенов воды и несколько сотен рыбок! Ну, а что он возьмет за это с нас? Ибо даром дается только смерть!

— Вы будете владеть им даром, — ответил Куно. — Ах, я только хотел бы время от времени видеться и говорить с вами возле этого пруда. Мы ведь сыновья *одного* отца.

— Нет! — возразил владелец Шальксберга. — Так не годится: нет ничего глупее, чем удить рыбу в компании; один непременно распугает рыбу у другого. Давайте лучше удить по очереди: скажем, в понедельник и четверг — ты, Куно; во вторник и в пятницу — Вольф, а в среду и в субботу — я; по мне это будет самое лучшее.

— А по мне — вовсе нет, — воскликнул угрюмец Вольф. — Я не намерен принимать что-либо в подарок, не намерен я также

и с кем-либо делиться. Ты поступаешь справедливо, Куно, предлагая нам этот пруд, ибо все мы имеем в нем равную долю; но давайте бросим кости, кому владеть им впредь; если я окажусь счастливей вас, то вы всегда сможете попросить у меня разрешения поудить здесь.

— Я не играю в кости, — возразил Куно, опечаленный черствостью братьев.

— Уж конечно, — рассмеялся Маленький Шальк. — Братец у нас ведь такой богобоязненный и скромный, игра в кости для него — смертный грех. Но я предложу вам кое-что другое, чего не устыдился бы и самый набожный отшельник. Давайте принесем лески и крючки, и кто за сегодняшнее утро, покуда часы в Цоллерне не пробьют двенадцать, наловит больше рыбы, тому и владеть прудом.

— Безумец я, да и только, — сказал Куно, — коли собираюсь разыгрывать то, что принадлежит мне по праву. Но дабы вы убедились, что я всерьез намеревался разделить с вами пруд, я схожу за своей рыболовной снастью.

И они разъехались по домам, каждый в свой замок. Близнецы поспешно разослали слуг — выворачивать старые камни и собирать червей для наживки, а Куно взял свою обычную снасть и ту приманку, которую его когда-то научила готовить Фельдгеймерша, и первым снова очутился у пруда. Когда туда прибыли оба брата-близнеца, он позволил им выбрать наиболее удобные и выгодные места и сам тоже закинул удочку.

И что же? Можно было подумать, что рыбы признали в нем хозяина. Целые стаи карпов и щук подплывали к его леске и прямо кишели вокруг нее; те, что постарше и покрупней, оттесняли молодь, и Куно ежеминутно вытаскивал из воды рыбину, а стоило ему снова забросить удочку, как уже два-три десятка рыб разевали пасть, чтобы заглотнуть острый крючок. Не прошло и двух часов, как вся трава вокруг него была завалена прекраснейшей рыбой. Тогда он перестал удить и пошел к братьям поглядеть, как идут дела у них. Маленький Шальк поймал одного небольшого карпа и две жалких уклейки, Вольф — трех усачей и двух маленьких пескарей, братья мрачно глядели в воду, — с их мест им хорошо видна была огромная куча рыбы возле Куно. Когда Куно подошел к своему брату Вольфу, тот в ярости вскочил, порвал леску, изломал удилище и побросал все в воду.

— Хотел бы я забросить тысячу крючков вместо одного, и пусть бы на каждом билась одна из этих тварей, — вскричал он. — Но здесь дело нечисто, это все волшба и колдовство. Как бы иначе тебе, глупый Куно, удалось за один час поймать больше рыбы, чем удается мне за целый год?

— Да, да, теперь я вспомнил, — подхватил Маленький Шальк. — Ведь это старуха Фельдгеймерша, гадкая ведьма, научила его ловить рыбу, а мы-то, болваны, вздумали с ним состязаться! Он скоро и сам заделается колдуном.

— Ну и негодяи же вы! — гневно вскричал Куно. — За сегодняшнее утро я довольно нагляделся на вашу жадность, грубость и бесстыдство. Ступайте прочь, и чтобы ноги вашей отныне здесь не было. И поверьте, для спасения ваших душ было бы лучше, если бы вы оказались хоть вполовину так добры и благочестивы, как та женщина, которую вы ославили ведьмой.

— Ну, до настоящей ведьмы ей далеко, — насмешливо улыбаясь, заявил Шальк. — Ведьмы умеют предсказывать, а твою Фельдгеймершу столь же мало можно назвать предсказательницей, гак гуся — лебедем. Вот же предсказывала она отцу, что добрую часть его наследства можно будет купить за гульден с оленем, — то есть что он совсем обнищает, а ведь перед его кончиной ему принадлежало все, что открывается взору с башен замка Цоллерн! Нет, твоя Фельдгеймерша — просто выжившая из ума старуха, а сам ты — глупый Куно.

Сказав это, Шальк поспешно ускакал; он побаивался тяжелой руки брата, а Вольф последовал за ним, изрыгая все проклятья, которым он выучился у своего отца.

С печалью в душе отправился Куно домой. Теперь он ясно видел, что братья никогда не пойдут с ним на мировую. А их жестокие слова он принял так близко к сердцу, что на следующий день тяжко захворал, и только утешительные речи патера Йозефа и целебное питье госпожи Фельдгеймер спасли его от смерти.

Однако как только его братья прослышали, что Куно при смерти, они закатили веселую пирушку и, будучи под хмельком, сговорились: когда глупый Куно умрет, тот, кто первым узнает о его смерти, даст залп из всех своих пушек, дабы известить другого, а выстреливший первым получит право выкатить у Куно из погреба бочку самого лучшего вина. С того дня Вольф

приказал, чтобы кто-нибудь из его слуг неизменно стоял в дозоре неподалеку от Хиршберга, а Маленький Шальк даже подкупил изрядной суммой денег одного из слуг Куно, чтобы тот сразу дал ему знать, когда его господин будет при последнем издыхании.

Но этот слуга был более предан своему доброму и благочестивому господину, нежели злому графу Шальксбергу. И вот однажды вечером он с участием осведомился у Фельдгеймерши, как себя чувствует его господин, и, узнав от нее, что граф уже почти поправился, поведал ей о сговоре братьев и о том, что они намереваются встретить кончину графа Куно пушечным салютом. Услыхав это, старуха пришла в ярость. Она тут же все пересказала графу, а поскольку тот ни за что не хотел поверить в такое бессердечие братьев, она посоветовала ему испытать их: распустить слух, будто он умер, вот тогда он и услышит, будут они стрелять или нет.

Граф призвал к себе слугу, подкупленного его братом, расспросил его еще раз и приказал скакать в Шальксберг с известием о близкой своей кончине.

Когда оруженосец мчался вниз по склону Хиршберга, его увидел слуга графа фон Цоллерн, остановил и спросил, куда это он так спешит.

— Ах, — ответствовал тот, — мой бедный господин не доживет, видать, до полуночи, ни у кого уже не осталось ни малейшей надежды.

— Вот как, значит, приспело время! — воскликнул слуга, подбежал к своей лошади, вскочил в седло и с такой быстротой понесся в гору к замку Цоллерн, что у ворот лошадь его пала, а сам он только и успел крикнуть: «Граф Куно умирает!» — и свалился замертво. Тут с Вышнего Цоллерна прогремел пушечный залп. Граф Вольф с матерью ликовали: их радовала и бочка доброго вина, и остальное наследство — пруд, драгоценности и громкое эхо пушечных выстрелов. Однако то, что они поначалу приняли за эхо, были пушки Шальксберга, и Вольф с улыбкой сказал матери:

— Стало быть, у Шалька тоже имелся шпион — придется нам поделить с ним так же и вино, как и все прочее наследство.

Тут он поспешил сесть на коня, ибо подозревал, что Маленький Шальк постарается его опередить, дабы присвоить кое-какие ценности усопшего, прежде чем успеет приехать его брат.

Однако у пруда братья встретились, и оба покраснели от того, что каждый из них стремился первым попасть в Хиршберг. Продолжая свой путь вместе, они о Куно даже не вспоминали, а обсуждали по-братски, как им устроить свои дела и к кому из них должен отойти Хиршберг. Когда же они въезжали по мосту во двор замка, то увидели у окна своего брата, — он был живехонек и сверху глядел на них, но глаза его пылали гневом и негодованием. Увидав Куно, братья ужасно перепугались; сперва они подумали, что это привидение, и начали истово креститься; но когда убедились, что это их брат — человек из плоти и крови, — Вольф воскликнул:

— Вот те на! Экий вздор, я думал, ты умер!

— Ну, отложить — не значит отменить, — сказал Шальк, метавший на Куно злобные взгляды.

Куно же произнес грозным голосом:

— С этого часа все узы родства между нами порваны и расторгнуты. Я прекрасно слышал ваш пушечный салют; но взгляните-ка сюда — у меня во дворе тоже стоят пять кулеврин, и я приказал хорошенько зарядить их в вашу честь. Убирайтесь-ка отсюда подальше, — туда, где вас не достанут ядра моих пушек, не то узнаете, как умеют стрелять в Хиршберге.

Они не заставили просить себя дважды, так как поняли, что он не шутит, дали шпоры лошадям и наперегонки помчались вниз с горы, а Куно выпустил им вслед заряд, который просвистел у них над головой, вынудив отвесить низкий учтивый поклон, — но он хотел только пугнуть их, не причинив вреда.

— Зачем же ты стрелял? — с досадой спросил Маленький Шальк. — Болван! Ведь я стрелял только потому, что услыхал твои пушки!

— Совсем напротив, можешь спросить у матушки, — возразил Вольф. — Первым стрелял ты, это из-за тебя мы претерпели такой позор, молокосос ты этакий!

Младший не остался в долгу и в свою очередь наградил брата всевозможными почетными титулами, а когда они подъехали к пруду, то в довершение всего осыпали друг друга ругательствами, которые оставил им в наследство Цоллерн-Грозовая Туча, и расстались, пылая ненавистью и злобой.

День спустя Куно составил завещание, и госпожа Фельдгеймер сказала патеру:

— Бьюсь об заклад, не очень-то приятный подарок приготовил он этим пушкарям.

Но сколь ни была она любопытна и как ни выспрашивала у своего любимца, он не открыл ей, что написано в завещании; так она этого и не узнала, ибо год спустя добрая женщина скончалась, и не помогли ей ее бальзамы и отвары, потому что умерла она не от болезни, а от своих девяносто восьми лет, а годы, в конце концов, сведут в могилу и самого здорового человека. Граф Куно устроил ей такие похороны, словно она была его матерью, а не простой, бедной женщиной, и он почувствовал себя еще более одиноко в своем замке, тем более что и патер Йозеф вскоре последовал за госпожой Фельдгеймер.

Но недолго пришлось ему страдать от одиночества: добрый Куно умер на двадцать восьмом году, и злые языки утверждали, что причиной тому был яд, который подослал ему Маленький Шальк.

Как бы то ни было, через несколько часов после его смерти снова загремели пушки: в Цоллерне и Шальксберге дали по двадцать пять выстрелов.

— На сей раз он и вправду отдал Богу душу, — сказал Шальк, когда оба брата встретились на дороге в Хиршберг.

— Да, — ответил Вольф. — А если он паче чаяния воскреснет и примется ругаться из окна, как в тот раз, то у меня при себе ружье, уж оно-то заставит его стать повежливее и умолкнуть.

Когда они ехали вверх по склону Хиршберга, к ним присоединился какой-то незнакомый всадник со свитой. Они подумали, что это, наверное, друг их покойного брата и едет он на похороны. Поэтому они притворились опечаленными, восхваляли перед ним покойного, скорбели о его преждевременной кончине, а Маленький Шальк даже пролил несколько крокодиловых слезинок. Однако рыцарь не отвечал им, а только молча скакал с ними рядом.

— Так, а теперь погуляем вволю, подавай-ка нам, кравчий, вина, да самого лучшего! — воскликнул, спешиваясь, Вольф.

Они поднялись по винтовой лестнице и вошли в зал, но молчаливый рыцарь последовал за ними и туда, а когда близнецы по-хозяйски расселись за столом, вытащил из кармана серебряную монету, швырнул ее на каменную столешницу, так что она покатилась со звоном, и сказал:

— Вот, получайте ваше наследство, гульден с оленем, и это вполне законно.

Тут братья удивленно переглянулись, засмеялись и спросили рыцаря, что он хочет этим сказать.

Но рыцарь достал пергамент с должным количеством печатей, в котором глупый Куно перечислял обиды, причиненные ему братьями за всю его жизнь, и в конце изъявлял свою волю, чтобы в случае его смерти все его наследие, все достояние, кроме драгоценностей его покойной матери, было продано Вюртембергу, и ни более ни менее, как за один жалкий гульден с оленем! А на драгоценности он завещал построить в городе Балингене приют для бедных.

Вот уж когда братья удивились так удивились, но теперь им было не до смеха, они только стиснули зубы от злости, — где им было тягаться с Вюртембергом. Так они потеряли прекраснейшее имение, лес и поле, и город Балинген, и даже обильный рыбой пруд, а унаследовали всего-навсего жалкий гульден с оленем. Вольф с надменным видом засунул его в карман камзола, не проронив ни слова, нахлобучил на голову берет, надменно, не прощаясь, прошествовал мимо вюртембергского комиссара, вскочил на коня и поскакал в Цоллерн. Когда же на другое утро мать принялась бранить его за то, что они с братом проворонили имение и драгоценности, он поскакал в Шальксберг.

— Что мы сделаем с наследством — пропьем или проиграем? — спросил он брата.

— Давай лучше пропьем, — сказал Шальк. — Тогда мы оба им попользуемся. Поедем-ка в Балинген, покажемся там всем назло, хоть и лишились мы этого городка так глупо.

— А в «Ягненке» отменное красное вино — лучшего не пивал и сам император! — добавил Вольф.

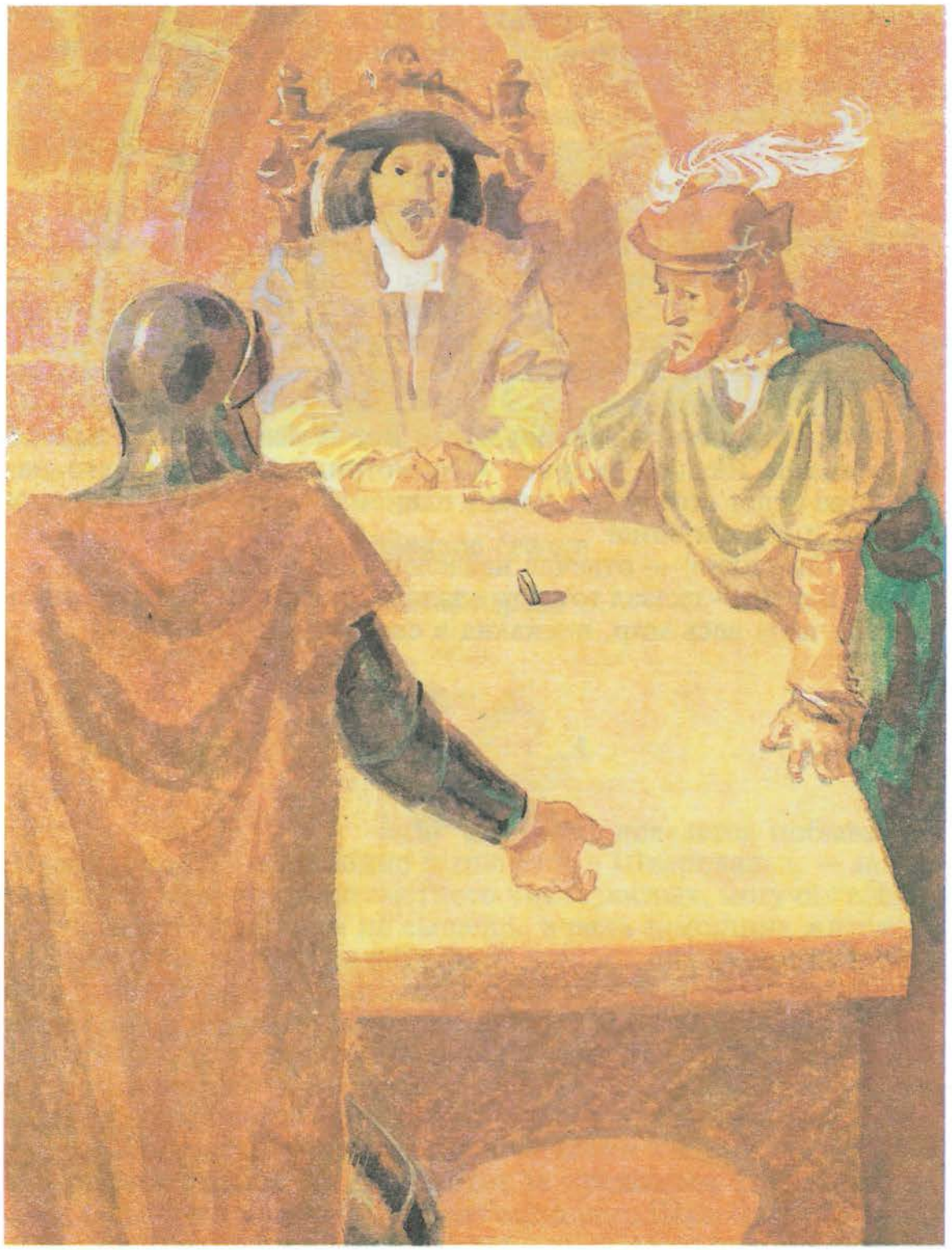
Итак, они вдвоем отправились в Балинген, к «Ягненку», спросили, сколько стоит штоф красного, и пили до тех пор, пока не пропили весь гульден. Тогда Вольф поднялся, вытащил серебряную монету с вычеканенным на ней скачущим оленем и бросил ее на стол со словами:

— Вот вам гульден, и мы в расчете!

Но хозяин взял гульден, оглядел его сначала с одной, потом с другой стороны и, улыбаясь, сказал:

Да, были бы в расчете, ежели бы на этом гульдене не было

Вильгельм Гауф. Сказание о гульдене с оленем



оленя, но вчера к нам прибыл гонец из Штутгарта, а сегодня глашатаи с барабанным боем возвестили именем герцога Вюртембергского, — к нему ведь теперь отошел городок, — что деньги эти вышли из обращения, так что уж давайте другие!

Братья побледнели и переглянулись.

— Плати-ка ты! — сказал один.

— А у тебя разве нет других денег? — спросил второй.

Короче говоря, они задолжали этот гульден «Ягненку» в Балингене. Молча ехали они своей дорогой, погруженные в задумчивость, а когда достигли развилки, где путь направо вел в Цоллерн, а налево — в Шалькcберг, Шальк сказал:

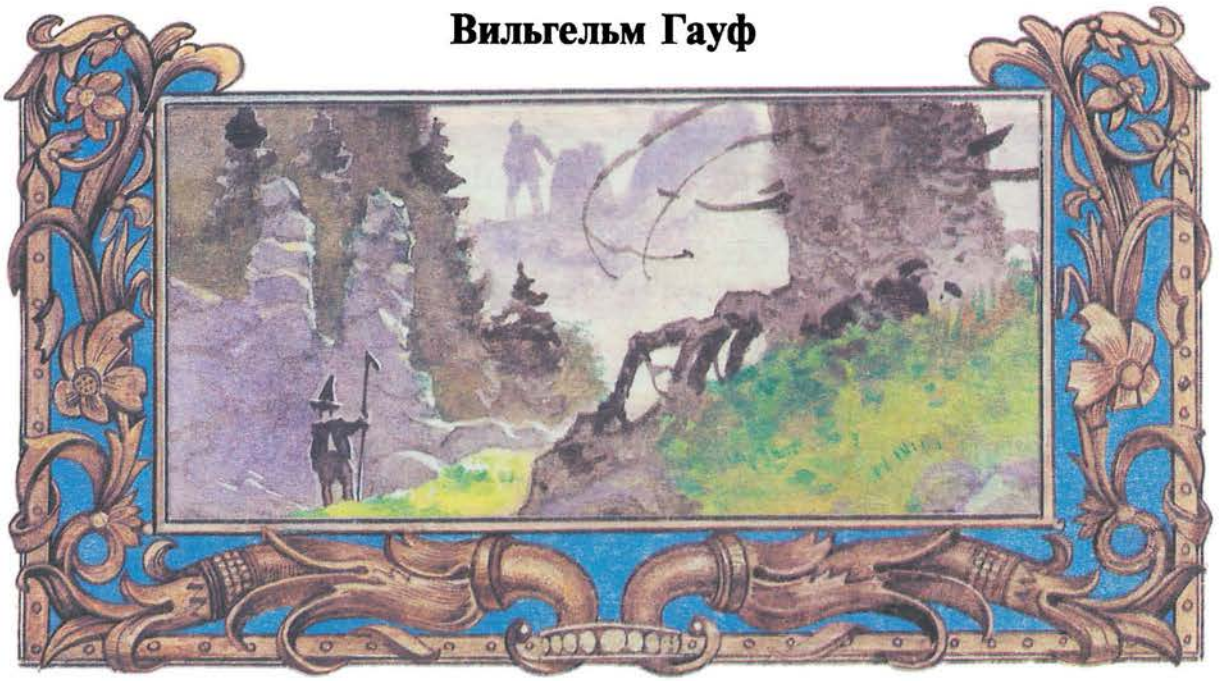
— Как же быть? Выходит, мы унаследовали меньше, чем ничего? Да и вино было дрянное.

— Верно, — ответил Вольф. — Вот и исполнилось то, что предсказала Фельдгеймерша: «Посмотрим, что из вашего наследства будет стоить гульдена с оленем!» А теперь нам не дали за него и штофа вина!

— Сам знаю! — отвечал владелец Шалькcберга.

— Вздор! — сказал тот, что владел Цоллерном, и, озлившись на себя и на весь мир, поскакал в свой замок.

Вильгельм Гауф



Холодное сердце

Часть первая

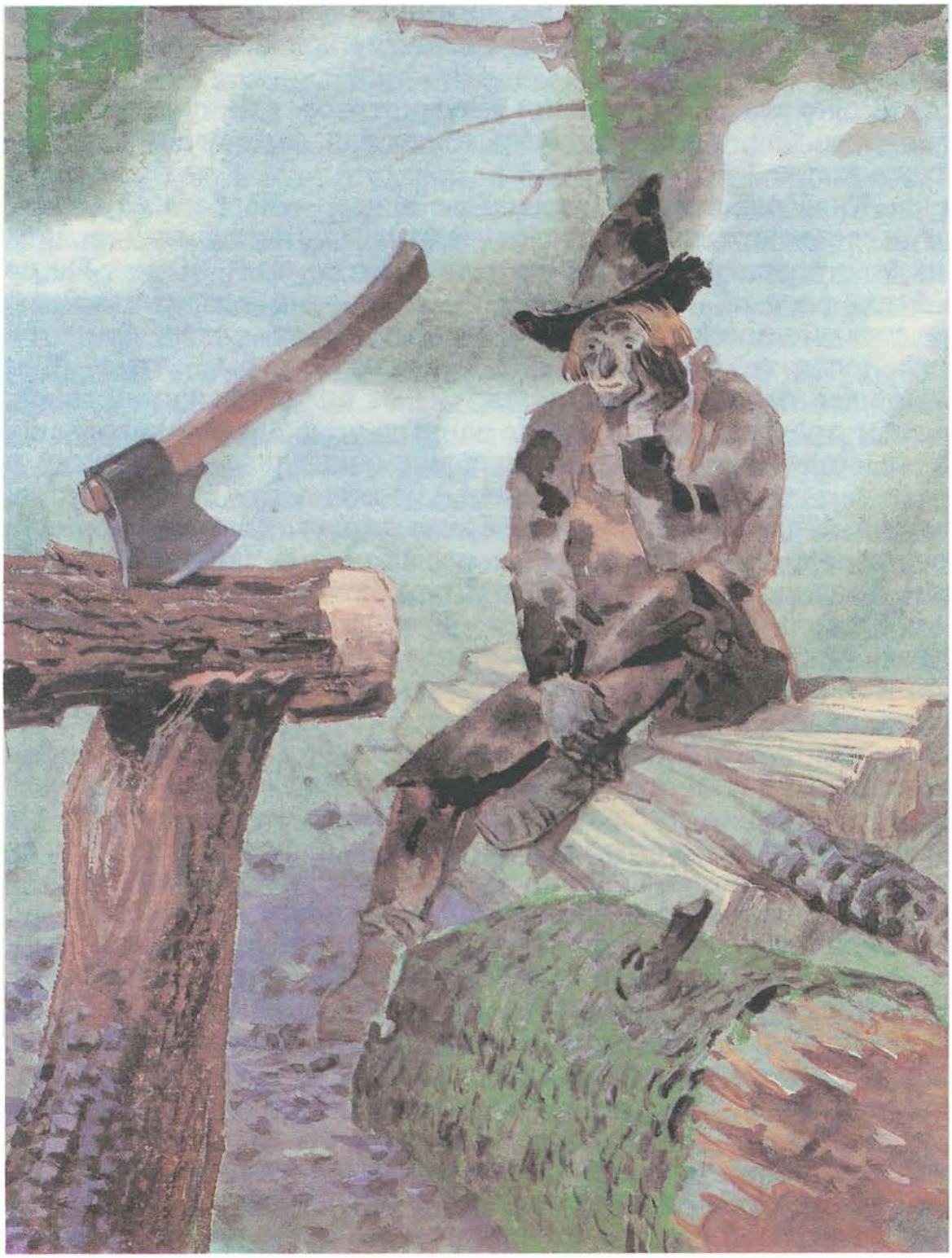
Кому доведется побывать в Швабии, пусть непременно заглянет и в Шварцвальд, — но не ради леса, хотя такого несметного числа рослых, могучих елей в других местах, верно, и не сыщешь, а ради тамошних жителей, которые удивительно не похожи на всех прочих людей в округе. Они выше обычного роста, широки в плечах и обладают недюжинной силой, как будто живительный аромат, по утрам источаемый елями, с юных лет наделил их более свободным дыханием, более зорким взглядом и более твердым, хотя и суровым, духом, нежели обитателей речных долин и равнины. Не только ростом и сложением, но также обычаями своими и одеждой отличаются они от тех, кто живет за пределами этого горного края. Особенно нарядны жители баденского Шварцвальда: мужчины носят окладистую бороду, какою их наградила природа, а

их черные куртки, широченные сборчатые шаровары, красные чулки и островерхие шляпы с большими плоскими полями придают им вид слегка причудливый, зато внушительный и достойный. В тех местах большинство людей занимается стекольным промыслом, делают они также часы, которые расходятся по всему свету.

В другой части Шварцвальда живут люди того же племени, однако иное занятие породило у них иные нравы и привычки, чем у стекловаров. Они промышляют лесом: валят и обтесывают ели, сплавляют их по Нагольду в верховья Неккара, а из Неккара — вниз по Рейну, до самой Голландии; и тем, кто живет у моря, примелькались шварцвальдцы с их длинными плотами; они останавливаются на всех речных пристанях и с важностью ожидают, не купят ли у них бревна и доски; но самые толстые и длинные бревна они продают за хорошие деньги мингерам, которые строят из них корабли. Люди эти привыкли к суровой кочевой жизни. Спускаться на плотах по течению рек для них истинная радость, возвращаться по берегу пешком — истинная мука. Потому-то их праздничный наряд так отличен от наряда стекловаров из другой части Шварцвальда. Они носят куртки из темной парусины; на широкой груди — зеленые помочи шириной в ладонь, штаны черной кожи, из кармана которых, как знак отличия, торчит латунный складной метр; однако их красу и гордость составляют сапоги, — должно быть, больше нигде на свете не носят таких огромных сапог, их можно натянуть на две пяди выше колена, и плотовщики свободно шагают в этих сапогах по воде глубиной в три фута, не промочивши ног.

Еще совсем недавно жители здешних мест верили в лесных духов, и только в последние годы удалось отвратить их от этого глупого суеверия. Но любопытно, что и лесные духи, согласно легенде, обитавшие в Шварцвальде, тоже разнились между собой в одежде. Так, например, уверяли, что Стеклянный Человечек, добрый дух ростом в три с половиной фута, всегда является людям в островерхой шляпе с большими плоскими полями, в курточке и шароварах и в красных чулочках. А вот Голландец Михель, который бродит в другой части леса, сказывают, огромный, широкоплечий детина в одежде плотовщика, и многие люди, якобы видевшие его, твердят, что не хотели бы из своего кармана платить за телят, чья кожа пошла ему на сапоги.

Вильгельм Гауф. Холодное сердце



«Уж такие высокие, что обыкновенный человек уйдет в них по горло», — уверяли они и божились, что нисколько не преувеличивают.

Вот с этими-то лесными духами, говорят, и приключилась у одного парня из Шварцвальда история, которую я хочу вам рассказать.

Жила некогда в Шварцвальде вдова — Барбара Мункиха; муж ее был угольщик, и после его смерти она исподволь готовила их шестнадцатилетнего сына к тому же ремеслу. Юный Петер Мунк, рослый, статный малый, безропотно просиживал всю неделю у дымящейся угольной ямы, потому что видел, что и отец его делал то же самое; затем, прямо как был, чумазый и закопченный, сущее пугало, спускался вниз, в ближний город, чтобы продать свой уголь. Но занятие угольщика таково, что у него остается много свободного времени для размышлений о себе и о других; и когда Петер Мунк сидел у своего костра, мрачные деревья вокруг и глубокая лесная тишина наполняли его сердце смутной тоской, вызывая слезы. Что-то печалило, что-то злило его, а вот что, он и сам толком не понимал. Наконец он смекнул, что его злит — его ремесло. «Одинокий, чумазый угольщик! — сетовал он. — Что это за жизнь! Каким уважением пользуются стекловары, часовые мастера, даже музыканты по праздникам! А вот появится Петер Мунк, добела отмытый, нарядный, в отцовской праздничной куртке с серебряными пуговицами и в новехоньких красных чулках, — и что же? Пойдет кто-нибудь за мною следом, подумает сперва: «Что за ладный парень!», похвалит про себя и чулки, и молодецкую стать, но едва лишь обгонит меня и заглянет в лицо, сразу и скажет: «Ах, да это всего-навсего Петер Мунк, угольщик!»

И плотовщики из другой части леса тоже возбуждали в нем зависть. Когда эти лесные великаны приходили к ним в гости, богато разодетые, навесив на себя добрых полцентнера серебра в виде пуговиц, пряжек и цепочек; когда они, широко расставив ноги, с важным видом глядели на танцоров, ругались по-голландски и, подобно знатным мингерам, курили аршинные кельнские трубки, — Петер смотрел на них с восторгом; такой вот плотовщик представлялся ему образцом счастливого человека. А когда эти счастливцы, запустив руку в карман, пригоршнями вытаскивали оттуда полновесные талеры и, поставив какой-

нибудь грош, проигрывали в кости по пять, а то и по десять гульденов, — у него мутилось в голове, и он в глубоком унынии брел в свою хижину; в иной воскресный вечер ему случалось наблюдать, как тот или другой из этих «лесных торгашей» проигрывал больше, нежели бедный папаша Мунк зарабатывал за целый год. Среди этих людей особенно выделялись трое, и Петер не знал, которым из них восхищаться больше. Первый был краснолицый рослый толстяк, он слыл богатейшим человеком в округе. Его прозвали Толстяк Эзехиль. Два раза в год он возил в Амстердам строевой лес и был так удачлив, что продавал его намного дороже, чем остальные, оттого и мог позволить себе возвращаться домой не пешком, как все, а плыть на корабле, словно важный барин. Второй был самый высокий и худой человек во всем Шварцвальде, его прозвали Долговязый Шлуркер. Мунк особенно завидовал его необыкновенной смелости: он перечил самым почтенным людям, и будь трактир даже битком набит, Шлуркер занимал в нем больше места, нежели четыре толстяка, — он либо облокачивался на стол, либо клал на скамью одну из своих длинных ног, — но никто не смел ему и слова сказать, потому что у него было неслыханно много денег. Третий был красивый молодой человек, который танцевал лучше всех во всем крае, за что и получил прозвище Короля Танцев. Он был когда-то бедным парнем и служил работником у одного из «лесных торгашей», но вдруг и сам стал несметно богат; одни говорили, будто он нашел под старой елью горшок денег, другие утверждали, будто острогой, которой плотовщики ловят рыбу, он выудил из Рейна, невдалеке от Бингена, мешок золота, а мешок этот-де был частью схороненного там сокровища Нибелунгов; короче говоря, он в одночасье разбогател, за что и стар и млад теперь почитали его, словно принца.

Вот об этих-то людях и думал без конца Петер Мунк, когда в одиночестве сидел в еловом лесу. Правда, им был свойствен один порок, за который их все ненавидели, — то была их нечеловеческая алчность, их бессердечное отношение к должникам и к бедным; надо вам сказать, что шварцвальдцы — народ добродушнейший. Но известно, как оно бывает на свете: хотя их и ненавидели за алчность, все же весьма почитали за богатство, ведь кто еще, кроме них, так сорил талерами, словно деньги можно просто натрясти с елок?

«Так дальше продолжаться не может, — решил однажды Петер, охваченный печалью: накануне был праздник, и весь народ собрался в трактире, — если мне вскорости не повезет, я наложу на себя руки. Эх, был бы я так же уважаем и богат, как Толстяк Эзехиль, или так же смел и силен, как Долговязый Шлуркер, или так же знаменит, как Король Танцев, и мог бы, как он, бросать музыкантам талеры, а не крейцеры! Откуда только взялись у него деньги?» Петер перебрал в уме все способы добывания денег, но ни один не пришелся ему по душе, наконец ему вспомнились предания о людях, которые в стародавние времена разбогатели с помощью Голландца Михеля или Стеклянного Человечка. Пока еще был жив его отец, к ним часто захаживали другие бедняки, и они, бывало, подолгу судили и рядили о богатых и о том, как к ним привалило богатство, нередко поминали они Стеклянного Человечка; да, хорошенько подумав, Петер смог восстановить в памяти почти весь стишок, который надо было произнести на Еловом Бугре, в самом сердце леса, чтобы Человечек появился. Стишок этот начинался словами:

Хранитель Клада в лесу густом!
Средь елей зеленых таится твой дом.
К тебе с надеждой всегда взывал...

Но сколько он ни напрягал память, последняя строка никак не шла ему на ум. Он уже подумывал, не спросить ли кого-нибудь из стариков, какими словами кончается заклинание, но его всегда удерживала боязнь выдать свои мысли; к тому же — так он считал — предание о Стеклянном Человечке знают немногие, стало быть, и заклинание мало кто помнит; у них в лесу богатые люди наперечет, да и отчего тогда его отец и другие бедняки не попытали счастья? Однажды он навел на разговор о Человечке свою мать, и она рассказала ему то, что он уже знал сам, она тоже помнила только первые строки заклинания, но под конец все же поведала сыну, что старичок-лесовичок показывается лишь тем, кто родился в воскресенье между одиннадцатью и двумя часами. Сам Петер, знай он заклинание, как раз и был бы таким человеком, ибо он родился в воскресенье в половине двенадцатого.

Как только Петер услыхал это, он чуть не спятил от радости и нетерпения поскорее осуществить свой замысел. Хватит и того, думал Петер, что он родился в воскресенье и знает часть

заклинания. Стеклянный Человечек непременно ему явится. И вот однажды, продав свой уголь, он нового костра разжигать не стал, а надел отцовскую праздничную куртку, новые красные чулки и воскресную шляпу, взял можжевеловый посох длиною в пять футов и сказал на прощание: «Матушка, мне надо сходить в город, в окружную канцелярию, подходит срок тянуть жребий, кому из нас идти в солдаты, вот я и хочу напомнить начальнику, что вы вдова и я у вас единственный сын». Мать похвалила его за такое намерение, да только Петер отправился прямехонько на Еловый Бугор. Место это находится на высочайшей из шварцвальдских гор, на самой ее вершине, и в те времена на два часа пути вокруг не было не то что селения — ни одной хижины, ибо суеверные люди считали, что там нечисто. Да и лес, хоть и росли на Бугре прямо-таки исполинские ели, в тех местах валили неохотно: у дровосеков, когда они там работали, топор иной раз соскакивал с топорища и вонзался в ногу или деревья падали так быстро, что увлекали за собой людей и калечили их, а то и вовсе убивали, к тому же и самые прекрасные деревья из тех, что росли на Еловом Бугре, можно было пустить только на дрова, — плотовщики ни за что не взяли бы ни одного бревна оттуда в свой плот, ибо существовало поверье, что и люди и плоты гибнут, если с ними плывет хоть одно бревно с Елового Бугра. Вот почему на этом заклятом месте деревья росли так густо и так высоко, что там и днем было темно, как ночью, и Петера Мунка стала пробирать дрожь, — он не слышал здесь ни человеческого голоса, ни чьих-либо шагов, кроме своих собственных, ни стука топора; казалось, птицы и те не отваживаются залетать в густой мрак этой чащи.

Но вот Петер-угольщик взобрался на самый верх бугра и стоял теперь перед елью чудовищной толщины, за которую любой голландский корабельщик, не моргнув глазом, выложил бы сотню гульденов. «Здесь-то, наверное, и живет Хранитель Клада», — подумал Петер, снял свою воскресную шляпу, отвесил ели низкий поклон, откашлялся и дрожащим голосом проговорил:

— Добрый вечер, господин стекольный мастер!

Но ответа не последовало, вокруг царила такая же тишина, что и раньше. «Может быть, я все же должен сказать стишок?» — подумал Петер и пробормотал:

Хранитель Клада в лесу густом!
Средь елей зеленых таится твой дом.
К тебе с надеждой всегда взывал...

Когда он говорил эти слова, то, к великому своему ужасу, заметил, что из-за толстой ели выглядывает какая-то странная крохотная фигурка; ему показалось, что это и был Стеклянный Человечек, как его описывали: черная курточка, красные чулочки и шляпа, все было в точности так, Петеру почудилось даже, что он видит тонкое и умное личико, о котором ему случалось слышать, Но, увы! Стеклянный Человечек исчез столь же мгновенно, как появился.

— Господин стекольный мастер! — немного помедлив, позвал Петер Мунк. — Будьте так добры, не дурачьте меня!.. Господин стекольный мастер, если вы думаете, что я вас не видел, то изволите очень ошибаться, я заметил, как вы выглядывали из-за дерева.

Но ответа все не было, лишь иногда из-за ели Петеру слышался легкий хриплый смешок. Наконец нетерпение пересилило страх, который до сих пор еще удерживал его. «Погоди, малыш, — крикнул он, — я тебя мигом сцапаю!» Одним прыжком достиг он толстой ели, но никакого Хранителя Клада там не было и в помине, только крохотная пригожая белочка взбегала вверх по стволу.

Петер Мунк покачал головой: он понял, что дело ему почти удалось, вспомнить бы только еще одну-единственную строчку заклинания, и Стеклянный Человечек предстанет перед ним, но, сколько он ни думал, сколько ни старался, все было тщетно. На нижних ветвях ели снова появилась белочка, казалось, она подзадоривает его или смеется над ним. Она умывалась, помахивала своим роскошным хвостом и глядела на него умными глазками; но под конец ему даже стало страшно наедине с этим зверьком, ибо у белки то вдруг оказывалась человеческая голова в треугольной шляпе, то она была совсем как обыкновенная белка, только на задних лапках у нее виднелись красные чулки и черные башмаки. Короче говоря, забавный это был зверек, однако у Петера-угольщика душа теперь совсем ушла в пятки, — он понял, что *дело тут нечисто.*

Обратно Петер мчался еще быстрее, чем шел сюда. Тьма в лесу, казалось, делалась все непроглядней, деревья — все гуще,

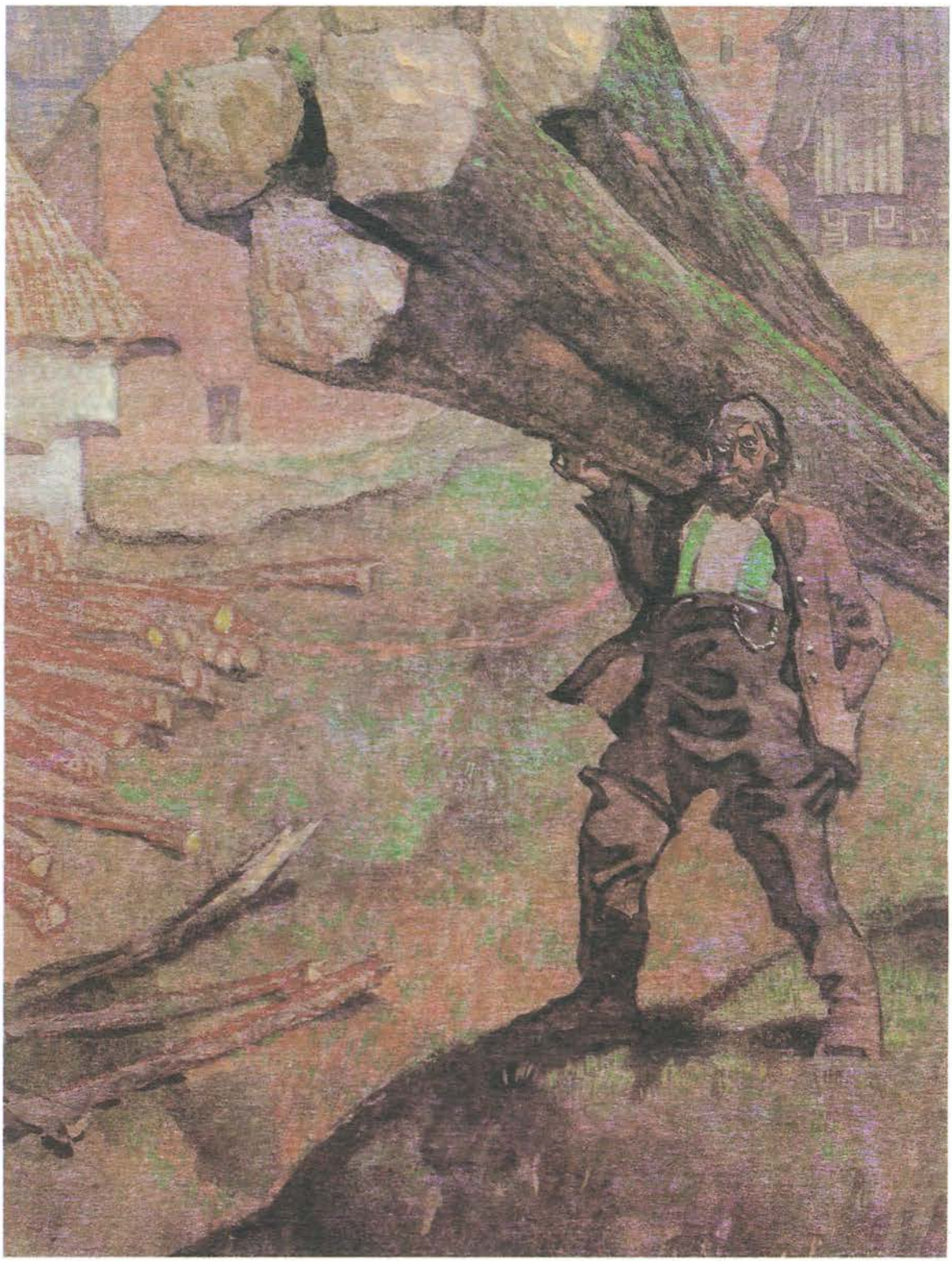
и страх охватил Петера с такой силой, что он пустился бежать со всех ног. И только заслышав вдали лай собак и вскоре после того завидев меж деревьев дымок первого дома, он немного успокоился. Но когда он подошел поближе, то понял, что с перепугу побежал не в ту сторону и вместо того, чтобы прийти к стекловарам, пришел к плотовщикам. В том доме жили дровосеки: старик, его сын — глава семьи, и несколько взрослых внуков. Петера-угольщика, попросившегося к ним на ночлег, они приняли радушно, не любопытствуя ни как его звать, ни где он живет; угостили яблочным вином, а вечером поставили на стол жареного глухаря, любимое кушанье шварцвальдцев.

После ужина хозяйка и ее дочери уселись за прялки вокруг большой лучины, которую сыновья разожгли с помощью превосходной еловой смолы; дед, гость и хозяин дома курили и смотрели на работающих женщин, парни же занялись вырезыванием из дерева ложек и вилок. В лесу тем временем разыгралась буря, ветер выл и свистел среди елей, то тут, то там слышались сильные удары, порой казалось, будто с треском валятся целые деревья. Бесстрашные юноши хотели выбежать, чтобы понаблюдать вблизи это грозно-прекрасное зрелище, но дед остановил их строгим взглядом и окриком.

— Никому бы я не посоветовал выходить сейчас за дверь, — сказал он, — как Бог свят, кто б ни вышел, назад не вернется, ведь нынешней ночью Голландец Михель рубит себе деревья для нового плота.

Младшие внуки вытаращили глазенки: они и раньше слыхали о Голландце Михеле, но теперь попросили дедушку рассказать о нем поподробнее; да и Петер Мунк присоединил к ним свой голос, — в его краях о Голландце Михеле рассказывали очень туманно, — и спросил у старика, кто такой этот Михель и где обитает.

— Он хозяин здешнего леса, и ежели вы в ваши годы еще об этом не слыхивали, значит, живете вы за Еловым Бугром, а то и дальше. Так уж и быть, расскажу я вам о Голландце Михеле, что знаю сам и что гласит предание. Тому назад лет сто, — так, по крайней мере, рассказывал мой дед, — на всем свете не было народа честнее шварцвальдцев. Теперь, когда в нашем краю завелось столько денег, люди стали дурными и бессовестными. Молодые парни по воскресеньям пляшут, горланят песни и



сквернословят, да так, что оторопь берет; но в те времена все было по-иному, и пусть бы он сам заглянул сейчас вон в то окно, я все равно скажу, как говорил уже не раз: во всей этой порче виноват Голландец Михель. Так вот, сто лет тому назад, а быть может и раньше, жил-был богатый лесоторговец, державший у себя много работников; он сплавлял лес до самых низовьев Рейна, и Господь помогал ему, потому что был он набожным человеком. Однажды вечером постучался к нему какой-то детина — таких он сроду не видывал. Одет как все шварцвальдские парни, только ростом на голову выше их, — даже трудно было поверить, что живет на свете такой великан. Значит, просит он лесоторговца взять его на работу, а тот, приметив, что малый на редкость сильный и может таскать тяжести, тут же уговорился с ним о плате, и они ударили по рукам. Михель оказался таким работником, какие лесоторговцу и не снились. Когда рубили деревья, он управлялся за троих, а если ношу с одного конца поднимали шестеро, за другой брался он один. Прошло с полгода, как он рубил лес, и вот в один прекрасный день является он к хозяину и говорит: «Хватит уж мне рубить лес, хочу я наконец поглядеть, куда уплывают мои бревна, — что, коли вы и меня разок отпустите с плотами?»

Лесоторговец отвечал: «Я не стану тебе препятствовать, Михель, если тебе захотелось повидать свет. Хоть и нужны мне на рубке леса сильные люди, а на плотах важнее ловкость, нежели сила, на сей раз пусть будет по-твоему».

На том и порешили; плот, с которым предстояло ему плыть, составлен был из восьми вязок, а последняя — из огромных строевых балок. И что же дальше? Накануне вечером приносит Михель к реке еще восемь бревен — таких толстых и длинных, каких свет не видывал, а он их несет играючи, словно это всего-навсего шесты, — тут всех прямо в дрожь бросило. Где он их срубил — так до сих пор никто и не знает. Увидал это лесоторговец, и сердце у него взыграло: он быстро прикинул в уме, сколько можно выручить за эти бревна, а Михель и говорит: «Ну вот, на этих-то я и отправлюсь, не на тех же щепочках мне плыть!» Хозяин хотел было дать ему в награду пару сапог, какие носят плотовщики, да Михель отшвырнул их и принес невесть откуда другие, невиданные; дед мой уверял, что весили они добрых сто фунтов и были в пять футов длиной.

Плот спустили на воду, и ежели раньше Михель удивлял дровосеков, то теперь пришел черед дивиться плотовщикам: они-то думали, что плот их из-за тяжелых бревен пойдет медленно, а он, как только попал в Неккар, понесся стрелой; там же, где Неккар делал излучину и плотовщики обыкновенно с превеликим трудом удерживали гонку на быстрине, не давая ей врезаться в прибрежный песок или гальку, Михель всякий раз соскакивал в воду, одним толчком вправо или влево выправлял плот, так что он без помех скользил дальше; а где река текла прямо, перебегал вперед на первую вязку, приказывал всем положить весла, втыкал в дно реки свой огромный шест, и плот с маху летел вперед, — казалось, будто деревья и села на берегу стремительно проносятся мимо. Таким-то манером они вдвое быстрее обычного достигли города Кельна на Рейне, где всегда сбывали свой груз, но теперь Михель им сказал: «Ну и купцы! Хорошо же вы понимаете свою выгоду! Неужто вы думаете, что кельнцы сами потребляют весь лес, который им пригоняют из Шварцвальда? Нет, они скупают его у вас за полцены, а потом перепродают подороже в Голландию. Давайте мелкие бревна продадим здесь, а большие отвезем в Голландию; все, что мы выручим сверх обычной цены, пойдет в наш карман».

Так говорил злокозненный Михель, и остальным это пришлось по душе: кому хотелось повидать Голландию, кому взять побольше денег. Нашелся среди них один честный малый, который отговаривал их рисковать хозяйским добром или обманывать хозяина в цене, да они его и слушать не стали и сразу позабыли его слова, только Голландец Михель не позабыл. Вот и поплыли они со своим лесом дальше, вниз по Рейну, Михель управлял плотом и быстро доставил их в Роттердам. Там предложили им цену, вчетверо больше прежней, а за огромные Михелевы балки отвалили целую кучу денег. Когда шварцвальдцы увидали такую уйму золота, они прямо с ума посходили от радости. Михель поделил выручку — одну четверть лесоторговцу, три четверти — плотовщикам. И тут пошла у них гульба; с матросами и со всякой прочей швалью шатались они денно и нощно по кабакам, пропивали да проигрывали свои денежки, а того честного парня, который их удерживал, Голландец Михель продал торговцу живым товаром, и никто больше о нем не слыхал. С той поры и стала Голландия раем шварцвальдских

парней, а Голландец Михель — их повелителем; лесоторговцы долгое время ничего не знали об этой тайной торговле, и мало-помалу сюда, в верховья Рейна, стали притекать из Голландии деньги, а с ними и сквернословие, дурные нравы, игра и пьянство.

Когда правда наконец вышла наружу, Голландец Михель как в воду канул; однако он жив и поныне. Вот уже сто лет творит он бесчинства в здешнем лесу и, сказывают, многим помог разбогатеть, да только ценою их грешной души, — больше я ничего не скажу. Одно верно: и по сию пору в такие вот бурные ночи выискивает он на Еловом Бугре, где никто лес не рубит, самые отменные ели, и мой отец своими глазами видел, как ствол толщиной в четыре фута переломил он, словно тростинку. Эти бревна он дарит тем, кто сошел с пути истинного и стакнулся с ним: в полночь они спускают плоты на воду, и он плывет с ними в Голландию. Только будь я государем в Голландии, я бы приказал разнести его в куски картечью, — ведь все корабли, где есть хоть одна доска из тех, что поставил Голландец Михель, неминуемо идут ко дну. Потому и приходится слышать о стольких кораблекрушениях: отчего бы иначе вдруг затонул красивый крепкий корабль высотою с церковь? Но всякий раз, когда Голландец Михель в такую бурную ночь рубит ель в Шварцвальде, одна из прежних его досок выскакивает из пазов корабля, в щель затекает вода, и судно с людьми и товаром идет ко дну. Вот вам предание о Голландце Михеле, и то истинная правда — вся порча в Шварцвальде пошла от него. Да, он может дать человеку богатство, но я бы не стал у него что-нибудь брать, ни за что на свете не хотел бы я быть на месте Толстяка Эзехиля или Долговязого Шлуркера, говорят, что и Король Танцев предался ему!

Пока старик рассказывал, буря улеглась; напуганные девушки засветили лампы и ушли к себе, а мужчины положили на лавку у печки мешок, набитый листьями, вместо подушки для Петера Мунка и пожелали ему спокойной ночи.

Никогда еще Петеру не снились такие страшные сны, как в эту ночь: то ему чудилось, будто огромный, страшный Голландец Михель распахивает окна в горнице и своей длинной ручищей сует ему под нос мешок с деньгами, легонько встряхивая его, так что монеты бренчат ласково и звонко; то ему снилось, будто добрый Стеклянный Человечек скачет по комнате верхом на

громадной зеленой бутылке, и опять слышалось хрипловатое хихиканье, как давеча на Еловом Бугре; кто-то прожужжал ему в левое ухо:

За золотом, за золотом
В Голландию плыви,
Золото, золото
Смело бери!

Тут в правое ухо ему полилась знакомая песенка про Хранителя Клада в еловом лесу, и нежный голосок прошептал: «Глупый Петер-угольщик, глупый Петер Мунк, не можешь найти рифму на «взывал», а еще родился в воскресенье, ровно в полдень. Иди, глупый Петер, ищи рифму!»

Он кряхтел и стонал во сне, силясь найти рифму, но так как он еще сроду не сочинял стихов, все его усилия были напрасны. Когда же с первыми лучами зари он проснулся, сон этот показался ему очень странным; он сел за стол и, скрестив на груди руки, стал размышлять о словах, которые слышались ему во сне, — они все еще звучали у него в ушах. «Ищи, глупый Петер, ищи рифму!» — повторил он про себя и постучал себе пальцем по лбу, но рифма упорно не шла. Когда он по-прежнему сидел в той же позе и мрачно глядел перед собой, неотступно думая о рифме на «взывал», мимо дома в глубь леса прошли трое парней, и один из них на ходу распевал:

С горы в долину я взывал,
Искал тебя, мой свет.
Платочек белый увидал —
Прощальный твой привет.

Тут Петера словно молнией пронзило, он вскочил и выбежал на улицу, — ему показалось, что он недослышал. Нагнав парней, он быстро и цепко схватил певца за руку.

— Стой, приятель! — крикнул он. — Какая у вас там рифма на «взывал»? Сделайте милость, скажите мне слова той песни!

— Еще чего вздумал! — возразил шварцвальдец. — Я волен петь что хочу! Ну-ка, отпусти мою руку, не то...

— Нет, ты мне скажешь, что пел! — в ярости кричал Петер, еще крепче сжимая парню руку.

Увидев это, двое других немедля кинулись на Петера с кулаками и дубасили до тех пор, пока он от боли не выпустил рукав третьего и, обессилев, не рухнул на колени.

— Ну и поделом тебе! — смеясь, сказали парни. — А наперед запомни — с такими, как мы, шутки плохи!

— Запомнить-то я, конечно, запомню, — вздыхая, ответил Петер-угольщик. — Но теперь, когда вы все равно меня отдубасили, будьте так добры, скажите, что он пел!..

Они снова расхохотались и стали над ним издеваться; но парень, который пел песню, сказал ему слова, после чего они, смеясь и распевая, двинулись дальше.

— Значит, увидал, — пробормотал бедняга; весь избитый, он с трудом поднялся на ноги. — «Взывал» рифмуется с «увидал». Теперь, Стеклянный Человечек, давай с тобой еще разок перемолвимся словом!

Он возвратился в дом, взял шляпу и посох, попрощался с хозяевами и отправился опять на Еловый Бугор. Медленно и задумчиво шел он своей дорогой, — ведь ему непременно надо было вспомнить стишок; наконец, когда он уже всходил на бугор, где ели обступали его все теснее и становились все выше, стишок вдруг вспомнился сам собой, и он от радости даже подпрыгнул.

Тут из-за деревьев выступил огромный детина в одежде плотовщика, держа в руке багор длиной с корабельную мачту. У Петера Мунка подкосились ноги, когда он увидел, что великан медленно зашагал рядом с ним, ибо он понял, что это не кто иной, как Голландец Михель. Страшный призрак шел молча, и Петер, в страхе, украдкой поглядывал на него. Он был, пожалуй, на голову выше самого высокого человека, которого Петер когда-либо видел, лицо его, хоть и сплошь изрытое морщинами, казалось не молодым и не старым; одет он был в парусиновую куртку, а огромные сапоги, натянутые поверх кожаных штанов, были знакомы Петеру из предания.

— Петер Мунк, зачем пришел ты сюда, на Еловый Бугор? — спросил наконец лесовик низким глухим голосом.

— Доброе утро, земляк, — отвечал Петер, делая вид, что ничуть не испугался, хотя на самом деле дрожал всем телом, — я иду через Еловый Бугор к себе домой.

— Петер Мунк, — возразил великан, метнув на юношу страшный, пронзительный взгляд, — через эту рощицу твой путь не лежит.

— Ну да, это не совсем прямой путь, — заметил тот, — но

сегодня жарко, вот я и подумал, что здесь мне будет попрохладней.

— Не лги, Петер-угольщик! — громовым голосом вскричал Голландец Михель. — Не то я уложу тебя на месте вот этим багром. Думаешь, я не видел, как ты клянчил деньги у гнома? — добавил он чуть мягче. — Положим, то была глупая затея, и хорошо, что ты позабыл стишок, ведь коротышка-то скупердяй, много он не даст, а если кому и даст, тот не возрадуется. Ты, Петер, горемыка, и мне от души тебя жаль. Такой славный, красивый малый мог бы заняться чем получше, а не сидеть деньденьской возле угольной ямы! Другие так и сыплют талерами или дукатами, а ты едва можешь наскрести несколько грошей. Что это за жизнь!

— Ваша правда, жизнь незавидная, ничего тут не скажешь!

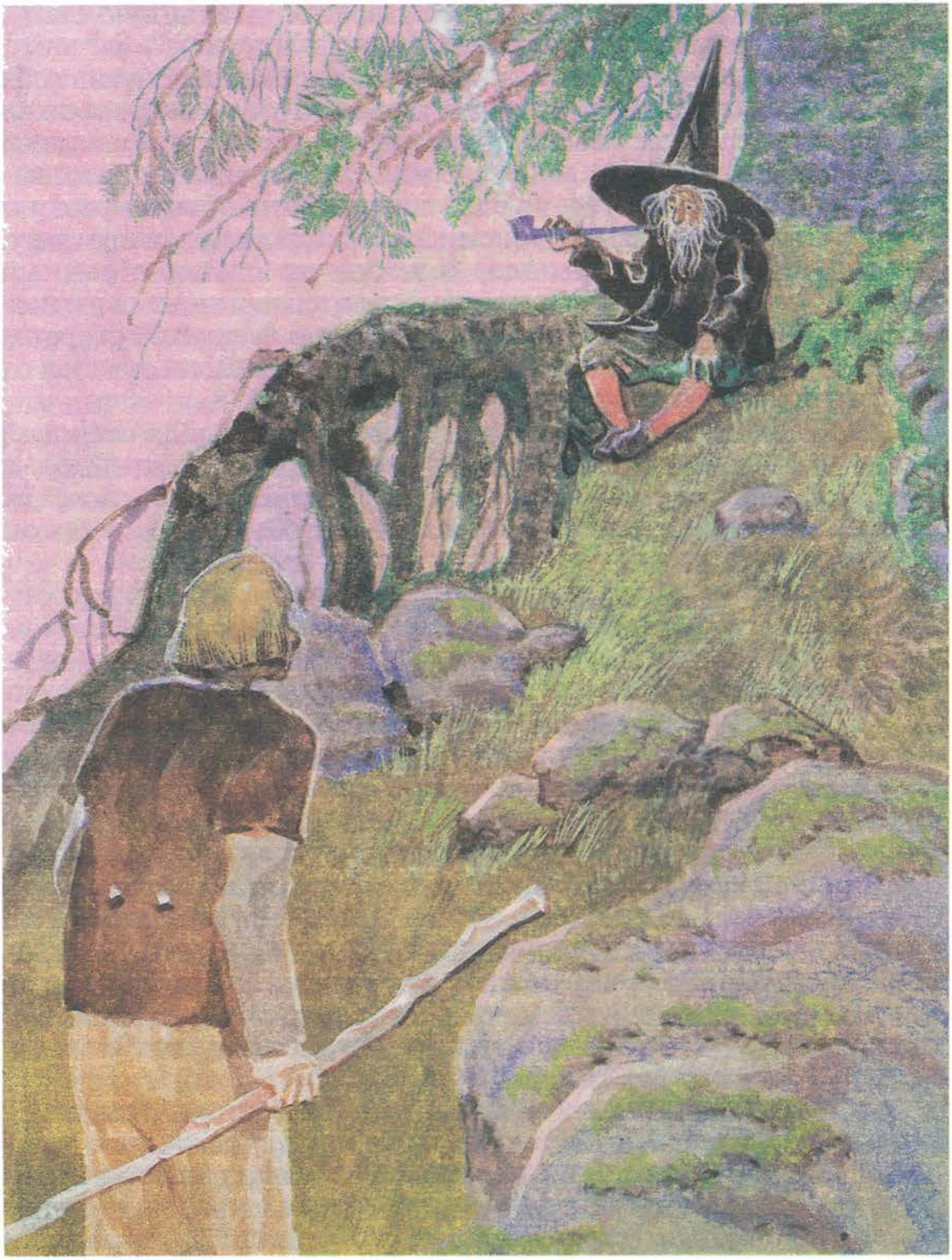
— Ну, для меня это сущий пустяк, — я уже не одного такого молодца вызволил из нужды, — не ты первый. Скажи-ка, сколько сотен талеров понадобится тебе для начала?

Тут он потряс деньгами в своем огромном кармане, и они зазвенели как нынешней ночью в Петеровом сне. Но сердце Петера при этих словах тревожно и болезненно сжалось; его бросало то в жар, то в холод, не похоже было, что Голландец Михель способен дать деньги из жалости, ничего не требуя взамен. Петеру вспомнились таинственные слова старого дровосека о богатых людях, и, полный неизъяснимого страха, он крикнул:

— Большое спасибо, сударь, только с вами я не хочу иметь дело — ведь я вас узнал! — и побежал что было прыти. Но лесной дух огромными шагами следовал за ним, глухо и грозно ворча:

— Ты пожалеешь об этом, Петер, на лбу у тебя написано и по глазам видно — меня тебе не миновать. Да не беги ты так быстро, послушай разумное слово, вот уже и граница моих владений!

Но как только Петер это услыхал и заметил впереди неширокую канаву, он помчался еще быстрее, чтобы поскорее пересечь границу, так что Михелю под конец пришлось тоже прибавить шагу, и он гнался за Петером с бранью и угрозами. Отчаянным прыжком юноша перемахнул через канаву, — он увидел, как лесовик занес свой багор, готовясь обрушить его на голову Петера; однако он благополучно прыгнул на ту сторону,



и багор разлетелся в щепы, словно ударясь о невидимую стену, только один длинный обломок долетел до Петера.

Торжествуя, подобрал он обломок, чтобы швырнуть назад грубияну Михелю, но вдруг почувствовал, что кусок дерева ожил в его руке, и, к ужасу своему, увидел, что держит чудовищную змею, которая тянется к нему, сверкая глазами и алчно высовывая язык. Он выпустил ее, но она успела плотно обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь, понемногу приближалась к его лицу. Вдруг раздался шум крыльев, и откуда-то слетел огромный глухарь, он ухватил змею за голову своим клювом и взмыл с нею в воздух, а Голландец Михель, видевший с другой стороны канавы, как змею унес некто посильнее его, завыл и затопал от ярости.

Едва отдышавшись и еще весь дрожа, Петер продолжал свой путь; тропа делалась все круче, а местность все пустыннее, и вскоре он снова очутился возле громадной ели. Он принялся, как вчера, отвешивать поклоны Стеклянному Человечку, а потом произнес:

Хранитель Клада в лесу густом!
Средь елей зеленых таится твой дом.
К тебе с надеждой всегда взывал,
Кто в воскресенье свет увидал.

— Хоть ты и не совсем угадал, Петер-угольщик, но тебе я покажусь, так уж и быть, — проговорил тонкий, нежный голосок поблизости от него.

Петер в изумлении оглянулся: под красивой елью сидел маленький старичок в черной курточке, красных чулочках и огромной шляпе. У него было тонкое приветливое личико, а борода нежная, словно из паутины, он курил — чудеса, да и только! — синюю стеклянную трубку, а когда Петер подошел поближе, то еще больше удивился: вся одежда, башмаки и шляпа Человечка были тоже из стекла, но оно было мягкое, словно еще не успело остыть, ибо следовало за каждым движением Человечка и облегало его как материя.

— Тебе, значит, повстречался этот разбойник, Голландец Михель? — сказал Человечек, странно покашливая после каждого слова. — Он хотел тебя хорошенько напугать, да только я отобрал у злыдня его хитрую дубинку, больше он ее не получит.

— Да, господин Хранитель Клада, — ответил Петер с глубо-

ким поклоном, — я было здорово испугался. А вы, значит, и были тот глухарь, что заклевал змею, — нижайшее вам спасибо. Я пришел сюда, чтобы просить у вас совета и помощи, уж больно мне худо живется, угольщик, он угольщиком и останется, а ведь я еще молод, вот я и подумал, что из меня могло бы выйти кое-что получше. Как посмотрю на других, сколько они нажили за короткое время, — взять хотя бы Эзехиля или Короля Танцев — у них денег куры не клюют!

— Петер, — с величайшей серьезностью сказал Человечек, выпустив длинную струю дыма из своей трубки. — Петер, об этих двоих я и слышать не хочу. Какая им польза от того, что они несколько лет будут здесь слыть счастливыми, зато потом станут тем несчастнее? Не презирай свое ремесло, твой отец и твой дед были достойные люди, а ведь они занимались тем же делом, что и ты, Петер Мунк! Не хотел бы я думать, что тебя привела сюда любовь к праздности.

Серьезный тон Человечка испугал Петера, и он покраснел.

— Нет, господин Хранитель Клада, — возразил он, — я знаю, что праздность — мать всех пороков, но ведь вы не станете на меня обижаться за то, что другое занятие мне больше по душе, нежели мое собственное. Угольщик — ничтожнейший человек на земле, вот стекловары, плотовщики, часовых дел мастера — те будут попочтенней.

— Надменность нередко предшествует падению, — ответил Человечек уже немного приветливей. — Что вы, люди, за странное племя! Редко кто из вас бывает доволен тем положением, которое занимает по рождению и воспитанию. Ну, станешь ты стекловаром, так тебе непременно захочется стать лесоторговцем, а станешь лесоторговцем, тебе и этого будет мало, и ты пожелаешь себе место лесничего или окружного начальника. Но будь по-твоему! Если ты мне обещаешь прилежно трудиться, я помогу тебе, Петер, зажить получше. Я имею обыкновение каждому, кто родился в воскресенье и сумел найти путь ко мне, исполнять три его желания. В первых двух он волен, а в третьем я могу ему и отказать, если желание его безрассудно. Пожелай и ты себе что-нибудь, Петер, но смотри не ошибись, пусть это будет что-нибудь хорошее и полезное!

— Ура! Вы замечательный Стеклянный Человечек, и не зря вас зовут Хранителем Клада, вы и сами сущий клад! Ну, раз уж

я могу пожелать, чего душа моя просит, то я хочу, во-первых, уметь танцевать еще лучше Короля Танцев и всякий раз приносить с собой в трактир вдвое больше денег, чем тот!

— Глупец! — гневно вскричал Человечек. — Что за пустое желание — хорошо танцевать и выбрасывать как можно больше денег на игру! Не стыдно ли тебе, безмозглый Петер, так прозевать свое счастье! Что пользы тебе и твоей бедной матери от того, что ты будешь хорошо танцевать? Что пользы вам от денег, раз ты пожелал их себе только для трактира и все они будут там оставаться, как деньги ничтожного Короля Танцев? Всю остальную неделю ты опять будешь сидеть без гроша и по-прежнему терпеть нужду. Еще *одно* твое желание будет исполнено, — но подумай как следует и пожелай себе что-нибудь дельное!

Петер почесал в затылке и, немного помедлив, сказал:

— Ну, тогда я желаю себе самый большой и самый прекрасный стекольный завод во всем Шварцвальде, со всем, что положено, а также деньги, чтобы им управлять!

— И больше ничего? — озабоченно спросил Человечек. — Ничего больше, Петер?

— Ну, можете добавить еще лошадь и повозочку...

— О, безмозглый Петер-угольщик! — вскричал Человечек и с досады швырнул свою стеклянную трубку в ствол толстой ели так, что она разлетелась вдребезги. — Лошадь! Повозочку! Ума, ума — вот чего следовало тебе пожелать, простого человеческого разумения, а не лошадь и повозочку! Ну, да не печалься, постараемся сделать так, чтобы это не пошло тебе во вред, — второе твое желание, в общем, не так уж глупо. Хороший стекольный завод прокормит своего владельца-умельца, тебе бы еще только прихватить ума-разума, а уж лошадь и повозочка появились бы сами собой!

— Но, господин Хранитель Клада, у меня ведь остается еще одно желание. Вот я и мог бы пожелать себе ума, коль мне его так недостает, как вы говорите.

— Нет уж! Тебе еще не раз придется туго, и ты будешь рад-радехонек, что у тебя есть в запасе еще одно желание. А теперь отправляйся-ка домой! Вот, возьми, — сказал маленький владыка елей, вытаскивая из кармана мешочек, — здесь две тысячи гульденов, это все, и не вздумай еще раз являться ко мне за

деньгами, не то я повешу тебя на самой высокой ели. Так уж у меня заведено с тех пор, как я живу в этом лесу. Три дня тому назад умер старый Винкфриц, которому принадлежал большой стекольный завод в нижнем лесу. Сходи туда завтра утром и предложи наследникам свою цену, честь по чести. Будь молодцом, прилежно трудись, а я время от времени стану навещать тебя и помогать тебе советом и делом, раз уж ты ума себе так и не выпросил. Но говорю тебе не шутя — твое первое желание было дурно. Смотри, Петер, не вздумай зачастить в трактир, это еще никого не доводило до добра.

Сказав это, Человечек достал новую трубку из прекраснейшего прозрачного стекла, набил ее сухими еловыми шишками и сунул в свой беззубый рот. Потом он вытащил огромное зажигательное стекло, вышел на солнце и зажег трубку. Управившись с этим, он ласково протянул руку Петеру, напутствовал его еще несколькими добрыми советами, а затем принялся все сильнее пыхать своей трубкой и пускать дым все чаще, пока и сам не скрылся в облаке дыма, который пах настоящим голландским табаком и понемногу рассеивался, клубясь меж верхушек елей.

Когда Петер пришел домой, он застал мать в большой тревоге, — добрая женщина думала, что ее сына не иначе как забрали в солдаты. Но он вернулся в самом лучшем расположении духа и рассказал, что повстречал в лесу доброго друга, который ссудил его деньгами, чтобы он, Петер, сменил ремесло угольщика на другое, получше. Хотя мать Петера уже тридцать лет жила в хижине угольщика и привыкла к черным от сажи лицам, как жена мельника привыкает к белому от муки лицу своего мужа, все-таки она была достаточно тщеславна, чтобы сразу, как только Петер расписал ей блестящее будущее, исполниться презрения к своему сословию. «Да, — сказала она, — мать владельца стекольного завода — это не какая-нибудь кумушка Грета или Бета, теперь я в церкви буду садиться на передние скамьи, где сидят порядочные люди».

Сын ее быстро поладил с наследниками стекольного завода. Он оставил всех прежних рабочих, но теперь они должны были денно и нощно выдувать для него стекло. Поначалу новое дело ему нравилось. Он взял за привычку неторопливо спускаться вниз на завод и важно расхаживать там, заложив руки в карманы, заглядывая то туда, то сюда и отпуская замечания, над которыми

рабочие иной раз немало потешались; но самым большим удовольствием для него было смотреть, как выдувают стекло. Нередко он тоже брался за работу и выделывал из мягкой стекольной массы диковиннейшие фигуры. Но вскоре это занятие ему наскучило, и он стал заходить на завод сперва только на часок, потом через день, а там — и раз в неделю, и его подмастерья делали все, что им вздумается. А причиной этому было то, что Петер зачастил в трактир. В первое же воскресенье после того, как он побывал на Еловом Бугре, Петер отправился в трактир и увидал там своих старых знакомцев — и Короля Танцев, который лихо отплясывал посреди зала, и Толстяка Эзехиля — этот сидел за пивной кружкой и играл в кости, то и дело бросая на стол звонкие талеры. Петер поспешно сунул руку в карман, проверить, не обманул ли его Стеклянный Человечек, и — гляди-ка! — карман его оказался битком набит золотыми и серебряными монетами. Да и ноги у него так и чесались, будто сами просились в пляс, и вот, как только кончился первый танец, Петер со своей парой стал впереди, рядом с Королем Танцев, и когда тот подпрыгивал на три фута кверху, Петер взлетал на четыре, когда тот выкидывал самые замысловатые и невиданные коленца, Петер выписывал ногами такие вензеля, что зрители были вне себя от изумления и восторга. Когда же в трактире прослышали, что Петер купил стекольный завод, и увидали, что, поравнявшись во время танца с музыкантами, он всякий раз бросает им по нескольку крейцеров, удивлению не было границ. Одни думали, что он нашел в лесу клад, другие — что получил наследство, но и те и эти отныне смотрели на него как на человека, который чего-то добился в жизни, и оказывали ему всяческое уважение — а все оттого только, что у него завелись деньги. И хотя в тот вечер Петер проиграл целых двадцать гульденов, в кармане у него по-прежнему звенело, словно там оставалась добрая сотня талеров.

Когда Петер заметил, сколь почтительно с ним обходятся, он от радости и гордости совсем потерял голову. Он бросал теперь деньги целыми пригоршнями и щедро раздавал их бедным, ибо еще не забыл, как его самого прежде угнетала бедность. Искусство Короля Танцев было посрамлено сверхъестественной ловкостью нового танцора, и этот высокий титул перешел отныне к Петеру.

Самые завзятые воскресные игроки не делали таких дерзких ставок, как он, но зато и проигрывали они куда меньше. Однако чем больше Петер проигрывал, тем больше у него появлялось денег. Все происходило в точности так, как он того требовал от Стеклянного Человечка. Он желал всегда иметь в кармане ровно столько денег, сколько было их у Толстяка Эзехиля, а ему-то он и проигрывал. И когда ему случалось проигрывать двадцать-тридцать гульденов зараз, они тотчас же вновь оказывались у него в кармане, стоило только Эзехилю спрятать свой выигрыш. Мало-помалу он перещеголял в игре и разгуле самых отпетых парней во всем Шварцвальде, и его чаще называли Петер-игрок, чем Король Танцев, потому что теперь он играл и в будни. Зато его стекольный завод постепенно пришел в упадок, и виной тому было неразумие Петера. Стекла по его приказанию делали все больше, да только Петер не сумел вместе с заводом купить и секрет, куда это стекло повыгодней сбывать. Под конец он не знал, что ему делать со всем этим товаром, и за полцены продал его бродячим торговцам, чтобы выплатить жалованье рабочим.

Однажды вечером он плелся из трактира и, хотя немало выпил, чтобы развеять печаль, все же с тоской и страхом думал о предстоящем ему разорении. Вдруг он заметил, что рядом с ним кто-то идет, оглянулся — вот тебе на! То был Стеклянный Человечек. Злоба и ярость обуяли Петера, он стал запальчиво и дерзко бранить маленького лесовика — он-де виноват во всех его, Петера, несчастьях.

— На что мне теперь лошадь и повозочка? — кричал он. — Какой мне толк от завода и от всего моего стекла? Когда я был простым чумазым угольщиком, мне и то веселее жилось, и я не знал забот. А теперь я со дня на день жду, что придет окружной начальник, опишет мое добро за долги и продаст с торгов.

— Вот, значит, как? Выходит, я повинен в том, что ты несчастлив? Такова твоя благодарность за все мои милости? Кто тебе велел загадывать такие дурацкие желания? Ты захотел стать стеклоделом, а куда продавать стекло, и понятия не имел. Разве я тебя не предупреждал, чтобы ты был осмотрителен в своих желаниях? Ума, смекалки — вот чего тебе не хватает, Петер.

— При чем тут ум и смекалка! — вскричал тот. — Я ничуть не глупее других, ты еще в этом убедишься, Стеклянный Человечек. — С этими словами он грубо схватил лесовичка за

шиворот и закричал: — Попался, господин Хранитель Клада! Я нынче же назову свое третье желание, а ты изволь мне его исполнить. Так вот, я желаю тут же на месте получить дважды по сто тысяч талеров и дом, а сверх того... ой-ой-ой! — завопил он и задергал рукой: Стеклянный Человечек превратился в расплавленное стекло и огнем жег ему руку. А сам Человечек бесследно исчез.

Еще много дней спустя распухшая рука напоминала Петеру о его неблагодарности и безрассудстве. Но потом он заглушил в себе голос совести и подумал: «Ну и пусть они продают мой завод и все остальное, у меня ведь еще остается Толстяк Эзехиль. Пока у него по воскресеньям водятся в кармане денежки, они будут и у меня».

Верно, Петер! Ну, а как их у него не станет? Так в конце концов и случилось, и то был удивительный арифметический казус. Однажды в воскресенье подъехал он к трактиру, все любопытные повысовывались из окон, и вот один говорит: «Петер-игрок прикатил», другой ему вторит: «Да, Король Танцев, богатый стеклодел», а третий покачал головой и сказал: «Было богатство, да сплыло; поговаривают, что у него куча долгов, а в городе один человек сказывал, будто окружной начальник вот-вот назначит торги».

Петер-богач важно и церемонно раскланялся с гостями, слез с повозки и крикнул:

— Добрый вечер, хозяин! Что, Толстяк Эзехиль уже пришел?

Ему ответил низкий голос из дома:

— Заходи, заходи, Петер! Твое место свободно, а мы уж засели за карты.

Петер Мунк вошел в трактир и сразу полез в карман: должно быть, Эзехиль имел при себе изрядный куш, потому что Петеров карман был набит доверху. Он подсел за стол к остальным и начал играть; то проигрывал, то выигрывал, так и сидели они за карточным столом до вечера, покуда весь честный люд не стал расходиться по домам, а они все продолжали играть при свечах: тут двое других игроков сказали:

— На сегодня хватит, нам пора домой, к жене и детям.

Однако Петер-игрок стал уговаривать Толстяка Эзехиля остаться. Тот долго не соглашался, но под конец воскликнул:

— Ну ладно, сейчас я сосчитаю свои деньги, а потом бросим кости; ставка — пять гульденов; меньше — не игра.

Он вытащил кошелек и сосчитал деньги — набралось ровнехонько сто гульденов, так Петер-игрок узнал, сколько есть у него — ему и считать не надо было. Однако если раньше Эзехиль выигрывал, то теперь он терял ставку за ставкой и при этом сыпал страшнейшими ругательствами. Стоило ему бросить кость, как следом за ним бросал и Петер, и всякий раз у него оказывалось на два очка больше. Наконец Эзехиль выложил на стол последние пять гульденов и воскликнул:

— Попробую еще разок, но коли опять проиграю — все равно не брошу; тогда ты, Петер, дашь мне взаймы из своего выигрыша! Честный человек всегда помогает ближнему.

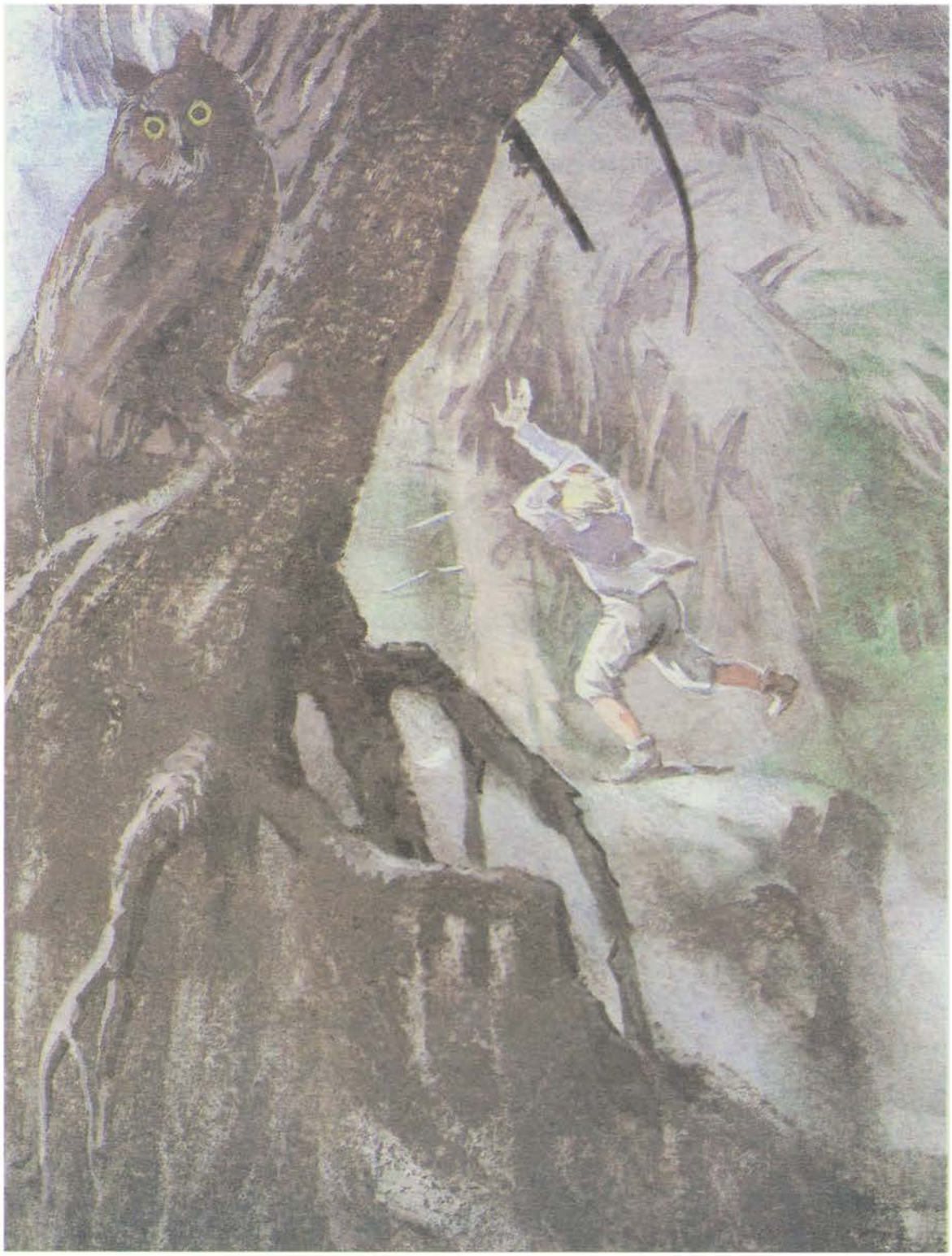
— Изволь, хоть сто гульденов, — отвечал Король Танцев, который не мог нарадоваться своему везению.

Толстяк Эзехиль встряхнул кости и бросил: пятнадцать. «Так! — крикнул он. — Поглядим теперь, что у тебя!» Но Петер выкинул восемнадцать, и тут у него за спиной раздался знакомый хриплый голос: «Все! Это была последняя ставка».

Он оглянулся — позади него во весь свой огромный рост стоял Голландец Михель. От испуга Петер выронил деньги, которые только что сгреб со стола. Но Толстяк Эзехиль не видел Михеля и требовал у Петера-игрока десять гульденов, чтобы отыграться. Словно в забытьи полез он в карман, но денег там не оказалось; он стал трясти свой кафтан, да только оттуда не выпало ни единого геллера, и лишь теперь Петер вспомнил первое свое желание — всегда иметь столько денег, сколько их у Толстяка Эзехиля.

Богатство развеялось как дым. Эзехиль и трактирщик с удивлением глядели, как он роется в карманах и не находит денег, — им не верилось, что у него их больше нет; но когда они сами обшарили его карманы и ничего не нашли, то впали в бешенство и стали кричать, что Петер — колдун, что весь выигрыш и остаток своих денег он колдовским способом переправил домой. Петер стойко защищался, но все было против него; Эзехиль объявил, что разнесет эту ужасную историю по всему Шварцвальду, а трактирщик пригрозил завтра с рассветом отправиться в город и заявить на Петера Мунка, как на колдуна; он надеется еще увидеть, добавил трактирщик, как Петера будут

Вильгельм Гауф. Холодное сердце



сжигать. Тут они, озверев, набросились на Петера, сорвали с него кафтан и вытолкали за дверь.

Ни одной звездочки не горело на небе, когда Петер, в полном унынии, брел домой; однако он все же различил рядом с собой угрюмого великана, который не отставал от него ни на шаг и наконец заговорил:

— Доигрался ты, Петер Мунк. Конец твоему барскому житью, я бы мог предсказать это еще тогда, когда ты не желал со мной знаться и побежал к глупому стеклянному гному. Теперь ты и сам видишь, что бывает с теми, кто не слушает моего совета. Что ж, попытай теперь счастья со мной — мне тебя жаль. Никто еще не раскаивался в том, что обратился ко мне. Так вот, ежели дорога тебя не пугает, завтра я целый день буду на Еловом Бугре — стоит тебе только позвать.

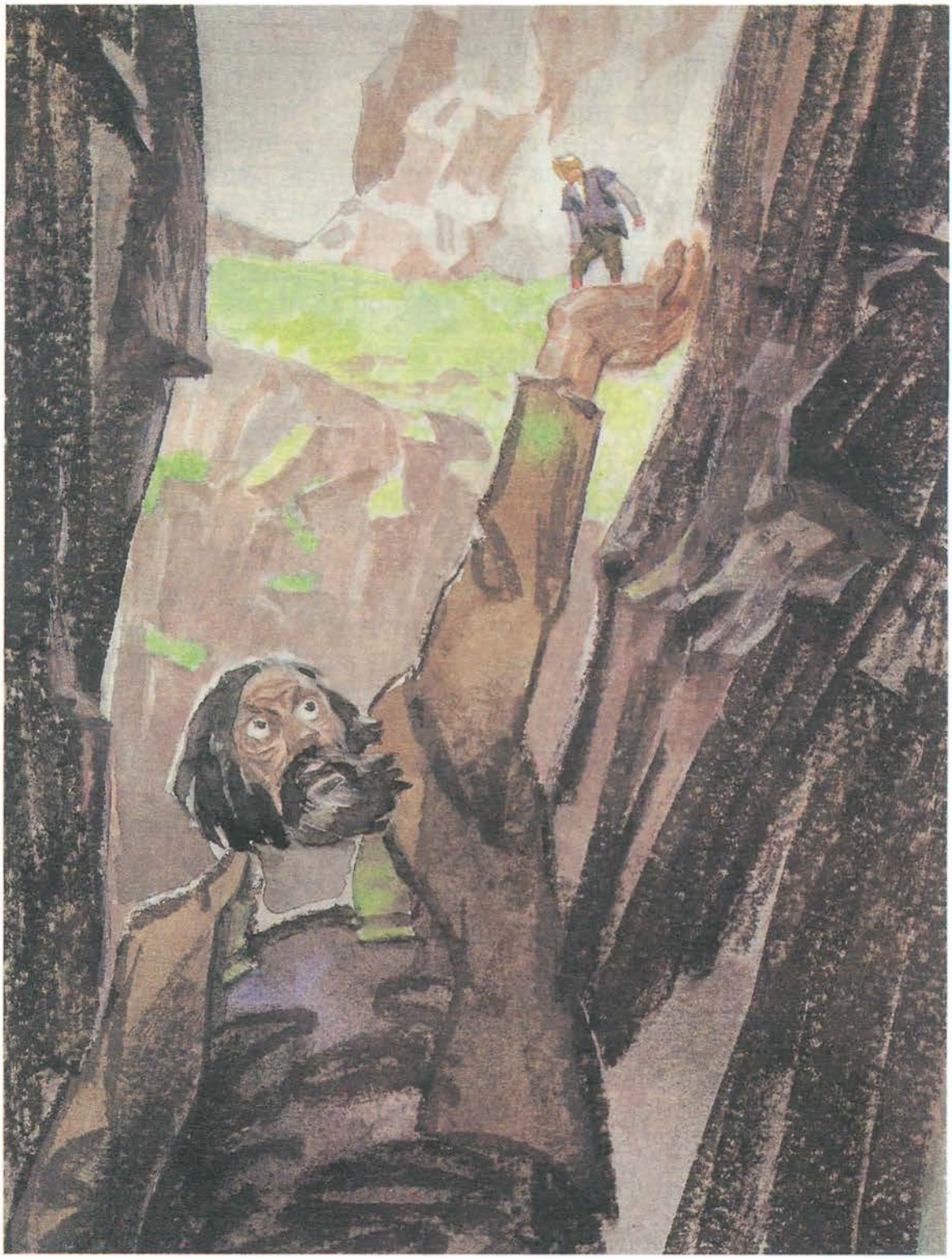
Петер прекрасно понял, кто с ним говорит, но его охватил ужас. Ничего не ответив, он бросился бежать к дому.

Часть вторая

Когда в понедельник утром Петер пришел к себе на завод, он застал там не только рабочих, но и других людей, чье появление никого бы не обрадовало. Это были окружной начальник и три судебных пристава. Начальник пожелал Петеру доброго утра, осведомился, как он почивал, а затем развернул длинный список, где были перечислены заимодавцы Петера.

— Можете вы заплатить или нет? — строго спросил он. — И, будьте добры, поживей, мне с вами канителиться некогда, — до тюрьмы добрых три часа ходу.

Тут Петер совсем пал духом: он признался, что денег у него нет, и позволил начальнику и его людям описать дом и усадьбу, завод и конюшню, повозку и лошадей, а пока окружной начальник и его помощники расхаживали вокруг, осматривая и оцени-



вая его имущество, он подумал: «До Елового Бугра недалеко, если маленький лесовик не помог мне, попытаю-ка я счастья у большого». И он помчался к Еловому Бугру, да с такой быстротой, словно судебные приставы гнались за ним по пятам.

Когда он пробегал мимо того места, где в первый раз говорил со Стеклянным Человечком, ему показалось, будто его удерживает чья-то невидимая рука, но он вырвался и понесся дальше, до самой границы, которую хорошенько заприметил, и не успел он, запыхавшись, позвать: «Голландец Михель! Господин Голландец Михель!» — как перед ним вырос великан-плотовщик со своим багром.

— Явился, — сказал он, смеясь. — А не то содрали бы шкуру и продали кредиторам! Ну, да не тревожься, все твои беды, как я уже говорил, пошли от Стеклянного Человечка, этого гордеца и ханжи. Уж если дарить, то щедрой рукой, а не как этот сквалыга. Пойдем, — сказал он и двинулся в глубь леса. — Пойдем ко мне домой, там и поглядим, столкуемся мы с тобой или нет.

«Как это «столкуемся»? — в тревоге думал Петер. — Что же он может с меня потребовать, разве у меня есть для него товар? Служить он себе заставит или что другое?»

Они шли вверх по крутой тропе и вскоре очутились возле мрачного глубокого ущелья с отвесными стенами. Голландец Михель легко сбежал вниз по скале, словно то была гладкая мраморная лестница; но тут Петер едва не лишился чувств: он увидел, как Михель, ступив на дно ущелья, сделался ростом с колокольню; великан протянул ему руку, длиной с весло, раскрыл ладонь, шириною с трактирный стол, и воскликнул:

— Садись ко мне на ладонь да ухватись покрепче за пальцы — не бойся — не упадешь!

Дрожа от страха, Петер сделал, как ему было велено, — сел к Михелю на ладонь и ухватился за большой палец.

Они спускались все глубже и глубже, но, к великому удивлению Петера, темнее не становилось, — напротив того, дневной свет в ущелье стал словно бы еще ярче, так что было больно глазам. Чем ниже они спускались, тем меньше делался Михель, и теперь он стоял в прежнем своем облике перед домом — самым что ни на есть обыкновенным домом зажиточного шварцвальдского крестьянина. Горница, куда Михель ввел Петера, тоже во всем походила на горницы у других хозяев, разве

что казалась какой-то неуютной. Деревянные часы с кукушкой, громадная кафельная печь, широкие лавки по стенам и утварь на полках были здесь такие же, как повсюду. Михель указал гостю место за большим столом, а сам вышел и вскоре вернулся с кувшином вина и стаканами. Он налил вина себе и Петеру, и они разговорились; Голландец Михель стал расписывать Петеру радости жизни, чужедальние страны, города и реки, так что тому под конец страстно захотелось все это повидать, в чем он и признался честно Голландцу.

— Будь ты даже смел духом и крепок телом, чтобы затевать большие дела, так ведь стоит твоему глупому сердцу забиться чаще обыкновенного, и ты дрогнешь; ну, а оскорбления чести, несчастья — зачем смышленому парню беспокоиться из-за таких пустяков? Разве у тебя голова болела от обиды, когда тебя на днях обозвали мошенником и негодяем? Разве у тебя были рези в животе, когда явился окружной начальник, чтобы выкинуть тебя из дому? Ну-ка скажи, что у тебя болело?

— Сердце, — отвечал Петер, прижав руку к взволнованной груди: в этот миг ему почудилось, будто сердце его как-то пугливо заметалось.

— Не обижайся, но ведь ты не одну сотню гульденов швырнул паршивым нищим и прочему сброду, а что толку? Они призывали на тебя благословение Божье, желали здоровья, — ну и что? Стал ты от этого здоровее? Половины этих денег хватило бы на то, чтобы держать при себе врача. Благословение Божье — да уж нечего сказать, благословение, когда у тебя описывают имущество, а самого выгоняют на улицу! А что заставляло тебя лезть в карман, как только нищий протягивал к тебе свою драную шапку? Сердце, опять-таки сердце, — не глаза и не язык, не руки и не ноги, а только сердце, — ты, как верно говорится, принимал все слишком близко к сердцу.

— Но разве можно от этого отвыкнуть? Вот и сейчас — как я ни стараюсь заглушить в себе сердце, оно у меня колотится и болит.

— Да уж где тебе, бедолаге, с ним сладить! — со смехом вскричал Голландец Михель. — А ты отдай мне эту бесполезную вещицу, увидишь, как тебе сразу станет легко.

— Отдать вам — мое сердце? — в ужасе воскликнул Петер. — Но ведь я тогда сразу умру! Ни за что!

— Да, конечно, если бы кто-нибудь из ваших господ хирургов вздумал вырезать у тебя сердце, ты бы умер на месте, но я это делаю совсем по-другому — зайди сюда, убедись сам.

С этими словами он встал, открыл дверь в соседнюю комнату и пригласил Петера войти. Сердце юноши судорожно сжалось, едва он переступил порог, но он не обратил на это внимания, столь необычайно и поразительно было то, что открылось его глазам. На деревянных полках рядами стояли склянки, наполненные прозрачной жидкостью, и в каждой заключено было чье-нибудь сердце; ко всем склянкам были приклеены ярлыки с именами, и Петер их с любопытством прочел. Он нашел там сердце окружного начальника из Ф., сердце Толстяка Эзехиля, сердце Короля Танцев, сердце старшего лесничего; были там и шесть сердец хлебных скупщиков, восемь сердец офицеров-вербовщиков, три сердца ростовщиков, — короче говоря, это было собрание наиболее почтенных сердец из всех городов и селений на двадцать часов пути окрест.

— Смотри! Все эти люди покончили с житейскими заботами и треволнениями, ни одно из этих сердец больше не бьется озабоченно и тревожно, а их бывшие обладатели чувствуют себя превосходно, выставив за дверь беспокойного жильца.

— Но что же у них теперь вместо сердца? — спросил Петер, у которого от всего увиденного голова пошла кругом.

— А вот это, — ответил Голландец Михель; он полез в ящик и протянул Петеру *каменное сердце*.

— Вот оно что! — изумился тот, не в силах противиться дрожи, пронизавшей все его тело. — Сердце из мрамора? Но послушай, господин Михель, ведь от такого сердца в груди должно быть ой-ой как холодно?

— Разумеется, но этот холод приятный. А на что человеку горячее сердце? Зимой оно тебя не согреет — хорошая вишневая наливка горячит вернее, чем самое горячее сердце, а летом, когда все изнывают от жары, ты и не поверишь, какую прохладу дарует такое сердце. И, как я уже говорил, ни тревога, ни страх, ни дурацкое сострадание, ни какие-либо иные горести не достучатся до этого сердца.

— И это все, что вы можете мне дать? — с досадой спросил Петер. — Я надеялся получить деньги, а вы предлагаете мне камень.

— Ну, я думаю, ста тысяч гульденов на первых порах тебе хватит. Если ты дашь им разумное употребление, то вскорости станешь миллионером.

— Сто тысяч? — в восторге вскричал бедный угольщик. — Да перестань же ты, сердце, так бешено колотиться в моей груди! Скоро мы с тобой простимся. Ладно, Михель! Давайте мне камень и деньги и, так и быть, вынимайте из клетки этого колотилу!

— Я знал, что ты парень с головой, — отвечал Голландец, ласково улыбаясь, — пойдем выпьем еще по стаканчику, а потом я отсчитаю тебе деньги.

Они опять уселись за стол в горнице и пили, пили до тех пор, пока Петер не погрузился в глубокий сон.

Петер-угольщик проснулся от веселой трели почтового рожка, и — гляди-ка! — он сидел в роскошной карете и катил по широкой дороге, а когда высунулся из окна, то увидел позади, в голубой дымке, очертания Шварцвальда. Поначалу ему не верилось, что это он, а не кто другой сидит в карете. Ибо и платье на нем тоже было совсем не то, что вчера; однако он так отчетливо помнил все происшедшее с ним, что в конце концов перестал ломать голову и воскликнул: «И думать нечего — это я, Петер-угольщик, и никто другой!»

Он сам себе удивлялся, что нисколько не грустит, впервые покидая родимый тихий край, леса, где он так долго жил, и что, даже вспоминая о матери, которая осталась теперь сирая, без куска хлеба, не может выжать из глаз ни единой слезинки, ни единого вздоха из груди; ибо все теперь стало ему в равной степени безразлично. «Ах да, — вспомнил он, — ведь слезы и вздохи, тоска по родине и грусть исходят от сердца, а у меня теперь — спасибо Голландцу Михелю — сердце холодное, из камня».

Он приложил руку к груди, но там все было тихо, ничто не шевелилось. «Я буду рад, если он и насчет ста тысяч гульденов сдержал свое слово так же, как насчет сердца», — подумал он и принялся обшаривать карету. Он нашел много всякого платья, о каком только мог мечтать, но денег нигде не было. Наконец он наткнулся на какой-то саквояж, и в нем оказалось много тысяч талеров золотом и чеками на торговые дома во всех больших городах. «Вот и сбылись мои желания, — подумал Петер, уселся поудобнее в угол кареты и помчал в далекие края.

Два года колесил он по свету, глядел из окна кареты направо и налево, скользил взглядом по домам, мимо которых проезжал, а когда делал остановку, замечал лишь вывеску своей гостиницы, потом бегал по городу, где ему показывали разные достопримечательности. Но ничто его не радовало — ни картины, ни здания, ни музыка, ни танцы; у него было каменное сердце, безучастное ко всему, а его глаза и уши разучились воспринимать прекрасное. Только и осталось у него радости, что есть и пить, да спать; так он и жил, без цели рыская по свету, для развлечения ел, от скуки спал. Время от времени он, правда, вспоминал, что был, пожалуй, веселей и счастливей, когда жил бедно и принужден был работать, чтобы кормиться. Тогда ему доставляли удовольствие вид красивой долины, музыка и танцы, и он мог часами радоваться в ожидании немудрящей еды, которую мать приносила ему к угольной яме. И когда он вот так задумывался о прошлом, ему казалось невероятным, что теперь он не способен даже смеяться, а ведь раньше он хохотал над самой пустячной шуткой. Теперь же, когда другие смеялись, он лишь из вежливости кривил рот, но сердце его нисколько не веселилось. Он чувствовал, как спокойно у него на душе, но доволен все-таки не был. Но не тоска по родине и не грусть, а скука, опустошенность, безрадостная жизнь в конце концов погнали его домой.

Когда он выехал из Страсбурга и увидел родной лес, темневший вдали, когда ему снова стали попадаться навстречу рослые шварцвальдцы с приветливыми, открытыми лицами, когда до его слуха донеслась громкая, гортанная, но благозвучная родная речь, то он невольно схватился за сердце, ибо кровь в его жилах побежала быстрее и он готов был радоваться и плакать в одно и то же время, — но вот глупец! — сердце-то у него было из камня. А камни мертвы, они не смеются и не плачут.

Первым делом он отправился к Голландцу Михелю, который принял его с прежним радушием.

— Михель, — сказал ему Петер, — я поездил по свету, многое повидал, но все это вздор и только нагнало на меня скуку. Правда, ваша каменная штучка, которую я ношу в груди, от многого меня оберегает. Я никогда не сержусь и не грущу, но зато и живу как бы наполовину. Не могли бы вы чуть-чуть оживить это каменное сердце? А еще лучше — верните мне мое

прежнее! За свои двадцать пять лет я с ним свыкся, и ежели оно когда и выкидывало глупые шутки, все же то было честное и веселое сердце.

Лесной дух горько и зло рассмеялся.

— Когда в свой час ты умрешь, Петер Мунк, — ответил он, — оно непременно к тебе вернется; тогда ты вновь обретешь свое мягкое, отзывчивое сердце и почувствуешь, что тебя ожидает — радость или мука. Но здесь, на земле, оно больше твоим не станет. Да, Петер, поездил-то ты вволю, но жизнь, которую ты вел, не могла пойти тебе на пользу. Осядь где-нибудь в здешних лесах, построй себе дом, женись, пусти в оборот свои деньги, — тебе не хватает настоящего дела, от безделья ведь ты и скучал, а все сваливаешь на безвинное сердце.

Петер понял, что Михель прав, говоря о безделье, и вознамерился умножить свое богатство. Михель подарил ему еще сто тысяч гульденов и расстался с ним, как с добрым другом.

Вскоре в Шварцвальде разнеслась молва, что Петер-угольщик, или Петер-игрок, возвратился из дальних стран, и теперь-де он много богаче прежнего. И на сей раз все шло так, как издавна ведется: стоило Петеру остаться без гроша, как его вытолкали из «Солнца», а теперь, едва он в первый же воскресный вечер явился туда снова, все стали наперебой жать ему руку, расхваливать его лошадь, расспрашивать о путешествиях, и когда он сел играть на звонкие талеры с Толстяком Эзехилем, на него взирали с еще большим почтением, чем раньше.

Однако теперь он стал заниматься не стекольным делом, а лесоторговлей, правда, только для виду. Главным его занятием сделалась скупка и перепродажа хлеба и ростовщичество. Малопомалу пол-Шварцвальда оказалось у него в долгу, но он ссужал деньги только из десяти процентов или вынуждал бедняков втридорога покупать у него зерно, ежели они не могли расплатиться сразу. С окружным начальником он был теперь в тесной дружбе, и ежели кто не мог точно в срок уплатить долг господину Петеру Мунку, начальник со своими подручными скакал к должнику, оценивал дом и хозяйство, мигом все продавал, а отца, мать и детей выгонял на все четыре стороны. Поначалу Петеру-богачу это доставляло некоторое неудовольствие, потому что несчастные бедняки, лишившись крова, осаждали его дом: мужчины молили о снисхождении, женщины пытались

смягчить каменное сердце, а дети плакали, выпрашивая кусочек хлеба. Но когда он завел себе свирепых овчарок, «кошачьи концерты», как он их называл, сразу прекратились. Он науськивал псов на нищих, и те с криками разбегались. Больше всех досаждала ему «старуха». А это была не кто иная, как старая Мункиха, мать Петера. Она впала в нищету, когда ее дом и двор были проданы с молотка, а ее сынок, вернувшись домой богачом, о ней даже не вспомнил. Вот она время от времени и захаживала к нему на двор, старая, немощная, с клюкой. Войти в дом она не смела, ибо однажды он ее выгнал, но тяжко страдала оттого, что вынуждена жить подаяниями чужих людей, в то время как ее родной сын мог бы уготовить ей безбедную старость. Однако холодное сердце оставалось безучастным при виде знакомого увядшего лица, молящих глаз, протянутой иссохшей руки, согбенной фигуры. По субботам, когда она стучалась к нему в дверь, он ворча доставал мелкую монету, заворачивал в бумажку и высылал ей со слугой. Он слышал, как она дрожащим голосом благодарила его и желала ему благоденствия, как, кряхтя, брела прочь, но в эту минуту его занимало только одно: что он истратил попусту еще шесть батценов.

Наконец Петеру пришла мысль жениться. Он знал, что любой отец в Шварцвальде охотно отдаст за него свою дочь, и был разборчив: ему хотелось, чтобы и в этом случае люди подивились его уму и счастью. Вот почему он разъезжал по всему краю, заглядывая во все уголки, но ни одна из его прекрасных землячек не была для него достаточно хороша. Наконец, после того как Петер обошел все танцевальные залы в тщетных поисках наипервейшей красавицы, он услыхал однажды, что самая красивая и добродетельная девушка во всем Шварцвальде — дочь бедного дровосека. Живет-де она тихо и уединенно, рачительно и толково ведет хозяйство в отцовском доме, а на танцы никогда не ходит, даже в Троицын день или в храмовый праздник. Как только Петер прослышал об этом шварцвальдском чуде, он решил просить руки девушки и поехал к ее отцу, чей дом ему указали. Отец красавицы Лизбет немало удивился, что к нему пожаловал такой важный барин, еще больше удивился он, услыхав, что это не кто иной, как Петер-богач, желающий ныне стать его зятем. Долго раздумывать он не стал, ведь теперь, полагал он, бедности и заботам — конец, и, не спрашиваясь у

Лизбет, дал свое согласие, а добрая девушка была столь послушна, что, не прекословя, стала госпожой Мунк.

Но жизнь у бедняжки пошла совсем не так, как она мечтала и надеялась. Ей казалось, что она хорошо управляется с хозяйством, но господину Петеру ничем нельзя было угодить. Она жалела бедных и, поскольку супруг ее был богат, не видела греха в том, чтобы подать пфенниг бедной нищенке или поднести рюмочку старому человеку. Однако, когда господин Петер это заметил, он устремил на нее гневный взгляд и грозным голосом сказал:

— Зачем ты раздаешь мое добро бродягам и оборванцам? Разве ты принесла с собой приданое, которое можешь раздаривать? Нищенским посохом твоего отца и печки не истопишь, а ты бросаешься деньгами, словно принцесса. Смотри, поймаю тебя еще раз, хорошенько попотчую плеткой!

Красавица Лизбет плакала тайком у себя в комнате, страдая от жестокосердия мужа, и частенько подумывала она о том, что лучше бы ей снова очутиться дома, в убогом жилище отца, нежели жить в хоромах у богатого, но жестокосердого Петера. Ах, знай она, что сердце у него из мрамора и он не может любить никого — ни ее, ни другого человека на земле, — она бы, верно, не удивлялась! Но она этого не знала. И вот, бывало, сидит она у себя на крылечке, а мимо идет нищий, снимает шляпу и заводит свою песню, — так она зажмуривала глаза, чтобы не разжалобиться его горестным видом, и сжимала руку в кулак, чтобы нечаянно не сунуть ее в карман и не вытащить оттуда монетку. Оттого и пошла о ней худая слава по всему Шварцвальду: красавица Лизбет-де еще жаднее, чем ее муж.

В один прекрасный день сидела Лизбет во дворе за прялкой и напевала песенку; у нее было отрадно на душе, потому что денек выдался погожий и Петер уехал на охоту. И тут она видит, что бредет по дороге дряхлый старичок, сгибаясь под тяжестью большого мешка, — ей даже издали было слышно, как он кряхтит. С участием смотрит на него Лизбет и думает про себя, что негоже на такого маленького старого человека взваливать такую поклажу. Тем временем старичок, кряхтя, подходит все ближе и, поравнявшись с Лизбет, едва не валится с ног от изнеможения.

— Ах, сжальтесь, хозяюшка, дайте напиться, — проговорил старичок, — мочи моей больше нет!

— В ваши годы нельзя уж таскать такие тяжести, — сказала Лизбет.

— Да вот нужда заставляет спину гнуть, кормиться-то надо, — ответил старичок. — Ах, да разве богатая женщина вроде вас может знать, как горька бедность и как освежает в такую жару глоток воды!

Услыхав это, Лизбет побежала на кухню, схватила с полки кувшин и налила в него воды, но когда она понесла его старичку и, не дойдя до него нескольких шагов, увидела, как он сидит на мешке, изможденный, несчастный, жалость пронзила ее, она смекнула, что мужа нет дома, а потому отставила кувшин, взяла бокал, наполнила его вином, положила сверху изрядный кусок ржаного хлеба и подала старику со словами:

— Глоток вина придаст вам больше сил, чем вода, — вы ведь уже такой старенький. Только пейте не торопясь и поешьте хлеба.

Человек в удивлении воззрился на Лизбет, старческие глаза наполнились слезами; он выпил вина и сказал:

— Я уже стар, но мало встречал на своем веку людей, что были бы так добры и так щедро и от души творили милостыню, как вы, госпожа Лизбет. Но за это вам будет даровано благоденствие — такое сердце не останется без награды.

— Не останется, и награду она получит на месте, — раздался вдруг страшный голос; когда они обернулись, то увидели у себя за спиной Петера с пылавшим от гнева лицом. — Так ты мое лучшее вино расточаешь нищим, а из моего бокала даешь пить бродягам? Что ж, вот тебе награда!

Лизбет упала к его ногам и стала просить прощения, но каменное сердце не знало жалости, — Петер перекинул в руке хлыст и рукоятью черного дерева с такой силой хватил красавицу жену по голове, что она бездыханная упала на руки старику. Когда Петер это увидел, он словно бы сразу раскаялся в содеянном и наклонился посмотреть, жива ли еще Лизбет, но тут человечек заговорил хорошо знакомым Петеру голосом:

— Не трудись, Петер-угольщик, это был прекраснейший, нежнейший цветок Шварцвальда, но ты растоптал его, и уж больше ему не зацвести.

Тут вся кровь отхлынула у Петера от лица.

— Ах, это вы, господин Хранитель Клада? — сказал он. — Ну,

сделанного не воротишь, значит, так было ей на роду написано. Надеюсь только, вы не донесете на меня в суд, как на убийцу?

— Несчастный! — отвечал ему Стеклянный Человечек. — Какая польза будет мне от того, что я отправлю на виселицу твою смертную оболочку! Не земного суда должно тебе бояться, а иного и более строгого, ибо ты продал душу злой силе!

— Если я и продал свое сердце, — закричал Петер, — то кто же виноват в этом, как не ты с твоими обманчивыми сокровищами! Это ты, злобный дух, привел меня к погибели, ты вынудил искать помощи у того, другого, — ты и в ответе за все!

Но не успел он произнести эти слова, как Стеклянный Человечек начал расти и раздуваться — глаза у него стали будто суповые миски, а рот — будто жерло печи, откуда вырывалось пламя.

Петер бросился на колени и, хоть и было у него каменное сердце, задрожал, как былинка. Ястребиными когтями впился лесовик ему в затылок, поднял и завертел в возухе, как кружит вихрь сухой лист, и швырнул оземь так, что у него задрожали кости.

— Червяк! — крикнул он громовым голосом. — Я мог бы раздавить тебя, если бы захотел, ибо ты оскорбил Владыку леса. Но ради покойницы, которая накормила и напоила меня, я даю тебе неделю сроку. Ежели ты не обратишься к добру, я приду и сотру тебя в порошок и ты умрешь без покаяния!

Был уже поздний вечер, когда несколько человек, проходя мимо, увидели Петера-богача, распростертого на земле без памяти. Они стали его вертеть и переворачивать, пытаясь пробудить к жизни, но долгое время все их старания были тщетны. Наконец один из них пошел в дом, принес воды и брызнул ему в лицо. Тут Петер глубоко вздохнул, застонал и раскрыл глаза; он долго озирался, а потом спросил, где его жена Лизбет, но никто ее не видел. Он поблагодарил людей за помощь, побрел к себе в дом и стал всюду искать ее, но Лизбет нигде не было — ни в погребе, ни на чердаке: то, что он считал страшным сном, оказалось горестной явью. Теперь, когда он остался один, его стали посещать странные мысли: бояться он ничего не боялся, ибо сердце у него было холодное, но стоило ему подумать о смерти жены, как он начинал размышлять и о собственной кончине, — о том, сколь обремененный покинет он

этот мир — обремененный слезами бедняков, тысячекратными их проклятиями, которые не могли смягчить его сердца; плачем несчастных, которых он травил собаками; обремененный безмолвным отчаянием своей матери, кровью красивой и доброй Лизбет; что ответит он ее старику отцу, когда тот придет к нему и спросит: «Где моя дочь, твоя жена?» А как будет он держать ответ перед другим, перед тем, кому принадлежат все леса, все моря, все горы и жизни людские?

Это мучило его и ночью во сне, поминутно просыпался он от нежного голоса, который взывал к нему: «Петер, добудь себе живое сердце!» А проснувшись, спешил снова закрыть глаза, ибо узнал голос, предостерегавший его во сне, — то был голос Лизбет. На другой день он пошел в трактир, чтобы развеять мрачные мысли, и застал там Толстяка Эзехиля. Петер подсел к нему, они заговорили о том о сем: о хорошей погоде, о войне, о налогах и, наконец, о смерти, о том, как где-то кто-то внезапно умер. Тут Петер спросил Толстяка, что он вообще думает о смерти и что, по его мнению, за ней последует. Эзехиль ответил ему, что тело похоронят, а душа либо вознесется на небо, либо низринется в ад.

— Значит, сердце тоже похоронят? — с тревогой спросил Петер.

— Конечно, его тоже похоронят.

— Ну, а если у человека больше нет сердца? — продолжал Петер.

Услышав это, Эзехиль испуганно уставился на него.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты что, насмехаешься надо мной? По-твоему, у меня нет сердца?

— О, сердце у тебя есть, и преизрядное, твердое, как камень, — отвечал Петер.

Эзехиль вытаращил на него глаза, оглянулся, не слышит ли их кто, и сказал:

— Откуда ты знаешь? Может быть, и твое сердце больше уже не бьется?

— Нет, не бьется, во всяком случае, не у меня в груди, — ответил Петер Мунк. — Но скажи мне, — теперь ты знаешь, о чем я говорю, — что станется с нашими сердцами?

— Да тебе-то что за печаль, приятель? — смеясь, спросил Эзехиль. — На этом свете ты живешь припеваючи, ну и будет с

тебя. Тем-то и хороши наши холодные сердца, что от таких мыслей нам ни чуточки не страшно.

— Что верно, то верно, но мысли-то в голову лезут. И ежели я теперь не знаю страха, то хорошо помню, как ужасно боялся адских мучений, когда был еще маленьким наивным мальчиком.

— Ну, хорошего нам ждать не приходится, — заметил Эзехиль. — Как-то раз я спросил об этом у одного учителя, он сказал, что после нашей смерти сердца будут взвешены — велика ли тяжесть грехов. Легкие сердца взлетят вверх, тяжелые падут вниз; я думаю, наши камни потянут немало.

— Да уж конечно, — ответил Петер. — Но мне и самому часто не по себе оттого, что мое сердце остается таким безучастным и равнодушным, когда я думаю о подобных вещах.

Так они говорили; однако в ту же ночь Петер пять или шесть раз слышал, как знакомый голос шептал ему в ухо: «Петер, добудь себе живое сердце!» Он не испытывал раскаяния в том, что убил жену, но когда говорил челяди, что она уехала, то сам при этом всякий раз думал: «Куда же она могла уехать?» Так прошло шесть дней; по ночам он неизменно слышал тот же голос и все думал о маленьком лесовике и его страшной угрозе; но на седьмое утро он вскочил с постели и воскликнул: «Ну ладно, пойду попытаюсь добыть себе живое сердце, мертвый камень в моей груди делает мою жизнь скучной и бессмысленной». Он поспешно надел воскресное платье, сел на лошадь и поскакал к Еловому Бугру. Достигнув того места на Еловом Бугре, где ели стояли особенно густо, он спешился, привязал лошадь, торопливым шагом направился к толстой ели и, став перед ней, произнес заклинание:

Хранитель Клада в лесу густом!
Средь елей зеленых таится твой дом.
К тебе с надеждой всегда взывал,
Кто в воскресенье свет увидал.

И Стеклянный Человечек явился, но не такой приветливый и ласковый, как прежде, а хмурый и печальный; на нем был сюртучок из черного стекла, а со шляпы спускалась длинная траурная вуаль, и Петер сразу понял, по ком он надел траур.

— Что хочешь ты от меня, Петер Мунк? — спросил он глухим голосом.

— У меня осталось еще одно желание, господин Хранитель Клада, — ответил Петер, не поднимая глаз.

— Разве каменные сердца могут желать? — спросил Человечек. — У тебя есть все, чего требовал твой дурной нрав, и я вряд ли смогу исполнить твое желание.

— Но ведь вы подарили мне три желания; одно-то у меня еще осталось.

— И все же я могу тебе в нем отказать, если оно глупое, — продолжал лесовик, — но говори, послушаем, чего ты желаешь.

— Тогда выньте у меня из груди мертвый камень и отдайте мне мое живое сердце! — сказал Петер.

— Разве я заключил с тобой эту сделку? — спросил Стеклянный Человечек. — И разве я Голландец Михель, который дарит богатство вместе с каменным сердцем? Там, у него, ищи свое сердце.

— Ах, он никогда мне его не вернет! — ответил Петер.

— Жаль мне тебя, хоть ты и негодяй, — произнес Человечек после некоторого раздумья. — Но поскольку твое желание не глупо, то я не могу вовсе отказать тебе и оставить без всякой помощи. Итак, слушай: силой ты сердце себе не вернешь, а вот хитростью — пожалуй, и, может быть, даже без особого труда, ведь Михель был и остался глупым Михелем, хоть он и почитает себя великим умником. Ступай прямо к нему и сделай все, как я тебе скажу.

Он научил Петера, как себя вести, и дал ему крестик из прозрачнейшего стекла.

— Жизни он тебя лишить не сможет и отпустит на волю, если ты сунешь ему под нос этот крестик и при этом будешь молиться. А как только получишь от него то, чего добивался, приходи опять ко мне, на это же место.

Петер Мунк взял крестик, постарался хорошенько запомнить все наставления Человечка и отправился дальше, во владения Голландца Михеля. Он трижды позвал его по имени, и великан мгновенно явился.

— Ты убил жену? — с ужасным смехом спросил он. — Я бы поступил так же, она раздаривала твое имущество нищим. Но тебе придется на время уехать — ее будут искать, не найдут, и поднимется шум; так что тебе, верно, нужны деньги, за этим ты и пришел?

— Ты угадал, — ответил Петер. — Только на этот раз денег надо побольше — до Америки-то далеко.

Михель пошел вперед и привел его к себе в дом; там он открыл сундук, полный денег, и стал доставать оттуда целые столбики золотых монет. Пока он отсчитывал Петеру деньги, тот сказал:

— А ты, Михель, пустобрех! Ловко ты меня провел — сказал, что у меня в груди камень, а мое сердце, мол, у тебя!

— Разве это не так? — удивился Михель. — Неужели ты слышишь свое сердце? Разве оно у тебя не холодное как лед? Разве ты чувствуешь страх или горе или способен в чем-то раскаиваться?

— Ты просто остановил мое сердце, но оно по-прежнему у меня в груди, и у Эзехиля тоже, он мне и сказал, что ты нас надул, где уж тебе вынуть у человека сердце из груди, да еще так, чтобы он ничего не почувствовал, для этого надо быть волшебником.

— Уверяю тебя, — раздраженно воскликнул Михель, — у Эзехиля и у всех, кто получил от меня богатство, такие же каменные сердца, как у тебя, а ваши настоящие хранятся у меня здесь, в комнате.

— Ну и горазд ты врать! — засмеялся Петер. — Это ты рассказывай кому-нибудь другому! Думаешь, я не навидался, когда путешествовал, всяких диковинных штук? Сердца, что у тебя в комнате, искусственные, из воска. Ты богат, спору нет, но колдовать ты не умеешь.

Тут великан рассердился и распахнул дверь в комнату.

— Ну-ка, войди и прочитай ярлыки; вон в той склянке — сердце Петера Мунка, гляди, как оно трепещет. Может ли воск шевелиться?

— И все-таки оно из воска, — отвечал Петер. — Настоящее сердце бьется совсем не так, мое-то все еще у меня в груди. Нет, колдовать ты не умеешь.

— Ладно, я тебе сейчас докажу! — сердито крикнул Михель. — Ты сам почувствуешь, что это сердце твое.

Он взял сердце Петера, распахнул на нем куртку, вынул из его груди камень и показал ему. Потом подышал на сердце и осторожно вставил его на место. Петер сразу почувствовал, как оно забилось, и обрадовался — он снова мог радоваться!

— Ну как, убедился? — улыбаясь, спросил его Михель.

— Да, твоя правда, — ответствовал Петер, осторожно доставая из кармана крестик. — Никогда бы не поверил, что можно делать такие чудеса!

— Верно? Как видишь, колдовать я умею. Ну, а теперь давай я вставлю тебе твой камень обратно.

— Тихонечко, господин Михель! — крикнул Петер, сделав шаг назад и держа перед собой крестик. — Попалась рыбка на крючок. На сей раз в дураках остался ты! — И он принялся читать молитвы, какие только мог вспомнить.

Тут Михель стал уменьшаться — он делался все ниже и ниже, потом пополз по полу, извиваясь, словно червь, стеная и охая, а сердца вокруг забились и застучали, как часы в мастерской часовщика. Петер испугался, его охватил ужас, и он бросился прочь из комнаты, прочь из дома; не помня себя от страха, вскарабкался он по скале, ибо слышал, как Михель вскочил, стал топать ногами, бесноваться и слать ему вслед ужасные проклятья. Выбравшись наверх, Петер поспешил на Еловый Бугор. Тут разразилась страшная гроза; слева и справа от него сверкали молнии, раскалывая деревья, но он целым и невредимым достиг владений Стеклянного Человечка.

Сердце его радостно билось уже потому только, *что оно билось*. Но вот Петер с ужасом оглянулся на свою жизнь, — она была подобна грозе, которая за минуту перед тем расщепляла вокруг него прекраснейшие деревья. Петер подумал о Лизбет, своей красивой и доброй жене, которую он убил из жадности, и показался себе настоящим извергом; прибежав к обиталищу Стеклянного Человечка, он горько разрыдался.

Хранитель Клада сидел под елью и курил маленькую трубку, но смотрел он куда веселее, чем давеча.

— Что ты плачешь, Петер-угольщик? — спросил он. — Может быть, тебе не удалось получить обратно свое сердце и ты так и остался с каменным?

— Ах, сударь! — вздохнул Петер. — Пока у меня было холодное сердце, я никогда не плакал, глаза у меня были сухими, как земля в июльский зной, но теперь мое собственное сердце рвется на части, лишь подумаю, что я натворил: должников своих я довел до сумы, больных и нищих травил собаками; да вы сами видели, как мой хлыст обрушился на прекрасное чело жены!

— Петер! Ты был великим грешником! — сказал Человечек. — Деньги и праздность развратили тебя, и твое сердце окаменело, перестало чувствовать радость и горе, раскаяние и жалость. Но раскаяние смягчает вину, и, знай я, что ты искренне сожалеешь о своей жизни, я бы мог еще кое-что для тебя сделать.

— Ничего я больше не хочу, — отвечал Петер, горестно повесив голову. — Моя жизнь кончена, мне уж радости не видать; что стану делать я один на всем свете? Матушка никогда не простит мне того, как я над ней издевался, быть может, я, чудовище, свел ее в могилу! А Лизбет, жена моя! Лучше убейте меня, господин Хранитель Клада, тогда уж разом кончится моя злосчастная жизнь!

— Хорошо, — отвечал Человечек, — если такова твоя воля, — топор у меня под рукой.

Он спокойно вынул трубочку изо рта, выбил ее и сунул в карман. Потом неторопливо встал и скрылся в ельнике. А Петер, плача, сел на траву; жизнь для него теперь ничего не значила, и он покорно ждал рокового удара. Немного погодя он услыхал у себя за спиной легкие шаги и подумал: «Вот и конец!»

— Оглянись еще разок, Петер Мунк! — воскликнул Человечек.

Петер вытер слезы, оглянулся и увидел свою мать и жену Лизбет, которые ласково глядели на него. Он радостно вскочил на ноги.

— Так ты жива, Лизбет! И вы здесь, матушка, — вы простили меня?

— Они простят тебя, — произнес Стеклянный Человечек, — ибо ты искренне раскаялся, и все будет забыто. Возвращайся теперь домой, в отцовскую хижину, и стань угольщиком, как прежде; если ты будешь трудолюбив и честен, то научишься уважать свое ремесло, а твои соседи будут любить и почитать тебя больше, чем если бы ты имел десять бочек золота.

Вот что сказал Стеклянный Человечек, и на этом он с ними простился.

Все трое не знали, как им хвалить и благословлять его, и счастливые отправились домой.

Великолепного дома Петера-богача больше не существовало; в него ударила молния, и он сгорел вместе со всем богатством; но до отцовской хижины было недалеко, туда и вел теперь

их путь, а о потере имущества они нисколько не сокрушались.

Но каково было их удивление, когда они подошли к хижине! Она превратилась в добротный крестьянский дом, убранство его было просто, но удобно и опрятно.

— Это сделал добрый Стеклянный Человечек! — воскликнул Петер.

— Какой прекрасный дом! — сказала Лизбет. — Мне здесь гораздо уютнее, чем в большом доме со множеством слуг.

С тех пор Петер Мунк стал трудолюбивым и добросовестным человеком. Он довольствовался тем, что имел, неутомимо занимался своим ремеслом, а со временем без посторонней помощи нажил состояние и снискал уважение и любовь во всем крае. Он никогда больше не ссорился с Лизбет, чтил свою мать и подавал бедным, которые стучались к нему в дверь. Когда через несколько лет Лизбет произвела на свет хорошенького мальчика, Петер отправился на Еловый Бугор и произнес заклинание. Но Стеклянный Человечек не показывался.

— Господин Хранитель Клада! — громко позвал Петер. — Послушайте, мне ничего не надо, я только хочу просить вас быть крестным отцом моему сыночку!

Но никто не отозвался, только налетевший вдруг ветер прошумел в елях и сбросил в траву несколько шишек.

— Ну что ж, раз вы не хотите показаться, возьму-ка я на память эти шишки! — воскликнул Петер, сунул в карман шишки и пошел домой. Когда же дома он снял праздничную куртку и его мать, перед тем как уложить ее в сундук, вывернула карманы, оттуда выпали четыре тяжелых свертка, а когда их развернули, там оказались сплошь новенькие баденские талеры, и среди них ни одного фальшивого. Это был подарок Человечка из елового леса своему крестнику, маленькому Петеру.

С тех пор и жили они мирно и безбедно, и еще много лет спустя, когда у Петера Мунка уже волосы поседели, он не уставал повторять: «Да, уж лучше довольствоваться малым, чем иметь золото и всякие другие богатства и при этом — холодное сердце».

Щелкунчик и мышиный король

Елка

Двадцать четвертого декабря детям советника медицины Штальбаума весь день не разрешалось входить в проходную комнату, а уж в смежную с ней гостиную их совсем не пускали. В спальне, прижавшись друг к другу, сидели в уголке Фриц и Мари. Уже совсем стемнело, и им было очень страшно, потому что в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц таинственным шепотом сообщил сестренке (ей только что минуло семь лет), что с самого утра в запертых комнатах чем-то шуршали, шумели и тихонько постукивали. А недавно через прихожую прошмыгнул маленький темный человечек с большим ящиком под мышкой; но Фриц наверное знает, что это их крестный, Дроссельмейер. Тогда Мари захлопала от радости в ладоши и воскликнула:

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный?

Старший советник суда Дроссельмейер не отличался красотой: это был маленький, сухонький человечек с морщинистым лицом, с большим черным пластырем вместо правого глаза и совсем лысый, почему он и носил красивый белый парик; а парик этот был сделан из стекла, и притом чрезвычайно искусно. Крестный сам был великим искусником, он даже знал толк в часах и даже умел их делать. Поэтому, когда у Штальбаумов начинали капризничать и переставали петь какие-нибудь часы, всегда приходил крестный Дроссельмейер, снимал стеклянный парик, стаскивал желтенький сюртучок, повязывал голубой передник и тыкал часы колючими инструментами, так что маленькой Мари было их очень жалко; но вреда часам он не причинял, наоборот — они снова оживали и сейчас же принимались весело тик-тикать, звонить и петь, и все этому очень радовались. И всякий раз у крестного в кармане находилось что-нибудь занимательное для ребят: то человечек, ворочающий глазами и шаркающий ножкой, так что на него нельзя смотреть без смеха, то коробочка, из которой выскакивает птичка, то еще какая-нибудь штучка. А к Рождеству он всегда мастерил красивую, затейливую игрушку, над которой много трудился. Поэтому родители тут же заботливо убирали его подарок.

— Ах, что-то смастерил нам на этот раз крестный! — воскликнула Мари.

Фриц решил, что в нынешнем году это непременно будет крепость, а в ней будут маршировать и выкидывать артикулы прехорошенькие нарядные солдатики, а потом появятся другие солдатики и пойдут на приступ, но те солдаты, что в крепости, отважно выпалят в них из пушек, и поднимется шум и грохот.

— Нет-нет, — перебила Фрица Мари, — крестный рассказывал мне о прекрасном саде. Там большое озеро, по нему плавают чудо какие красивые лебеди с золотыми ленточками на шее и распевают красивые песни. Потом из сада выйдет девочка, подойдет к озеру, приманит лебедей и будет кормить их сладким марципаном...

— Лебеди не едят марципана, — не очень вежливо перебил ее Фриц, — а целый сад крестному не сделать. Да и какой толк нам от его игрушек? У нас тут же их отбирают. Нет, мне куда

больше нравятся папины и мамины подарки: они остаются у нас, мы сами ими распоряжаемся.

И вот дети принялись гадать, что им подарят родители. Мари сказала, что мамзель Трудхен (ее большая кукла) совсем испортилась: она стала такой неуклюжей, то и дело падает на пол, так что у нее теперь все лицо в противных отметинах, а уж водить ее в чистом платье нечего и думать. Сколько ей ни выговаривай, ничего не помогает. И потом, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась Гретиным зонтичком. Фриц же уверял, что у него в придворной конюшне как раз не хватает гнедого коня, а в войсках маловато кавалерии. Папе это хорошо известно.

Итак, дети отлично знали, что родители накупили им всяких чудесных подарков и сейчас расставляют их на столе; но в то же время они не сомневались, что добрый младенец Христос осиял все своими ласковыми и кроткими глазами и что рождественские подарки, словно тронутые его благостной рукой, доставляют больше радости, чем все другие. Про это напомнила детям, которые без конца шушукались об ожидаемых подарках, старшая сестра Луиза, прибавив, что младенец Христос всегда направляет руку родителей, и детям дарят то, что доставляет им истинную радость и удовольствие; а об этом он знает гораздо лучше самих детей, которые поэтому не должны ни о чем ни думать, ни гадать, а спокойно и послушно ждать, что им подарят. Сестрица Мари призадумалась, а Фриц пробормотал себе под нос: «А все-таки мне бы хотелось гнедого коня и гусаров».

Совсем стемнело. Фриц и Мари сидели, крепко прижавшись друг к другу, и не смели проронить ни слова; им чудилось, будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. Светлый луч скользнул по стене, тут дети поняли, что младенец Христос отлетел на сияющих облаках к другим счастливым детям. И в то же мгновение прозвучал тонкий серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери распахнулись, и елка засияла таким блеском, что дети с громким криком: «Ах, ах!» — замерли на пороге. Но папа и мама подошли к двери, взяли детей за руки и сказали:

— Идемте, идемте, милые детки, посмотрите, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Я обращаюсь непосредственно к тебе, благосклонный читатель или слушатель, — Фриц, Теодор, Эрнст, все равно, как бы тебя ни звали, — и прошу как можно живее вообразить себе рождественский стол, весь заставленный чудными пестрыми подарками, которые ты получил в нынешнее Рождество, тогда тебе нетрудно будет понять, что дети, обомлев от восторга, замерли на месте и смотрели на все сияющими глазами. Только минуту спустя Мари глубоко вздохнула и воскликнула:

— Ах, как чудно, ах, как чудно!

А Фриц несколько раз высоко подпрыгнул, на что был большой мастер. Уж, наверно, дети весь год были добрыми и послушными, потому что еще ни разу они не получали таких чудесных, красивых подарков, как сегодня.

Большая елка посреди комнаты была увешана золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сласти. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло. И чего там только не было! Не знаю, кому под силу это описать!.. Мари увидела нарядных кукол, хорошенькую игрушечную посуду, но больше всего обрадовало ее шелковое платьице, искусно отделанное цветными лентами и висевшее так, что Мари могла любоваться им со всех сторон; она и любовалась им всласть, то и дело повторяя:

— Ах, какое красивое, какое милое, милое платьице! И мне позволят, наверное, позволят, в самом деле позволят его надеть!

Фриц тем временем уже три или четыре раза галопом и рысью проскакал вокруг стола на новом гнедом коне, который, как он и предполагал, стоял на привязи у стола с подарками. Слезая, он сказал, что конь — лютый зверь, но ничего: уж он его вышколит. Потом он произвел смотр новому эскадрону гусар; они были одеты в великолепные красные мундиры, шитые золотом, размахивали серебряными саблями и сидели на таких белоснежных конях, что можно подумать, будто и кони тоже из чистого серебра.

Только что дети, немного угомонившись, хотели взяться за книжки с картинками, лежавшие раскрытыми на столе, чтобы можно было любоваться разными замечательными цветами, пестро раскрашенными людьми и хорошенькими играющими детками, так натурально изображенными, будто они и впрямь живые и вот-вот заговорят, — так вот, только что дети хотели взяться за чудесные книжки, как опять прозвенел колокольчик. Дети знали, что теперь черед подаркам крестного Дроссельмейера, и подбежали к столу, стоявшему у стены. Ширмы, за которыми до тех пор был скрыт стол, быстро убрали. Ах, что увидели дети! На зеленой, усеянной цветами лужайке стоял замечательный замок со множеством зеркальных окон и золотых башен. Заиграла музыка, двери и окна распахнулись, и все увидели, что в залах прохаживаются крошечные, но очень изящно сделанные кавалеры и дамы в шляпах с перьями и в платьях с длинными шлейфами. В центральном зале, который так весь и сиял (столько свечек горело в серебряных люстрах!), под музыку плясали дети в коротких камзольчиках и юбочках. Господин в изумрудно-зеленом плаще выглядывал из окна, раскланивался и снова прятался, а внизу, в дверях замка, появлялся и снова уходил крестный Дроссельмейер, только ростом он был с папин мизинец, не больше.

Фриц положил локти на стол и долго рассматривал чудесный замок с танцующими и прохаживающимися человечками. Потом он попросил:

— Крестный, а крестный! Пусти меня к себе в замок!

Старший советник суда сказал, что этого никак нельзя. И он был прав: со стороны Фрица глупо было проситься в замок, который вместе со всеми своими золотыми башнями был меньше его. Фриц согласился. Прошла еще минутка, в замке все так же прохаживались кавалеры и дамы, танцевали дети, выглядывал все из того же окна изумрудный человечек, а крестный Дроссельмейер подходил все к той же двери.

Фриц в нетерпении воскликнул:

— Крестный, а теперь выйди из той, другой, двери!

— Никак этого нельзя, милый Фрицхен, — возразил старший советник суда.

— Ну, тогда, — продолжал Фриц, — вели зеленому человечку, что выглядывает из окна, погулять с другими по залам.

— Этого тоже никак нельзя, — снова возразил старший советник суда.

— Ну, тогда пусть спустятся вниз дети! — воскликнул Фриц. — Мне хочется получше их рассмотреть.

— Ничего этого нельзя, — сказал старший советник суда раздраженным тоном. — Механизм сделан раз навсегда, его не переделаешь.

— Ах, та-ак! — протянул Фриц. — Ничего этого нельзя... Послушай, крестный, раз нарядные человечки в замке только и знают, что повторять одно и то же, так что в них толку? Мне они не нужны. Нет, мои гусары куда лучше! Они маршируют вперед, назад, как мне вздумается, и не заперты в доме.

И с этими словами он убежал к рождественскому столу, и по его команде эскадрон на серебряных конях начал скакать туда и сюда — по всем направлениям, рубить саблями и стрелять сколько душе угодно. Мари тоже потихоньку отошла: и ей тоже наскучили танцы и гулянье куколок в замке. Только она постаралась сделать это незаметно, не так, как братец Фриц, потому что она была доброй и послушной девочкой. Старший советник суда сказал недовольным тоном родителям:

— Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок.

Но тут мать попросила показать ей внутреннее устройство и удивительный, очень искусный механизм, приводивший в движение человечков. Дроссельмейер разобрал и снова собрал всю игрушку. Теперь он опять повеселел и подарил детям несколько красивых коричневых человечков, у которых были золотые лица, руки и ноги; все они были из Торна и превкусно пахли пряниками. Фриц и Мари очень им обрадовались. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела подаренное родителями нарядное платье, которое ей очень шло; а Мари попросила, чтоб ей позволили, раньше чем надевать новое платье, еще немножко полюбоваться на него, что ей охотно разрешили.

Любимец

А на самом деле Мари потому не отходила от стола с подарками, что только сейчас заметила что-то, чего раньше не видела: когда выступили гусары Фрица, до того стоявшие в

строю у самой елки, очутился на виду замечательный человечек. Он вел себя тихо и скромно, словно спокойно ожидая, когда дойдет очередь и до него. Правда, он был не очень складный: чересчур длинное и плотное туловище на коротеньких и тонких ножках, да и голова тоже как будто великовата. Зато по щегольской одежде сразу было видно, что это человек благовоспитанный и со вкусом. На нем был очень красивый блестящий фиолетовый гусарский доломан, весь в пуговичках и позументах, такие же рейтузы и столь щегольские сапожки, что едва ли доводилось носить подобные и офицерам, а тем паче студентам; они сидели на субтильных ножках так ловко, будто были на них нарисованы. Конечно, нелепо было, что при таком костюме он прицепил на спину узкий неуклюжий плащ, словно выкроенный из дерева, а на голову нахлобучил шапчонку рудокопа, но Мари подумала: «Ведь крестный Дроссельмейер тоже ходит в прескверном рединготе и в смешном колпаке, но это не мешает ему быть милым, дорогим крестным». Кроме того, Мари пришла к заключению, что крестный, будь он даже таким же щеголем, как человечек, все же никогда не сравняется с ним по миловидности. Внимательно вглядываясь в славного человечка, который полюбился ей с первого же взгляда, Мари заметила, каким добродушием светилось его лицо. Зеленоватые навыкате глаза смотрели приветливо и доброжелательно. Человечку очень шла тщательно завитая борода из белой бумажной штопки, окаймлявшая подбородок, — ведь так заметнее выступала ласковая улыбка на его алых губах.

— Ах! — воскликнула наконец Мари. — Ах, милый папочка, для кого этот хорошенький человечек, что стоит под самой елкой?

— Он, милая деточка, — ответил отец, — будет усердно трудиться для всех вас: его дело — аккуратно разгрызать твердые орехи, и куплен он и для Луизы, и для тебя с Фрицем.

С этими словами отец бережно взял его со стола, приподнял деревянный плащ, и тогда человечек широко-широко разинул рот и оскалил два ряда очень белых острых зубов. Мари всунула ему в рот орех, и — щелк! — человечек разгрыз его, скорлупа упала, и у Мари на ладони очутилось вкусное ядрышко. Теперь уже все — и Мари тоже — поняли, что нарядный человечек вел свой род от Щелкунчиков и продолжал профессию предков. Мари громко вскрикнула от радости, а отец сказал:

— Раз тебе, милая Мари, Щелкунчик пришелся по вкусу, так ты уж сама и заботься о нем и береги его, хотя, как я уже сказал, и Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами.

Мари сейчас же взяла Щелкунчика и дала ему грызть орехи, но она выбирала самые маленькие, чтобы человечку не приходилось слишком широко разевать рот, так как это, по правде сказать, его не красило. Луиза присоединилась к ней, и любезный друг Щелкунчик потрудился и для нее; казалось, он выполнял свои обязанности с большим удовольствием, потому что неизменно приветливо улыбался.

Фрицу тем временем надоело скакать на коне и маршировать. Когда он услыхал, как весело щелкают орешки, ему тоже захотелось их отведать. Он подскочил к сестрам и от всего сердца расхохотался при виде потешного человечка, который теперь переходил из рук в руки и неустанно разевал и закрывал рот. Фриц совал ему самые большие и твердые орехи, но вдруг раздался треск — крак-крак! — три зуба выпали у Щелкунчика изо рта и нижняя челюсть отвисла и зашаталась.

— Ах, бедный, милый Щелкунчик! — закричала Мари и отобрала его у Фрица.

— Что за дурак! — сказал Фриц. — Берется орехи щелкать, а у самого зубы никуда не годятся. Верно, он и дела своего не знает. Дай его сюда, Мари! Пусть щелкает мне орехи. Не беда, если и остальные зубы обломает, да и всю челюсть в придачу. Нечего с ним, бездельником, церемониться!

— Нет, нет! — с плачем закричала Мари. — Не отдам я тебе моего милого Щелкунчика. Посмотри, как жалостно глядит он на меня и показывает свой больной ротик! Ты злой: ты бьешь своих лошадей и даже позволяешь солдатам убивать друг друга.

— Так полагается, тебе этого не понять! — крикнул Фриц. — А Щелкунчик не только твой, он и мой тоже. Давай его сюда!

Мари разрыдалась и поскорее завернула больного Щелкунчика в носовой платок. Тут подошли родители с крестным Дроссельмейером. К огорчению Мари, он принял сторону Фрица. Но отец сказал:

— Я нарочно отдал Щелкунчика на попечение Мари. А он, как я вижу, именно сейчас особенно нуждается в ее заботах, так пусть уж она одна им и распоряжается и никто в это дело не вмешивается. Вообще меня очень удивляет, что Фриц требует

дальнейших услуг от пострадавшего на службе. Как настоящий военный, он должен знать, что раненых никогда не оставляют в строю.

Фриц очень сконфузился и, оставив в покое орехи и Щелкунчика, тихонько перешел на другую сторону стола, где его гусары, выставив, как полагается, часовых, расположились на ночлег. Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы; пострадавшую челюсть она подвязала красивой белой ленточкой, которую отколола от своего платья, а потом еще заботливее укутала платком бедного человечка, побледневшего и, видимо, напуганного. Баюкая его, как маленького ребенка, она принялась рассматривать красивые картинки в новой книге, которая лежала среди других подарков. Она очень рассердилась, хотя это было совсем на нее не похоже, когда крестный стал смеяться над тем, что она нянчится с таким уродцем. Тут она опять подумала о странном сходстве с Дроссельмейером, которое отметила уже при первом взгляде на человечка, и очень серьезно сказала:

— Как знать, милый крестный, как знать, был бы ты таким же красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если бы принарядился не хуже его и надел такие же щегольские, блестящие сапожки.

Мари не могла понять, почему так громко рассмеялись родители, и почему у старшего советника суда так зарделся нос, и почему он теперь не смеется вместе со всеми. Верно, на то были свои причины.

Чудеса

Как только войдешь к Штальбаумам в гостиную, тут, сейчас же у двери налево, у широкой стены, стоит высокий стеклянный шкаф, куда дети убирают прекрасные подарки, которые получают каждый год. Луиза была еще совсем маленькой, когда отец заказал шкаф очень умелому столяру, а тот вставил в него такие прозрачные стекла и вообще сделал все с таким умением, что в шкафу игрушки выглядели, пожалуй, даже еще ярче и красивей, чем когда их брали в руки. На верхней полке, до которой Мари с Фрицем было не добраться, стояли замысловатые изделия господина Дроссельмейера; следующая была отведена под книжки с картинками; две нижние полки Мари и Фриц могли занимать

чем им угодно. И всегда выходило так, что Мари устраивала на нижней полке кукольную комнату, а Фриц над ней расквартировывал свои войска. Так случилось и сегодня. Пока Фриц расставлял наверху гусар, Мари отложила внизу к сторонке мамзель Трудхен, посадила новую нарядную куклу в отлично обставленную комнату и напросилась к ней на угощение. Я сказал, что комната была отлично обставлена, и это правда; не знаю, есть ли у тебя, моя внимательная слушательница Мари, так же как у маленькой Штальбаум — ты уже знаешь, что ее тоже зовут Мари, — так вот я говорю, что не знаю, есть ли у тебя, так же как у нее, пестрый диванчик, несколько прехорошеньких стульчиков, очаровательный столик, а главное, нарядная, блестящая кроватка, на которой спят самые красивые на свете куклы, — все это стояло в уголке в шкафу, стенки которого в этом месте были даже оклеены цветными картинками, и ты легко поймешь, что новая кукла, которую, как в этот вечер узнала Мари, звали Клерхен, чувствовала себя здесь прекрасно.

Был уже поздний вечер, приближалась полночь, и крестный Дроссельмейер давно ушел, а дети все еще не могли оторваться от стеклянного шкафа, как мама ни уговаривала их идти спать.

— Правда, — воскликнул наконец Фриц, — беднягам (он имел в виду своих гусар) тоже пора на покой, а в моем присутствии никто из них не посмеет клевать носом, в этом уж я уверен!

И с этими словами он ушел. Но Мари умильно просила:

— Милая мамочка, позволь мне побыть здесь еще минуточку, одну только минуточку! У меня так много дел, вот управлюсь и сейчас же лягу спать...

Мари была очень послушной, разумной девочкой, и потому мама могла спокойно оставить ее еще на полчасика одну с игрушками. Но чтобы Мари, заигравшись новой куклой и другими занимательными игрушками, не забыла погасить свечи, горевшие вокруг шкафа, мама все их задула, так что в комнате осталась только лампа, висевшая посреди потолка и распространявшая мягкий, уютный свет.

— Не засиживайся долго, милая Мари. А то тебя завтра не добудишься, — сказала мама, уходя в спальню.

Как только Мари осталась одна, она сейчас же приступила к тому, что уже давно лежало у нее на сердце, хотя она, сама не

зная почему, не решилась признаться в задуманном даже матери. Она все еще баюкала укутанного в носовой платок Щелкунчика. Теперь она бережно положила его на стол, тихонько развернула платок и осмотрела раны. Щелкунчик был очень бледен, но улыбался так жалостно и ласково, что тронул Мари до глубины души.

— Ах, Щелкунчик, миленький, — зашептала она, — пожалуйста, не сердись, что Фриц сделал тебе больно: он ведь не нарочно. Просто он огрубел от суровой солдатской жизни, а так он очень хороший мальчик, ты уж поверь мне! А я буду беречь тебя и заботливо выхаживать, пока ты совсем не поправишься и не повеселеешь. Вставить же тебе крепкие зубки, вправить плечи — это уж дело крестного Дроссельмейера: он на такие штуки мастер...

Однако Мари не успела договорить. Когда она упомянула имя Дроссельмейера, Щелкунчик вдруг скорчил злую мину, и в глазах у него сверкнули колючие зеленые огоньки. Но в ту минуту, когда Мари собралась уже по-настоящему испугаться, на нее опять глянуло жалобно улыбающееся лицо доброго Щелкунчика, и теперь она поняла, что черты его исказил свет мигнувшей от сквозняка лампы.

— Ах, какая я глупая девочка, ну чего напугалась и даже подумала, будто деревянная куколка может корчить гримасы! А все-таки я очень люблю Щелкунчика: ведь он такой потешный и такой добренький... Вот и надо за ним ухаживать как следует.

С этими словами Мари взяла своего Щелкунчика на руки, подошла к стеклянному шкафу, присела на корточки и сказала новой кукле:

— Очень прошу тебя, мамзель Клерхен, уступи свою постельку бедному больному Щелкунчику, а сама переночуй как-нибудь на диване. Подумай, ты ведь такая крепкая, и потом, ты совсем здорова — ишь какая ты круглолицая и румяная. Да и не у всякой, даже очень красивой куклы есть такой мягкий диван!

Мамзель Клерхен, разряженная по-праздничному и важная, надулась, не проронив ни слова.

— И чего я церемонюсь! — сказала Мари, сняла с полки кровать, бережно и заботливо уложила туда Щелкунчика, обвязала ему пострадавшие плечики очень красивой ленточкой, которую носила вместо кушака, и накрыла его одеялом по самый нос.

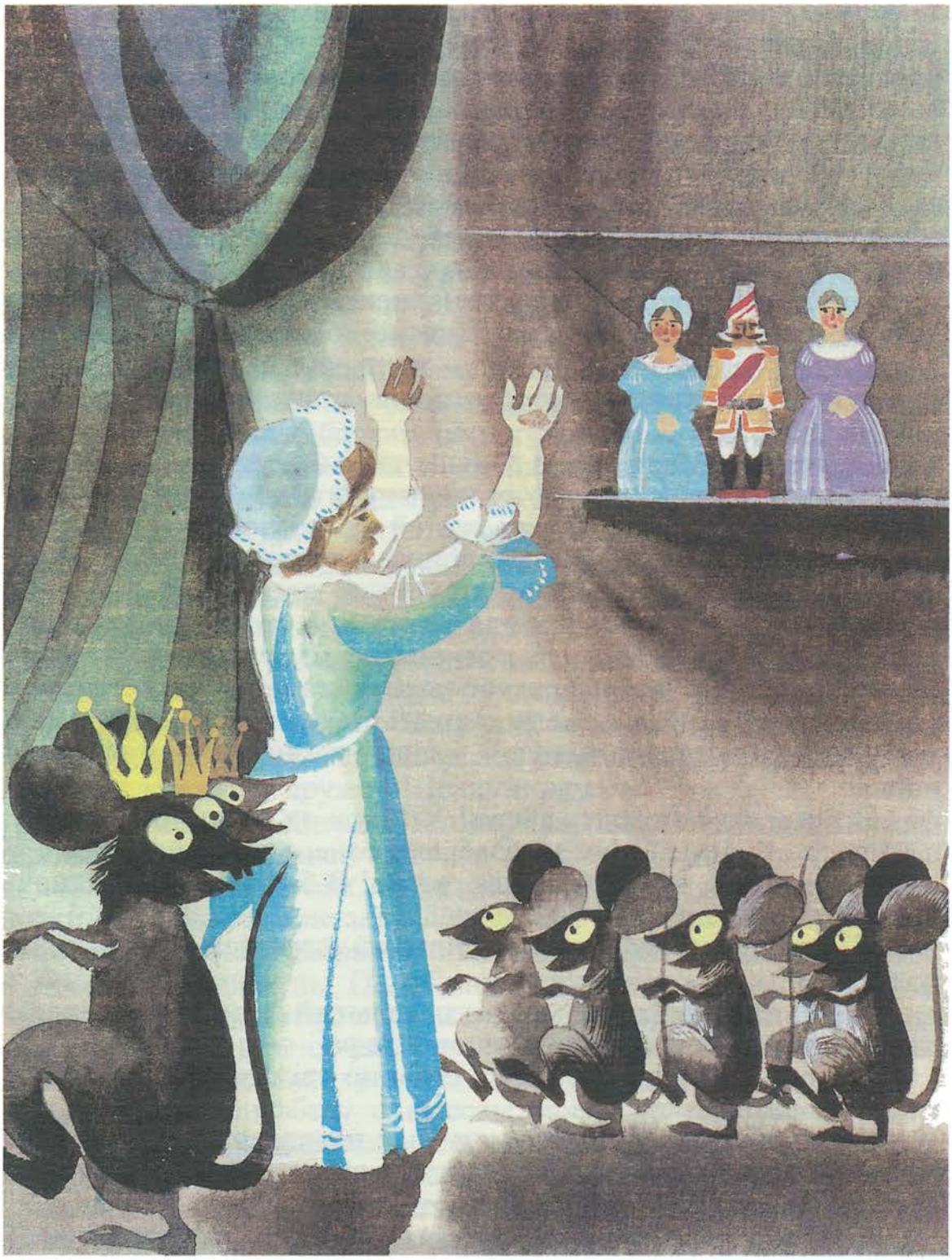
«Только незачем ему здесь оставаться у невоспитанной Клары», — подумала она и переставила кроватку вместе с Щелкунчиком на верхнюю полку, где он очутился около красивой деревни, в которой были расквартированы гусары Фрица. Она заперла шкаф и собралась уже уйти в спальню, как вдруг... слушайте внимательно, дети!.. как вдруг во всех углах — за печью, за стульями, за шкафами — началось тихое-тихое шуршанье. А часы на стене зашипели, захрипели все громче и громче, но никак не могли пробить двенадцать. Мари глянула туда: большая золоченая сова, сидевшая на часах, свесила крылья, совсем заслонила ими часы и вытянула вперед противную кошачью голову с кривым клювом. А часы хрипели громче и громче, и Мари явственно расслышала:

— Тик-и-так, тик-и-так! Не хрипите громко так! Слышит все король мышиный. Трик-и-трак, бум-бум! Ну, часы, напев старинный! Трик-и-трак, бум-бум! Ну, пробей, пробей, звонок: королю подходит срок!

И... «бим-бом, бим-бом!» — часы глухо и хрипло пробили двенадцать ударов. Мари очень струсила и чуть не убежала со страху, но тут она увидела, что на часах вместо совы сидит крестный Дроссельмейер, свесив полы своего желтого сюртука по обеим сторонам, словно крылья. Она собралась с духом и громко крикнула плаксивым голосом:

— Крестный, послушай, крестный, зачем ты туда забрался? Слезай вниз и не пугай меня, гадкий крестный!

Но тут отовсюду послышалось странное хихиканье и писк, и за стеной пошли беготня и топот, будто от тысячи крошечных лапок, и тысячи крошечных огонечков глянули сквозь щели в полу. Но это были не огоньки — нет, а маленькие блестящие глазки, и Мари увидела, что отовсюду выглядывают и выбираются из-под пола мыши. Вскоре по всей комнате пошло: топ-топ, хоп-хоп! Все ярче светились глаза мышей, все несметнее становились их полчища; наконец они выстроились в том же порядке, в каком Фриц обычно выстраивал своих солдатиков перед боем. Мари это очень насмешило; у нее не было врожденного отвращения к мышам, как у иных детей, и страх ее совсем было улегся, но вдруг послышался такой ужасный и пронзительный писк, что у нее по спине забегали мурашки. Ах, что она увидела! Нет, право же, уважаемый читатель Фриц, я отлично



знаю, что у тебя, как и у мудрого, отважного полководца Фрица Штальбаума, бесстрашное сердце, но если бы ты увидел то, что предстало взорам Мари, право, ты бы удрал. Я даже думаю, ты бы шмыгнул в постель и без особой надобности натянул одеяло по самые уши. Ах, бедная Мари не могла этого сделать, потому что — вы только послушайте, дети! — к самым ногам ее, словно от подземного толчка, дождем посыпались песок, известка и осколки кирпича, и из-под пола с противным шипеньем и писком вылезли семь мышиных голов, и все войско хором трижды приветствовало громким писком огромную, увенчанную семью диадемами мышь. Теперь войско сразу пришло в движение и — хоп-хоп, топ-топ! — направилось прямо к шкафу, прямо на Мари, которая все еще стояла, прижавшись к стеклянной дверце.

От ужаса у Мари уже и раньше так колотилось сердце, что она боялась, как бы оно тут же не выпрыгнуло из груди, — ведь тогда бы она умерла. Теперь же ей показалось, будто кровь застыла у нее в жилах. Она зашаталась, теряя сознание, но тут вдруг раздалось: клик-клак-хрр!.. — и посыпались осколки стекла, которое Мари разбила локтем. В ту же минуту она почувствовала жгучую боль в левой руке, но у нее сразу отлегло от сердца: она не слышала больше визга и писка. Все мигом стихло. И хотя она не смела открыть глаза, все же ей подумалось, что звон стекла испугал мышей и они попрятались по норам.

Но что же это опять такое? У Мари за спиной, в шкафу, поднялся странный шум и зазвенели тоненькие голосочки:

— Стройся, взвод! Стройся, взвод! В бой вперед! Полночь бьет! Стройся, взвод! В бой вперед!

И начался стройный и приятный перезвон мелодичных колокольчиков.

— Ах, да ведь это же мой музыкальный ящик! — обрадовалась Мари и быстро отскочила от шкафа.

Тут она увидела, что шкаф странно светится и в нем идет какая-то возня и суетня.

Куклы беспорядочно бегали взад и вперед и размахивали ручками. Вдруг поднялся Щелкунчик, сбросил одеяло и, одним прыжком соскочив с кровати, громко крикнул:

— Щелк-щелк-щелк, глупый мышиный полк! То-то будет толк,

мышиный полк! Щелк-щелк, мышиный полк — прет из щелок — выйдет толк!

И при этом он выхватил свою крохотную сабельку, замахал ею в воздухе и закричал:

— Эй вы, мои верные вассалы, други и братья! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

И сейчас же отозвались три скарамуша, Панталоне, четыре трубочиста, два бродячих музыканта и барабанщик:

— Да, наш государь, мы верны вам до гроба! Ведите нас в бой — на смерть или на победу!

И они ринулись вслед за Щелкунчиком, который, горя воодушевлением, отважился на отчаянный прыжок с верхней полки. Им-то было хорошо прыгать: они не только были разряжены в шелк и бархат, но и туловище у них было набито ватой и опилками; вот они и шлепались вниз, будто кулечки с шерстью. Но бедный Щелкунчик, уж наверное, переломал бы себе руки и ноги; подумайте только — от полки, где он стоял, до нижней было почти два фута, а сам он был хрупкий, словно выточенный из липы. Да, Щелкунчик, уж наверное, переломал бы себе руки и ноги, если бы в тот самый миг, как он прыгнул, мамзель Клерхен не соскочила с дивана и не приняла в свои нежные объятия потрясающего мечом героя.

— О милая, добрая Клерхен! — в слезах воскликнула Мари, — как я ошиблась в тебе! Уж конечно, ты от всего сердца уступила кроватку дружку Щелкунчику.

И вот мамзель Клерхен заговорила, нежно прижимая юного героя к своей шелковой груди:

— Разве можно вам, государь, идти в бой, навстречу опасности, больным и с не зажившими еще ранами! Взгляните, вот собираются ваши храбрые вассалы, они рвутся в бой и уверены в победе. Скарамуш, Панталоне, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, а среди куколок с сюрпризами у меня на полке заметно сильное оживление и движение. Соблаговолите, о государь, отдохнуть у меня на груди или же согласитесь созерцать вашу победу с высоты моей шляпы, украшенной перьями. — Так говорила Клерхен; но Щелкунчик вел себя совсем неподобающим образом и так брыкался, что Клерхен пришлось поскорее поставить его на полку. В то же мгновение он весьма учтиво опустился на одно колено и пролепетал:

— О прекрасная дама, и на поле брани не позабуду я оказанные мне вами милость и благоволение!

Тогда Клерхен нагнулась так низко, что схватила его за ручку, осторожно приподняла, быстро развязала на себе расшитый блестками кушак и собиралась нацепить его на человечка, но он отступил на два шага, прижал руку к сердцу и произнес весьма торжественно:

— О прекрасная дама, не извольте расточать на меня ваши милости, ибо... — он запнулся, глубоко вздохнул, быстро сорвал с плеча ленточку, которую повязала ему Мари, прижал ее к губам, повязал на руку в виде шарфа и, с воодушевлением размахивая сверкающим обнаженным мечом, спрыгнул быстро и ловко, словно птичка, с края полки на пол.

Вы, разумеется, сразу поняли, мои благосклонные и весьма внимательные слушатели, что Щелкунчик еще до того, как по-настоящему ожил, уже отлично чувствовал любовь и заботы, которыми окружила его Мари, и что только из симпатии к ней он не хотел принять от мамзель Клерхен ее пояс, несмотря на то что тот был очень красив и весь сверкал. Верный, благородный Щелкунчик предпочитал украсить себя скромной ленточкой Мари. Но что-то будет дальше?

Едва Щелкунчик прыгнул на пол, как вновь поднялся визг и писк. Ах, ведь под большим столом собрались несметные полчища злых мышей, и впереди всех выступает отвратительная мышь о семи головах!

Что-то будет?

Битва

— Барабанщик, мой верный вассал, бей общее наступление! — громко скомандовал Щелкунчик.

И тотчас же барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим манером, так что стеклянные дверцы шкафа задрожали и задребезжали. А в шкафу что-то загремело и затрещало, и Мари увидела, как разом открылись все коробки, в которых были расквартированы войска Фрица, и солдаты выпрыгнули из них прямо на нижнюю полку и там выстроились блестящими рядами. Щелкунчик бегал вдоль рядов, воодушевляя войска своими речами.

— Где эти негодяи трубачи? Почему они не трубят? — закричал в сердцах Щелкунчик. Затем он быстро повернулся к слегка побледневшему Панталоне, у которого сильно трясся длинный подбородок, и торжественно произнес: — Генерал, мне известны ваши доблесть и опытность. Все дело в быстрой оценке положения и использовании момента. Вверяю вам командование всей кавалерией и артиллерией. Коня вам не требуется — у вас очень длинные ноги, так что вы отлично поскачете и на своих на двоих. Исполняйте свой долг!

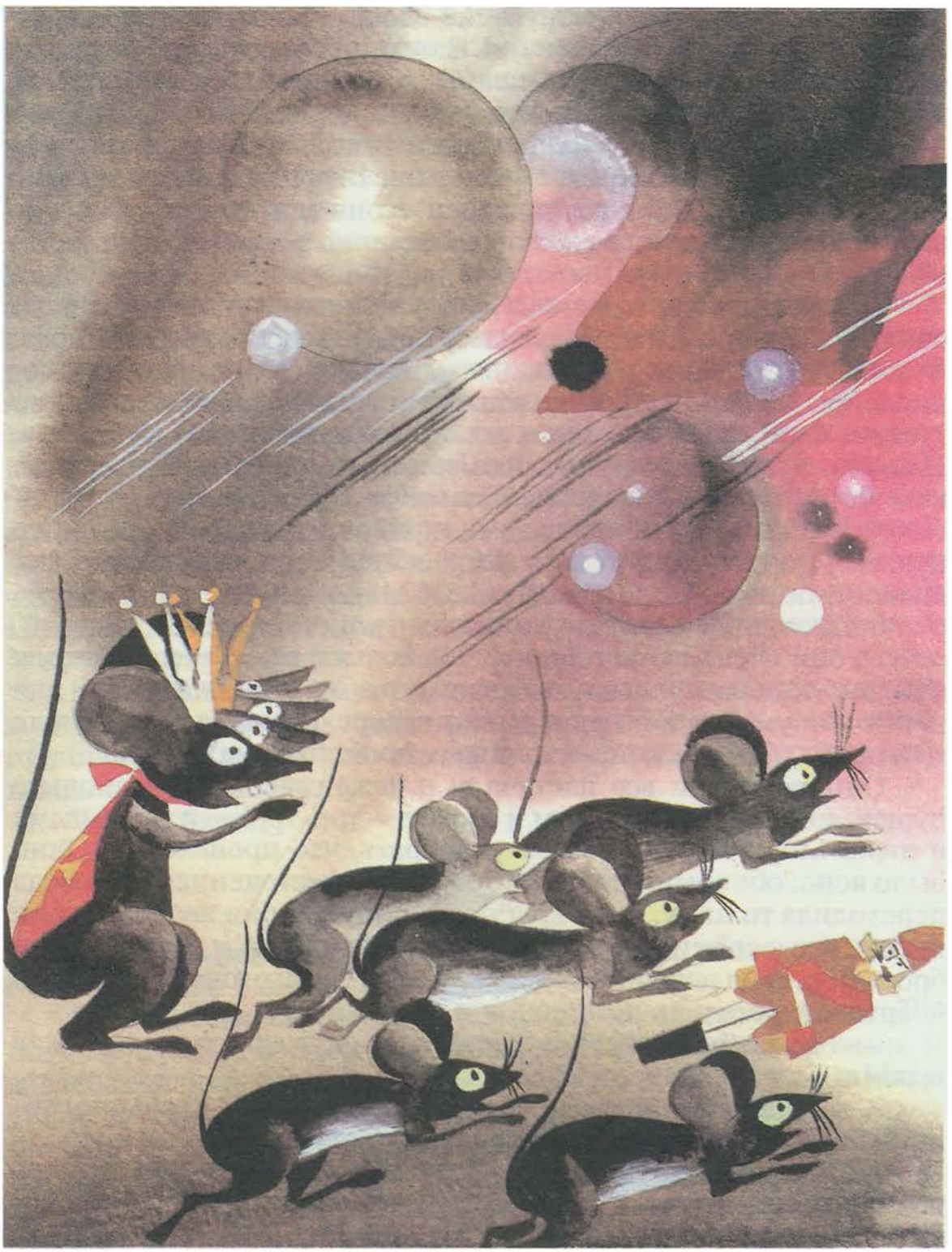
Панталоне тотчас всунул в рот длинные сухие пальцы и свистнул так пронзительно, будто звонко запели сто дудок враз. В шкафу послышалось ржанье и топот, и — гляди-ка! — кирасиры и драгуны Фрица, а впереди всех — новые, блестящие гусары, выступили в поход и вскоре очутились внизу, на полу. И вот полки один за другим промаршировали перед Щелкунчиком с развевающимися знаменами и с барабанным боем и выстроились широкими рядами поперек всей комнаты. Все пушки Фрица, сопровождаемые пушкарями, с грохотом выехали вперед и пошли бухать: бум-бум!.. И Мари увидела, как в густые полчища мышей полетело драже, напудрив их добела сахаром, отчего они очень сконфузились. Но больше всего вреда нанесла мышам тяжелая батарея, въехавшая на мамину скамеечку для ног и — бум-бум! — непрерывно обстреливавшая неприятеля круглыми пряничками, от которых полегло немало мышей.

Однако мыши все наступали и даже захватили несколько пушек; но тут поднялся шум и грохот — трр-трр! — и из-за дыма и пыли Мари с трудом могла разобрать, что происходит. Одно было ясно: обе армии бились с большим ожесточением, и победа переходила то на ту, то на другую сторону. Мыши вводили в бой все свежие и свежие силы, и серебряные пилюльки, которые они бросали весьма искусно, долетали уже до самого шкафа. Клерхен и Трудхен метались по полке и в отчаянии ломали ручки.

— Неужели я умру во цвете лет, неужели умру я, такая красивая кукла! — вопила Клерхен.

— Не для того же я так хорошо сохранилась, чтобы погибнуть здесь, в четырех стенах! — причитала Трудхен.

Потом они упали друг другу в объятия и так громко разревелись, что их не мог заглушить даже бешеный грохот битвы.



Вы и понятия не имеете, дорогие мои слушатели, что здесь творилось. Раз за разом бухали пушки: прр-прр!.. Др-др!.. Трах-тарарах-трах-тарарах!.. Бум-бурум-бум-бурум-бум!.. И тут же пищали и визжали мышиный король и мыши, а потом снова раздавался грозный и могучий голос Щелкунчика, командовавшего сражением. И было видно, как сам он обходит под огнем свои батальоны.

Панталоне провел несколько чрезвычайно доблестных кавалерийских атак и покрыл себя славой. Но мышиная артиллерия засыпала гусар Фрица отвратительными, зловонными ядрами, которые оставляли на их красных мундирах ужасные пятна, почему гусары и не рвались вперед. Панталоне скомандовал им «налево кругом» и, воодушевившись ролью полководца, сам повернул налево, а за ним последовали кирасиры и драгуны, и вся кавалерия отправилась восвояси. Теперь положение батареи, занявшей позицию на скамеечке для ног, стало угрожаемым; не пришлось долго ждать, как нахлынули полчища противных мышей и бросились в атаку столь яростно, что перевернули скамеечку вместе с пушками и пушкарями. Щелкунчик, по-видимому, был очень озадачен и скомандовал отступление на правом фланге. Ты знаешь, о мой многоопытный в ратном деле слушатель Фриц, что подобный маневр означает чуть ли не то же самое, что бегство с поля брани, и ты вместе со мной уже сокрушаешься о неудаче, которая должна была постигнуть армию маленького любимца Мари — Щелкунчика. Но отврати свой взор от этой напасти и взгляни на левый фланг Щелкунчиковой армии, где все обстоит вполне благополучно и полководец и армия еще полны надежды. В пылу битвы из-под комода тихонечко выступили отряды мышиной кавалерии и с отвратительным писком яростно набросились на левый фланг Щелкунчиковой армии; но какое сопротивление встретили они! Медленно, насколько позволяла неровная местность, ибо надо было перебраться через край шкафа, выступил и построился в каре корпус куколок с сюрпризами под предводительством двух китайских императоров. Эти бравые, очень пестрые и нарядные великолепные полки, составленные из садовников, тирольцев, тунгусов, парикмахеров, арлекинов, купидонов, львов, тигров, мартышек и обезьян, сражались с хладнокровием, отвагой и выдержкой. С мужеством, достойным спартанцев, вырвал бы

этот отборный батальон победу из рук врага, если бы некий бравый вражеский ротмистр не прорвался с безумной отвагой к одному из китайских императоров и не откусил ему голову, а тот при падении не задавил двух тунгусов и мартышку. Вследствие этого образовалась брешь, куда и устремился враг; и вскоре весь батальон был перегрызен. Но мало выгоды извлек неприятель из этого злодеяния. Как только кровожадный солдат мышиной кавалерии перегрызал пополам одного из своих отважных противников, прямо в горло ему попадала печатная бумажка, от чего он умирал на месте. Но помогло ли это Щелкунчиковой армии, которая, раз начав отступление, отступала все дальше и дальше и несла все больше потерь, так что вскоре только кучка смельчаков с злосчастным Щелкунчиком во главе еще держалась у самого шкафа? «Резервы, сюда! Панталоне, Скарамуш, барабанщик, где вы?» — взывал Щелкунчик, рассчитывавший на прибытие свежих сил, которые должны были выступить из стеклянного шкафа. Правда, оттуда прибыло несколько коричневых человечков из Торна, с золотыми лицами и в золотых шлемах и шляпах; но они дрались так неумело, что ни разу не попали во врага и, вероятно, сбили бы с головы шапочку своему полководцу Щелкунчику. Неприятельские егеря вскоре отгрызли им ноги, так что они попадали и при этом передавили многих соратников Щелкунчика. Теперь Щелкунчик, со всех сторон теснимый врагом, находился в большой опасности. Он хотел было перепрыгнуть через край шкафа, но ноги у него были слишком коротки. Клерхен и Трудхен лежали в обмороке — помочь ему они не могли. Гусары и драгуны резво скакали мимо него прямо в шкаф. Тогда он в предельном отчаянии громко воскликнул:

— Коня, коня! Полцарства за коня!

В этот миг два вражеских стрелка вцепились в его деревянный плащ, и мышиный король подскочил к Щелкунчику, испуская победный писк из всех своих семи глоток.

Мари больше не владела собой.

— О мой бедный Щелкунчик! — воскликнула она, рыдая, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, сняла с левой ноги туфельку и изо всей силы швырнула ею в самую гущу мышей, прямо в их короля.

В тот же миг все словно прахом рассыпалось, а Мари

почувствовала боль в левом локте, еще более жгучую, чем раньше, и без чувств повалилась на пол.

Болезнь

Когда Мари очнулась после глубокого забытья, она увидела, что лежит у себя в постельке, а сквозь замерзшие окна в комнату светит яркое, искрящееся солнце.

У самой ее постели сидел чужой человек, в котором она, однако, скоро узнала хирурга Вендельштерна. Он сказал вполголоса:

— Наконец-то она очнулась...

Тогда подошла мама и посмотрела на нее испуганным, пытливым взглядом.

— Ах, милая мамочка, — пролепетала Мари, — скажи: противные мыши убрались наконец и славный Щелкунчик спасен?

— Полно вздор болтать, милая Марихен! — возразила мать. — Ну на что мышам твой Щелкунчик? А вот ты, нехорошая девочка, до смерти напугала нас. Так всегда бывает, когда дети своевольничают и не слушаются родителей. Ты вчера до поздней ночи заигралась в куклы, потом задремала, и, верно, тебя напугала случайно прошмыгнувшая мышка: ведь вообще-то мышей у нас не водится. Словом, ты расшибла локтем стекло в шкафу и поранила себе руку. Хорошо еще, что ты не порезала стеклом вену! Доктор Вендельштерн, который как раз сейчас вынимал у тебя из раны застрявшие там осколки, говорит, что ты на всю жизнь осталась бы калекой и могла бы даже истечь кровью. Слава Богу, я проснулась в полночь, увидела, что тебя все еще нет в спальне, и пошла в гостиную. Ты без сознания лежала на полу у шкафа, вся в крови. Я сама со страху чуть не потеряла сознание. Ты лежала на полу, а вокруг были разбросаны оловянные солдатики Фрица, разные игрушки, поломанные куклы с сюрпризами и пряничные человечки. Щелкунчика ты держала в левой руке, из которой сочилась кровь, а неподалеку валялась твоя туфелька...

— Ах, мамочка, мамочка! — перебила ее Мари. — Ведь это же были следы великой битвы между куклами и мышами! Оттого-то я так испугалась, что мыши хотели забрать в плен бед-

ного Щелкунчика, командовавшего кукольным войском. Тогда я швырнула туфелькой в мышей, а что было дальше, не знаю.

Доктор Вендельштерн подмигнул матери, и та очень ласково стала уговаривать Мари:

— Полно, полно, милая моя детка, успокойся! Мыши все убежали, а Щелкунчик стоит за стеклом в шкафу, целый и невредимый.

Тут в спальню вошел советник медицины и завел долгий разговор с хирургом Вендельштерном, потом он пощупал у Мари пульс, и она слышала, что они говорили о горячке, вызванной раной.

Несколько дней ей пришлось лежать в постели и глотать лекарства, хотя, если не считать боли в локте, она почти не чувствовала недомогания. Она знала, что милый Щелкунчик вышел из битвы целым и невредимым, и по временам ей как сквозь сон чудилось, будто он очень явственным, хотя и чрезвычайно печальным голосом говорит ей: «Мари, прекрасная дама, многим я вам обязан, но вы можете сделать для меня еще больше».

Мари тщетно раздумывала, что бы это могло быть, но ничего не приходило ей в голову. Играть по-настоящему она не могла из-за больной руки, а если бралась за чтение или принималась перелистывать книжки с картинками, в глазах у нее рябило, так что приходилось отказываться от этого занятия. Поэтому время тянулось для нее бесконечно долго, и Мари едва могла дождаться сумерек, когда мать садилась у ее кроватки и читала и рассказывала всякие чудесные истории.

Вот и сейчас мать как раз кончила занимательную сказку про принца Факардина, как вдруг открылась дверь и вошел крестный Дроссельмейер.

— Ну-ка, дайте мне поглядеть на нашу бедную раненую Мари, — сказал он.

Как только Мари увидела крестного в обычном желтом сюртучке, у нее перед глазами со всей живостью всплыла та ночь, когда Щелкунчик потерпел поражение в битве с мышами, и она невольно крикнула старшему советнику суда:

— О крестный, какой ты гадкий! Я отлично видела, как ты сидел на часах и свесил на них свои крылья, чтобы часы били потише и не спугнули мышей. Я отлично слышала, как ты позвал

мышиного короля. Почему ты не поспешил на помощь Щелкунчику, почему ты не поспешил на помощь мне, гадкий крестный? Во всем ты один виноват. Из-за тебя я порезала руку и теперь должна лежать больная в постели!

Мать в страхе спросила:

— Что с тобой, дорогая Мари?

Но крестный скорчил странную мину и заговорил трескучим, монотонным голосом:

— Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Трик-и-трак! Всегда и впредь должен маятник скрипеть, песни петь. А когда пробьет звонок: бим-и-бом! — подходит срок. Не пугайся, мой дружок. Бьют часы и в срок и кстати, на погибель мышьей рати, а потом слетит сова. Раз-и-два и раз-и-два! Бьют часы, коль срок им выпал. Ходит маятник со скрипом. Меньше стука — вот в чем штука. Тик-и-так и трик-и-трак!

Мари широко открытыми глазами уставилась на крестного, потому что он оказался совсем другим и гораздо более уродливым, чем обычно, а правой рукой он махал взад и вперед, будто паяц, которого дергают за веревочку.

Она бы очень испугалась, если бы тут не было матери и если бы Фриц, прошмыгнувший в спальню, не прервал крестного громким смехом.

— Ах, крестный Дроссельмейер, — воскликнул Фриц, — сегодня ты опять такой потешный! Ты кривляешься совсем как мой паяц, которого я давно уже зашвырнул за печку.

Мать по-прежнему была очень серьезна и сказала:

— Дорогой господин старший советник, это ведь действительно странная шутка. Что вы имеете в виду?

— Господи Боже мой, разве вы позабыли мою любимую песенку часовщика? — ответил Дроссельмейер, смеясь. — Я всегда пою ее таким больным, как Мари.

И он быстро подсел к кровати и сказал:

— Не сердись, что я не выцарапал мышиному королю все четырнадцать глаз сразу, — этого нельзя было сделать. А зато я тебя сейчас порадую.

С этими словами старший советник суда полез в карман и осторожно вытащил оттуда — как вы думаете, дети, что? — Щелкунчика, которому он очень искусно вставил выпавшие зубки и вправил больную челюсть.

Мари вскрикнула от радости, а мать сказала, улыбаясь:

— Вот видишь, как заботится крестный о твоем Щелкунчике...

— А все-таки сознайся, Мари, — перебил крестный госпожу Штальбаум, — ведь Щелкунчик не очень складный и непригож собой. Если тебе хочется послушать, я охотно расскажу, что такое уродство появилось в его семье и стало там наследственным. А может быть, ты уже знаешь сказку о принцессе Пирлипат, ведьме Мышильде и искусном часовщике?

— Послушай-ка, крестный! — вмешался в разговор Фриц. — Что верно, то верно: ты отлично вставил зубы Щелкунчику, и челюсть тоже уже не шатается. Но почему у него нет сабли? Почему ты не повязал ему саблю?

— Ну ты неугомонный, — проворчал старший советник суда, — никак на тебя не угодишь! Сабля Щелкунчика меня не касается. Я вылечил его — пусть сам раздобывает себе саблю где хочет.

— Правильно! — воскликнул Фриц. — Если он храбрый малый, то раздобудет себе оружие.

— Итак, Мари, — продолжал крестный, — скажи, знаешь ли ты сказку о принцессе Пирлипат?

— Ах, нет! — ответила Мари. — Расскажи, милый крестный, расскажи!

— Надеюсь, дорогой господин Дроссельмейер, — сказала мама, — что на этот раз вы расскажете не такую страшную сказку, как обычно.

— Ну, конечно, дорогая госпожа Штальбаум, — ответил Дроссельмейер. — Напротив, то, что я буду иметь честь изложить вам, очень занятно.

— Ах, расскажи, расскажи, милый крестный! — закричали дети.

И старший советник суда начал так.

Сказка о твердом орехе

Мать Пирлипат была супругой короля, а значит, королевой, а Пирлипат как родилась, так в тот же миг и стала прирожденной принцессой. Король налюбоваться не мог на почивавшую в колыбельке красавицу дочурку. Он громко радовался, танцевал, прыгал на одной ножке и то и дело кричал:

— Хейза! Видел ли кто-нибудь девочку прекраснее моей Пирлипатхен?

А все министры, генералы, советники и штаб-офицеры прыгали на одной ножке, как их отец и повелитель, и хором громко отвечали:

— Нет, никто не видел!

Да, по правде говоря, и нельзя было отрицать, что с тех пор, как стоит мир, не появлялось еще на свет младенца прекраснее принцессы Пирлипат. Личико у нее было словно соткано из лилейно-белого и нежно-розового шелка, глазки — живая сияющая лазурь, а особенно украшали ее волосики, вившиеся золотыми колечками. При этом Пирлипатхен родилась с двумя рядами беленьких, как жемчуг, зубок, которыми она два часа спустя после рождения впилась в палец рейхсканцлера, когда он пожелал поближе исследовать черты ее лица, так что он завопил: «Ой-ой-ой!» Некоторые, впрочем, утверждают, будто он крикнул: «Ай-ай-ай!» Еще и сегодня мнения расходятся. Короче, Пирлипатхен на самом деле укусила рейхсканцлера за палец, и тогда восхищенный народ уверился в том, что в очаровательном, ангельском тельце принцессы Пирлипат обитают и душа, и ум, и чувство.

Как сказано, все были в восторге; одна королева неизвестно почему тревожилась и беспокоилась. Особенно странно было, что она приказала неусыпно стеречь колыбельку Пирлипат. Мало того что у дверей стояли драбанты, — было отдано распоряжение, чтобы в детской, кроме двух нянюшек, постоянно сидевших у самой колыбельки, еженощно дежурило еще шесть нянек, и — что казалось совсем нелепым и чего никто не мог понять — каждой няньке приказано было держать на коленях кота и всю ночь гладить его, чтобы он не переставая мурлыкал. Вам, милые детки, нипочем не угадать, зачем мать принцессы Пирлипат принимала все эти меры, но я знаю зачем и сейчас расскажу и вам.

Раз как-то ко двору короля, родителя принцессы Пирлипат, съехалось много славных королей и пригожих принцев. Ради такого случая были устроены блестящие турниры, представления и придворные балы. Король, желая показать, что у него много золота и серебра, решил как следует запустить руку в свою казну и устроить празднество, достойное его. Поэтому, выведав

от обер-гофповара, что придворный звездочет возвестил время, благоприятное для колки свиней, он задумал задать колбасный пир, вскочил в карету и самолично пригласил всех окрестных королей и принцев всего-навсего на тарелку супа, мечтая затем поразить их роскошеством. Потом он очень ласково сказал своей супруге-королеве:

— Милочка, тебе ведь известно, какая колбаса мне по вкусу...

Королева уже знала, к чему он клонит речь: это означало, что она должна лично заняться весьма полезным делом — изготовлением колбас, которым не брезговала и раньше. Главному казначею приказано было немедленно отправить на кухню большой золотой котел и серебряные кастрюли; печь растопили дровами сандалового дерева; королева повязала свой камчатый кухонный передник. И вскоре из котла потянуло вкусным духом колбасного навара. Приятный запах проник даже в государственный совет. Король, весь трепеща от восторга, не вытерпел.

— Прошу извинения, господа! — воскликнул он, побежал на кухню, обнял королеву, помешал немножко золотым скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в государственный совет.

Наступил самый важный момент: пора было разрезать на ломтики сало и поджаривать его на золотых сковородах. Придворные дамы отошли к сторонке, потому что королева из преданности, любви и уважения к царственному супругу собиралась лично заняться этим делом. Но как только сало начало зарумяниваться, послышался тоненький шепчущий голосок:

— Дай и мне отведать сальца, сестрица! И я хочу полакомиться — я ведь тоже королева. Дай и мне отведать сальца!

Королева отлично знала, что это говорит госпожа Мышильда. Мышильда уже много лет проживала в королевском дворце. Она утверждала, будто состоит в родстве с королевской фамилией и сама правит королевством Мышляндия, вот почему она и держала под печкой большой двор. Королева была женщина добрая и щедрая. Хотя вообще она не почитала Мышильду особой царского рода и своей сестрой, но в такой торжественный день от всего сердца допустила ее на пиршество и крикнула:

— Вылезайте, госпожа Мышильда! Покушайте на здоровье сальца.

И Мышильда быстро и весело выпрыгнула из-под печки,

вскочила на плиту и стала хватать изящными лапками один за другим кусочки сала, которые ей протягивала королева. Но тут нахлынули все кумовья и тетушки Мышильды и даже ее семь сыновей, отчаянные сорванцы. Они набросились на сало, и королева с перепугу не знала, как быть. К счастью, подоспела обер-гофмейстерина и прогнала непрошеных гостей. Таким образом, уцелело немного сала, которое, согласно указаниям призванного по этому случаю придворного математика, было весьма искусно распределено по всем колбасам.

Забили в литавры, затрубили в трубы. Все короли и принцы в великолепных праздничных одеяниях — одни на белых конях, другие в хрустальных каретах — потянулись на колбасный пир. Король встретил их с сердечной приветливостью и почетом, а затем, в короне и со скипетром, как и полагается государю, сел во главе стола. Уже когда подали ливерные колбасы, гости заметили, как все больше и больше бледнел король, как он возводил очи к небу. Тихие вздохи вылетали из его груди; казалось, его душой овладела сильная скорбь. Но когда подали кровяную колбасу, он с громким рыданьем и стонами откинулся на спинку кресла, обеими руками закрыв лицо. Все повскакали из-за стола. Лейб-медик тщетно пытался нащупать пульс у злосчастного короля, которого, казалось, снедала глубокая, непонятная тоска. Наконец после долгих уговоров, после применения сильных средств, вроде жженых гусиных перьев и тому подобного, король как будто начал приходить в себя. Он пролепетал едва слышно:

— Слишком мало сала!

Тогда неутешная королева бухнулась ему в ноги и простонала:

— О мой бедный, несчастный царственный супруг! О, какое горе пришлось вам вынести! Но взгляните: виновница у ваших ног — покарайте, строго покарайте меня! Ах, Мышильда со своими кумовьями, тетушками и семью сыновьями съела сало, и...

С этими словами королева без чувств упала навзничь. Но король вскочил, пылая гневом, и громко крикнул:

— Обер-гофмейстерина, как это случилось?

Обер-гофмейстерина рассказала, что знала, и король решил отомстить Мышильде и ее роду за то, что они сожрали сало, предназначенное для его колбас.

Созвали тайный государственный совет. Решили возбудить процесс против Мышильды и отобрать в казну все ее владения. Но король полагал, что пока это не помешает Мышильде, когда ей вздумается, пожирать сало, и потому поручил все дело придворному часовых дел мастеру и чудодею. Этот человек, которого звали так же, как и меня, а именно Христиан Элиас Дроссельмейер, обещал при помощи совершенно особых, исполненных государственной мудрости мер на веки вечные изгнать Мышильду со всей семьей из дворца.

И в самом деле: он изобрел весьма искусные машинки, в которых на ниточке было привязано поджаренное сало, и расставил их вокруг жилища госпожи салоежки.

Сама Мышильда была слишком умудрена опытом, чтобы не понять хитрости Дроссельмейера, но ни ее предостережения, ни ее увещания не помогли: все семь сыновей и много-много Мышильдиных кумовьев и тетушек, привлеченные вкусным запахом жареного сала, забрались в дроссельмейеровские машинки и только хотели полакомиться салом, как их неожиданно прихлопнула опускающаяся дверца, а затем их предали на кухне позорной казни. Мышильда с небольшой кучкой уцелевших родичей покинула эти места скорби и плача. Горе, отчаяние, жажда мести клокотали у нее в груди.

Двор ликовал, но королева была встревожена: она знала Мышильдин нрав и отлично понимала, что та не оставит неотомщенной смерть сыновей и близких.

И в самом деле, Мышильда появилась как раз тогда, когда королева готовила для царственного супруга паштет из ливера, который он очень охотно кушал, и сказала так:

— Мои сыновья, кумовья и тетушки убиты. Берегись, королева: как бы королева мышей не загрызла малютку принцессу! Берегись!

Затем она снова исчезла и больше не появлялась. Но королева с перепугу уронила паштет в огонь, и во второй раз Мышильда испортила любимое кушанье короля, на что он очень разгневался...

— Ну, на сегодняшний вечер довольно. Остальное доскажу в следующий раз, — неожиданно закончил крестный.

Как ни просила Мари, на которую рассказ произвел особенное впечатление, продолжать, крестный Дроссельмейер был

неумолим и со словами: «Слишком много сразу — вредно для здоровья; продолжение завтра», — вскочил со стула.

В ту минуту, когда он собирался уже выйти за дверь, Фриц спросил:

— Скажи-ка, крестный, это на самом деле правда, что ты выдумал мышеловку?

— Что за вздор ты городишь, Фриц? — воскликнула мать.

Но старший советник суда очень странно улыбнулся и тихо сказал:

— А почему бы мне, искусному часовщику, не выдумать мышеловку?

Продолжение сказки о твердом орехе

— Ну, дети, теперь вы знаете, — так продолжал на следующий вечер Дроссельмейер, — почему королева приказала столь бдительно стеречь красоточку принцессу Пирлипат. Как же было ей не бояться, что Мышильда выполнит свою угрозу — вернется и загрызет малютку принцессу! Машинка Дроссельмейера ничуть не помогала против умной и предусмотрительной Мышильды, а придворный звездочет, бывший одновременно и главным предсказателем, заявил, что только род кота Мурра может отвадить Мышильду от колыбельки. Потому-то каждой няньке приказано было держать на коленях одного из сынов этого рода, которых, кстати сказать, пожаловали чином тайного советника посольства, и облегчать им бремя государственной службы учтивым почесыванием за ухом.

Как-то, уже в полночь, одна из двух обер-гофнянек, которые сидели у самой колыбельки, вдруг очнулась, словно от глубокого сна. Все вокруг было охвачено сном. Никакого мурлыканья — глубокая, мертвая тишина, только слышно тиканье жучка-точильщика. Но что почувствовала нянька, когда прямо перед собой увидела большую противную мышь, которая поднялась на задние лапки и положила свою зловещую голову принцессе на лицо! Нянька вскочила с криком ужаса, все проснулись, но в тот же миг Мышильда — ведь большая мышь у колыбели Пирлипат была она — быстро шмыгнула в угол комнаты. Советники посольства бросились вдогонку, но не тут-то было: она шмыгнула в щель в полу. Пирлипатхен проснулась от суматохи и очень жалобно заплакала.

— Слава Богу, — воскликнули нянюшки, — она жива!

Но как же они испугались, когда взглянули на Пирлипатхен и увидели, что сталось с хорошеньким нежным младенцем! На тщедушном, скорчившемся тельце вместо кудрявой головки румяного херувима сидела огромная бесформенная голова; голубые, как лазурь, глазки превратились в зеленые, тупо вытаращенные гляделки, а ротик растянулся до ушей.

Королева исходила слезами и рыданиями, а кабинет короля пришлось обить ватой, потому что король бился головой об стену и жалобным голосом причитал:

— Ах, я несчастный монарх!

Теперь король, казалось, мог бы понять, что лучше было съесть колбасу без сала и оставить в покое Мышильду со всей ее запечной родней, но об этом отец принцессы Пирлипат не подумал — он просто-напросто свалил всю вину на придворного часовщика и чудодея Христиана Элиаса Дроссельмейера из Нюрнберга и отдал мудрый приказ: «Дроссельмейер должен в течение месяца вернуть принцессе Пирлипат ее прежний облик или, по крайней мере, указать верное к тому средство — в противном случае он будет предан позорной смерти от руки палача».

Дроссельмейер не на шутку перепугался. Однако он положился на свое умение и счастье и тотчас же приступил к первой операции, которую почитал необходимой. Он очень ловко разобрал принцессу Пирлипат на части, вывинтил ручки и ножки и осмотрел внутреннее устройство, но, к сожалению, он убедился, что с возрастом принцесса будет все безобразнее, и не знал, как помочь беде. Он опять старательно собрал принцессу и впал в уныние около ее колыбели, от которой не смел отлучаться.

Шла уже четвертая неделя, наступила среда, и король, сверкая в гневе очами и потрясая скипетром, заглянул в детскую к Пирлипат и воскликнул:

— Христиан Элиас Дроссельмейер, вылечи принцессу, не то тебе несдобровать!

Дроссельмейер принялся жалобно плакать, а принцесса Пирлипат тем временем весело щелкала орешки. Впервые часовых дел мастера и чудодея поразила ее необычайная любовь к орехам и то обстоятельство, что она появилась на свет уже с зубами. В самом деле, после превращения она кричала без

умолку, пока ей случайно не попался орешек; она разгрызла его, съела ядрышко и сейчас же угомонилась. С тех пор няньки то и дело унимали ее орехами.

— О святой инстинкт природы, неисповедимая симпатия всего сущего! — воскликнул Христиан Элиас Дроссельмейер. — Ты указуешь мне врата тайны. Я постучусь, и они откроются!

Он тотчас же испросил разрешения поговорить с придворным звездочетом и был отведен к нему под строгим караулом. Оба, заливаясь слезами, упали друг другу в объятия, так как были закадычными друзьями, затем удалились в потайной кабинет и принялись рыться в книгах, где говорилось об инстинкте, симпатиях и антипатиях и других таинственных явлениях.

Наступила ночь. Придворный звездочет поглядел на звезды и с помощью Дроссельмейера, великого искусника и в этом деле, составил гороскоп принцессы Пирлипат. Сделать это было очень трудно, ибо линии запутывались все больше и больше, но — о, радость! — наконец все стало ясно: чтобы избавиться от волшебства, которое ее изуродовало, и вернуть себе былую красоту, принцессе Пирлипат достаточно было съесть ядрышко ореха Кракатук.

У ореха Кракатук была такая твердая скорлупа, что по нему могла проехаться сорокавосьмифунтовая пушка и не раздавить его. Этот твердый орех должен был разгрызть и, зажмурившись, поднести принцессе человек, никогда еще не бривший ся и не носивший сапог. Затем юноше следовало отступить на семь шагов, не споткнувшись, и только тогда открыть глаза.

Три дня и три ночи без устали работали Дроссельмейер со звездочетом, и как раз в субботу, когда король сидел за обедом, к нему ворвался радостный Дроссельмейер, которому в воскресенье утром должны были снести голову, и возвестил, что найдено средство вернуть принцессе Пирлипат утраченную красоту. Король обнял его горячо и благосклонно и посулил ему бриллиантовую шпагу, четыре ордена и два новых праздничных кафтана.

— После обеда мы сейчас же и приступим, — любезно прибавил король. — Позаботьтесь, дорогой чудодей, чтобы небритый молодой человек в башмаках был под рукой и, как полагается, с орехом Кракатук. И не давайте ему вина, а то как бы он не споткнулся, когда, словно рак, будет пятиться семь шагов. Потом пусть пьет вволю!

Дроссельмейера напугала речь короля, и, смущаясь и робея, он пролепетал, что средство, правда, найдено, но что обоих — и орех, и молодого человека, который должен его разгрызть, — надо сперва отыскать, причем пока еще очень сомнительно, возможно ли найти орех и щелкунчика. В сильном гневе потряс король скипетром над венчанной главой и зарычал, как лев:

— Ну, так тебе снесут голову!

На счастье поверженного в страх и горе Дроссельмейера, как раз сегодня обед пришелся королю очень по вкусу, и поэтому он был расположен внимать разумным увещаниям, на которые не поскупилась великодушная королева, тронутая судьбой несчастного часовщика. Дроссельмейер приободрился и почтительно доложил королю, что, собственно, разрешил задачу — нашел средство к излечению принцессы, и тем самым заслужил помилование. Король назвал это глупой отговоркой и пустой болтовней, но в конце концов, выпив стаканчик желудочной настойки, решил, что оба — часовщик и звездочет — тронутся в путь и не вернутся до тех пор, пока у них в кармане не будет ореха Кракатук. А человека, нужного для того, чтобы разгрызть орех, по совету королевы, решили раздобыть путем многократных объявлений в местных и заграничных газетах и ведомостях с приглашением явиться во дворец...

На этом крестный Дроссельмейер остановился и обещал досказать остальное в следующий вечер.

Конец сказки о твердом орехе

И в самом деле, на следующий день вечером, только зажгли свечи, явился крестный Дроссельмейер и так продолжал свой рассказ:

— Дроссельмейер и придворный звездочет странствовали уже пятнадцать лет и все еще не напали на след ореха Кракатук. Где они побывали, какие диковинные приключения испытали, не пересказать, детки, и за целый месяц. Этого я делать и не собираюсь, а прямо скажу вам, что, погруженный в глубокое уныние, Дроссельмейер сильно стосковался по родине, по милому своему Нюрнбергу. Особенно сильная тоска напала на него как-то раз в Азии, в дремучем лесу, где он вместе со своим спутником присел выкурить трубочку кнастера.

«О дивный, дивный Нюрнберг мой, кто не знаком еще с тобой, пусть побывал он даже в Вене, в Париже и Петервардейне, душою будет он томиться, к тебе, о Нюрнберг, стремиться — чудесный городок, где в ряд красивые дома стоят».

Жалобные причитания Дроссельмейера вызвали глубокое сочувствие у звездочета, и он тоже разревелся так горько, что его слышно было на всю Азию. Но он взял себя в руки, вытер слезы и спросил:

— Досточтимый коллега, чего же мы здесь сидим и ревем? Чего не идем в Нюрнберг? Не все ли равно, где и как искать злополучный орех Кракатук?

— И то правда, — ответил, сразу утешившись, Дроссельмейер.

Оба сейчас же встали, выколотили трубки и из леса в глубине Азии прямехонько отправились в Нюрнберг.

Как только они прибыли, Дроссельмейер сейчас же побежал к своему двоюродному брату — игрушечному мастеру, токарю по дереву, лакировщику и позолотчику Кристофу Захариусу Дроссельмейеру, с которым не виделся уже много, много лет. Ему-то и рассказал часовщик всю историю про принцессу Пирлипат, госпожу Мышильду и орех Кракатук, а тот то и дело всплескивал руками и несколько раз в удивлении воскликнул:

— Ах, братец, братец, ну и чудеса!

Дроссельмейер рассказал о приключениях на своем долгом пути, рассказал, как провел два года у Финикового короля, как обидел и выгнал его Миндальный принц, как тщетно запрашивал он общество естествоиспытателей в городе Белок, — короче говоря, как ему нигде не удалось напасть на след ореха Кракатук. Во время рассказа Кристоф Захариус не раз прищелкивал пальцами, вертелся на одной ножке, причмокивал губами и приговаривал:

— Гм, гм! Эге! Вот так штука!

Наконец он подбросил к потолку колпак вместе с париком, горячо обнял двоюродного брата и воскликнул:

— Братец, братец, вы спасены, спасены, говорю я! Слушайте: или я жестоко ошибаюсь, или орех Кракатук у меня!

Он тотчас же принес шкатулочку, откуда вытащил позолоченный орех средней величины.

— Взгляните, — сказал он, показывая орех двоюродному

брату, — взгляните на этот орех. История его такова. Много лет тому назад, в сочельник, пришел сюда неизвестный человек с полным мешком орехов, которые он принес на продажу. У самых дверей моей лавки с игрушками он поставил мешок наземь, чтоб легче было действовать, так как у него произошла стычка со здешним продавцом орехов, который не мог потерпеть чужого торговца. В эту минуту мешок переехала тяжело нагруженная фура. Все орехи были передавлены, за исключением одного, который чужеземец, странно улыбаясь, и предложил уступить мне за цванцигер тысяча семьсот двадцатого года. Мне это показалось загадочным, но я нашел у себя в кармане как раз такой цванцигер, какой он просил, купил орех и позолотил его. Сам хорошенько не знаю, почему я так дорого заплатил за орех, а потом так берег его.

Всякое сомнение в том, что орех двоюродного брата — это действительно орех Кракатук, который они так долго искали, тут же рассеялось, когда подоспевший на зов придворный звездочет аккуратно соскоблил с ореха позолоту и отыскал на скорлупе слово «Кракатук», вырезанное китайскими письменами.

Радость путешественников была огромна, а двоюродный брат Дроссельмейер почел себя счастливейшим человеком в мире, когда Дроссельмейер уверил его, что счастье ему обеспечено, ибо отныне сверх значительной пенсии он будет получать золото для позолоты даром.

И чудодей и звездочет оба уже нахлобучили ночные колпаки и собирались укладываться спать, как вдруг последний, то есть звездочет, повел такую речь:

— Дражайший коллега, счастье никогда не приходит одно. Поверьте, мы нашли не только орех Кракатук, но и молодого человека, который разгрызет его и преподнесет принцессе ядрышко — залог красоты. Я имею в виду не кого иного, как сына вашего двоюродного брата. Нет, я не лягу спать, — вдохновенно воскликнул он. — Я еще сегодня ночью составлю гороскоп юноши! — С этими словами он сорвал колпак с головы и тут же принялся наблюдать звезды.

Племянник Дроссельмейера был в самом деле пригожий, складный юноша, который еще ни разу не брился и не надевал сапог. В ранней молодости он, правда, изображал два Рождества кряду паяца; но этого ни чуточки не было заметно: так искусно

он был воспитан стараниями отца. На святках он был в красивом красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, держал под мышкой шляпу и носил превосходный парик с косичкой. В таком блестящем виде стоял он в лавке у отца и со свойственной ему галантностью щелкал барышням орешки, за что и прозвали его Красавчик Щелкунчик.

Наутро восхищенный звездочет упал в объятия Дроссельмейера и воскликнул:

— Это он! Мы раздобыли его, он найден! Только, любезнейший коллега, не следует упускать из виду двух обстоятельств: во-первых, надо сплести вашему превосходному племяннику солидную деревянную косу, которая была бы соединена с нижней челюстью таким образом, чтобы ее можно было сильно оттянуть косой; затем, по прибытии в столицу надо молчать о том, что мы привезли с собой молодого человека, который разгрызет орех Кракатук, — лучше, чтобы он появился гораздо позже. Я прочел в гороскопе, что после того, как многие сломают себе на орехе зубы без всякого толку, король отдаст принцессу, а после смерти и королевство в награду тому, кто разгрызет орех и возвратит Пирлипат утраченную красоту.

Игрушечный мастер был очень польщен, что его сыночку предстояло жениться на принцессе и самому сделаться принцем, а затем и королем, и потому он охотно доверил его звездочету и часовщику. Коса, которую Дроссельмейер приделал своему юному многообещающему племяннику, удалась на славу, так что тот блестяще выдержал испытание, раскусив самые твердые персиковые косточки.

Дроссельмейер и звездочет немедленно дали знать в столицу, что орех Кракатук найден, а там сейчас же опубликовали воззвание, и когда прибыли наши путники с талисманом, восстанавливающим красоту, ко двору уже явилось много прекрасных юношей и даже принцев, которые, полагаясь на свои здоровые челюсти, хотели попытаться снять злые чары с принцессы.

Наши путники очень испугались, увидев принцессу. Маленькое туловище с тощими ручонками и ножками едва держало бесформенную голову. Лицо казалось еще уродливее из-за белой нитяной бороды, которой обросли рот и подбородок.

Все случилось так, как прочитал в гороскопе придворный

звездочет. Молокососы в башмаках один за другим ломали себе зубы и раздирали челюсти, а принцессе ничуть не легчало; когда же затем их в полуобморочном состоянии уносили приглашенные на этот случай зубные врачи, они стонали:

— Поди-ка раскуси такой орех!

Наконец король в сокрушении сердечном обещал дочь и королевство тому, кто расколдует принцессу. Тут-то и вызвался наш учтивый и скромный молодой Дроссельмейер и попросил разрешения тоже попытать счастья.

Принцессе Пирлипат никто так не понравился, как молодой Дроссельмейер, она прижала ручки к сердцу и от глубины души вздохнула: «Ах, если бы он разгрыз орех Кракатук и стал моим мужем!»

Вежливо поклонившись королю и королеве, а затем принцессе Пирлипат, молодой Дроссельмейер принял из рук обер-церемониймейстера орех Кракатук, положил его без долгих разговоров в рот, сильно дернул себя за косу и — щелк-щелк! — разгрыз скорлупу на кусочки. Ловко очистил он ядрышко от приставшей кожуры и, зажмурившись, поднес, почтительно шаркнув ножкой, принцессе, затем начал пятиться. Принцесса тут же проглотила ядрышко, и — о, чудо! — уродец исчез, а на его месте стояла прекрасная, как ангел, девушка, с лицом, словно сотканным из лилейно-белого и розового шелка, с глазами, сияющими, как лазурь, с вьющимися колечками золотыми волосами.

Трубы и литавры присоединились к громкому ликованию народа. Король и весь двор танцевали на одной ножке, как при рождении принцессы Пирлипат, а королеву пришлось опрыскивать одеколоном, так как от радости и восторга она упала в обморок.

Поднявшаяся суматоха порядком смутила молодого Дроссельмейера, которому предстояло еще пятиться положенные семь шагов. Все же он держался отлично и уже занес правую ногу для седьмого шага, но тут из подполья с отвратительным писком и визгом вылезла Мышильда. Молодой Дроссельмейер, опустивший было ногу, наступил на нее и так споткнулся, что чуть не упал.

О, злой рок! В один миг юноша стал так же безобразен, как до того принцесса Пирлипат. Туловище съежилось и едва

выдерживало огромную бесформенную голову с большими вытаращенными глазами и широкой, безобразно разинутой пастью. Вместо косы сзади повис узкий деревянный плащ, при помощи которого можно было управлять нижней челюстью.

Часовщик и звездочет были вне себя от ужаса, однако они заметили, что Мышильда вся в крови извивается на полу. Ее злодейство не осталось безнаказанным: молодой Дроссельмейер крепко ударил ее по шее острым каблуком, и ей пришел конец.

Но Мышильда, охваченная предсмертными муками, жалобно пищала и визжала:

— О твердый, твердый Кракатук, мне не уйти от смертных мук!.. Хи-хи... Пи-пи... Но, Щелкунчик-хитрец, и тебе придет конец: мой сынок, король мышиный, не простит моей кончины — отомстит тебе за мать мышья рать. О жизнь, была ты светла — и смерть за мною пришла... Квик!

Пискнув в последний раз, Мышильда умерла, и королевский истопник унес ее прочь.

На молодого Дроссельмейера никто не обращал внимания. Однако принцесса напомнила отцу его обещание, и король тотчас же повелел подвести к Пирлипат юного героя. Но когда бедняга предстал перед ней во всем своем безобразии, принцесса закрыла лицо обеими руками и закричала:

— Вон, вон отсюда, противный Щелкунчик!

И сейчас же гофмаршал схватил его за узкие плечики и вытолкал вон.

Король распалился гневом, решив, что ему хотели навязать в зятья Щелкунчика, во всем винил незадачливых часовщика и звездочета и на вечные времена изгнал обоих из столицы. Это не было предусмотрено гороскопом, составленным звездочетом в Нюрнберге, но он не преминул снова приступить к наблюдению за звездами и прочитал, что юный Дроссельмейер отменно будет вести себя в своем новом звании и, несмотря на все свое безобразие, сделается принцем и королем. Но его уродство исчезнет лишь в том случае, если семиголовый сын Мышильды, родившийся после смерти своих семи старших братьев и ставший мышиным королем, падет от руки Щелкунчика и если, несмотря на уродливую наружность, юного Дроссельмейера полюбит прекрасная дама. Говорят, что и в самом деле на святках видели молодого Дроссельмейера в Нюрнберге в

лавке его отца, хотя и в образе Щелкунчика, но все же в сане принца.

Вот вам, дети, сказка о твердом орехе. Теперь вы поняли, почему говорят: «Поди-ка раскуси такой орех!» и почему щелкунчики столь безобразны...

Так закончил старший советник суда свой рассказ.

Мари решила, что Пирлипат — очень гадкая и неблагодарная принцесса, а Фриц уверял, что если Щелкунчик и вправду храбрец, он не станет особенно церемониться с мышиным королем и вернет себе былую красоту.

Дядя и племянник

Кому из моих высокоуважаемых читателей или слушателей случалось порезаться стеклом, тот знает, как это больно и что это за скверная штука, так как рана заживает очень медленно. Мари пришлось провести в постели почти целую неделю, потому что при всякой попытке встать у нее кружилась голова. Все же в конце концов она совсем выздоровела и опять могла весело прыгать по комнате.

В стеклянном шкафу все блистало новизной — и деревья, и цветы, и дома, и по-праздничному расфуфыренные куклы, а главное, Мари нашла там своего милого Щелкунчика, который улыбался ей со второй полки, скаля два ряда целых зубов. Когда она, радуясь от всей души, глядела на своего любимца, у нее вдруг защемило сердце: а если все, что рассказал крестный — история про Щелкунчика и про его распрю с Мышильдой и ее сыном, — если все это правда? Теперь она знала, что ее Щелкунчик — молодой Дроссельмейер из Нюрнберга, пригожий, но, к сожалению, заколдованный Мышильдой племянник крестного Дроссельмейера.

В том, что искусный часовщик при дворе отца принцессы Пирлипат был не кто иной, как старший советник суда Дроссельмейер, Мари ни минуты не сомневалась уже во время рассказа. «Но почему же дядя не помог тебе, почему он не помог тебе?» — сокрушалась Мари, и в ней все сильнее крепло убеждение, что бой, при котором она присутствовала, шел за Щелкунчиково королевство и корону. «Ведь все куклы подчинялись ему, ведь совершенно ясно, что сбылось предсказание

придворного звездочета и молодой Дроссельмейер стал королем в кукольном царстве».

Рассуждая так, умненькая Мари, наделившая Щелкунчика и его вассалов жизнью и способностью двигаться, была убеждена, что они и в самом деле вот-вот оживут и зашевелятся. Но не тут-то было: в шкафу все стояло неподвижно по своим местам. Однако Мари и не думала отказываться от своего внутреннего убеждения — она просто решила, что всему причиной колдовство Мышильды и ее семиголового сына.

— Хотя вы и не в состоянии пошевельнуться или вымолвить словечко, милый господин Дроссельмейер, — сказала она Щелкунчику, — все же я уверена, что вы меня слышите и знаете, как хорошо я к вам отношусь. Рассчитывайте на мою помощь, когда она вам понадобится. Во всяком случае, я попрошу дядю, чтобы он помог вам, если в том будет нужда, своим искусством!

Щелкунчик стоял спокойно и не трогался с места, но Мари почудилось, будто по стеклянному шкафу пронесся легкий вздох, отчего чуть слышно, но удивительно мелодично зазвенели стекла, и тоненький, звонкий, как колокольчик, голосок пропел: «Мария, друг, хранитель мой! Не надо мук — я буду твой».

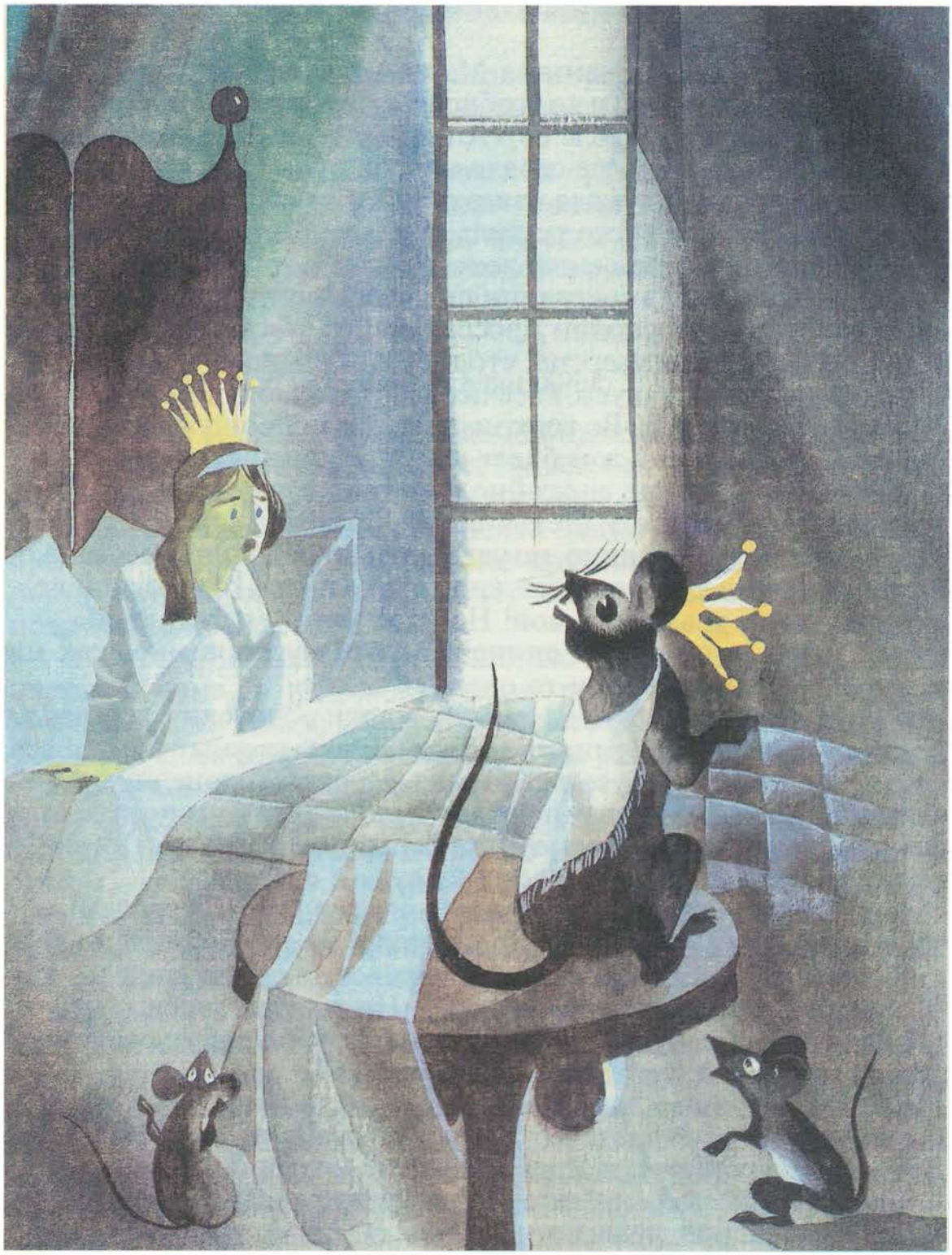
У Мари от страха по спине забегали мурашки, но, как ни странно, ей было почему-то очень приятно.

Наступили сумерки. В комнату вошли родители с крестным Дроссельмейером. Немного погодя Луиза подала чай, и вся семья, весело болтая, уселась за стол. Мари потихонечку принесла свое креслице и села у ног крестного. Улучив минутку, когда все замолчали, Мари посмотрела большими голубыми глазами прямо в лицо старшему советнику суда и сказала:

— Теперь, дорогой крестный, я знаю, что Щелкунчик — твой племянник, молодой Дроссельмейер из Нюрнберга. Он стал принцем или, вернее, королем: все так и случилось, как предсказал твой спутник, звездочет. Но ты ведь знаешь, что он объявил войну сыну госпожи Мышильды, уродливому мышиному королю. Почему ты ему не поможешь?

И Мари снова рассказала весь ход битвы, при которой присутствовала, и часто ее прерывал громкий смех матери и Луизы. Только Фриц и Дроссельмейер сохраняли серьезность.

— Откуда только девочка набралась такого вздору? — спросил советник медицины.



— Ну, у нее просто богатая фантазия, — ответила мать. — В сущности, это бред, порожденный сильной горячкой.

— Все это неправда, — сказал Фриц. — Мои гусары — не такие трусы, не то я бы им показал!

Но крестный, странно улыбаясь, посадил крошку Мари на колени и заговорил ласковее, чем обычно:

— Ах, милая Мари, тебе дано больше, чем мне и всем нам. Ты, как и Пирлипат, — прирожденная принцесса: ты правишь прекрасным, светлым царством. Но много придется тебе вытерпеть, если ты возьмешь под свою защиту бедного уродца Щелкунчика! Ведь мышиный король стережет его на всех путях и дорогах. Знай: не я, а ты, ты одна можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

Никто — ни Мари, ни остальные не поняли, что подразумевал Дроссельмейер; а советнику медицины слова крестного показались такими странными, что он пощупал у него пульс и сказал:

— У вас, дорогой друг, сильный прилив крови к голове: я вам пропишу лекарство.

Только супруга советника медицины задумчиво покачала головой и заметила:

— Я догадываюсь, что имеет в виду господин Дроссельмейер, но выразить это словами не могу.

Победа

Прошло немного времени, и как-то лунной ночью Мари разбудило странное постукиванье, которое, казалось, шло из угла, словно там перебрасывали и катали камешки, а по временам слышался противный визг и писк.

— Ай, мыши, мыши, опять тут мыши! — в испуге закричала Мари и хотела уже разбудить мать, но слова застряли у нее в горле.

Она не могла даже шевельнуться, потому что увидела, как из дыры в стене с трудом вылез мышиный король, и, сверкая глазами и коронами, принялся шмыгать по всей комнате; вдруг он одним прыжком вскочил на столик, стоявший у самой кроватки Мари.

— Хи-хи-хи! Отдай мне все драже, весь марципан, глупышка,

не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика! — пищал мышиный король и при этом противно скрипел и скрежетал зубами, а потом быстро скрылся в дырку в стене.

Мари так напугало появление страшного мышиного короля, что наутро она совсем осунулась и от волнения не могла вымолвить ни слова. Сто раз собиралась она рассказать матери, Луизе или хотя бы Фрицу о том, что с ней приключилось, но думала: «Разве мне кто-нибудь поверит? Меня просто поднимут на смех».

Однако ей было совершенно ясно, что ради спасения Щелкунчика она должна будет отдать драже и марципан. Поэтому вечером она положила все свои конфеты на нижний выступ шкафа. Наутро мать сказала:

— Не знаю, откуда взялись мыши у нас в гостиной. Взгляните-ка, Мари, они у тебя, бедняжки, все конфеты поели.

Так оно и было. Марципан с начинкой не понравился прожорливому мышиному королю, но он так обглодал его острыми зубками, что остатки пришлось выбросить. Мари нисколько не жалела о сластях: в глубине души она радовалась, так как думала, что спасла Щелкунчика. Но что она почувствовала, когда на следующую ночь у нее над самым ухом раздался писк и визг! Ах, мышиный король был тут как тут, и еще отвратительнее, чем в прошлую ночь, сверкали у него глаза, и еще противнее пропищал он сквозь зубы:

— Отдай мне твоих сахарных куколок, глупышка, не то я загрызу твоего Щелкунчика, загрызу Щелкунчика!

И с этими словами страшный мышиный король исчез.

Мари была очень огорчена. На следующее утро она подошла к шкафу и печально поглядела на сахарных и адрагантовых куколок. И горе ее было понятно, ведь ты не поверишь, внимательная моя слушательница Мари, какие расчудесные сахарные фигурки были у Мари Штальбаум: премиленькие пастушок с пастушкой пасли стадо белоснежных барашков, а рядом резвилась их собачка; тут же стояли два почтальона с письмами в руках и четыре очень миловидные пары — щеголеватые юноши и разряженные в пух и прах девушки — качались на русских качелях. Потом шли танцоры, за ними стояли Пахтер Фельдкюммель с Орлеанской Девственницей, которых Мари не очень-то ценила, а совсем в уголке стоял крас-

нощекий младенец — любимец Мари... Слезы брызнули у нее из глаз.

— Ах, милый господин Дроссельмейер, — воскликнула она, обращаясь к Щелкунчику, — чего я только не сделаю, лишь бы спасти вам жизнь, но, ах, как это тяжело!

Однако у Щелкунчика был такой жалобный вид, что Мари, которой и без того чудилось, будто мышиный король разинул все свои семь пастей и хочет проглотить несчастного юношу, решила пожертвовать ради него всем.

Итак, вечером она поставила всех сахарных куколок на нижний выступ шкафа, куда до того клала сласти. Поцеловала пастуха, пастушку, овечек; последним достала она из уголка своего любимца — краснощекого младенца — и поставила его позади всех других куколок. Фельдкюммель и Орлеанская Девственница попали в первый ряд.

— Нет, это уж слишком! — воскликнула на следующее утро госпожа Штальбаум. — Видно, в стеклянном шкафу хозяйничает большая, прожорливая мышь: у бедняжки Мари погрызены и обглоданы все хорошенькие сахарные куколки!

Мари, правда, не могла удержаться и заплакала, но скоро улыбнулась сквозь слезы, потому что подумала: «Что же делать, зато Щелкунчик цел!»

Вечером, когда мать рассказывала господину Дроссельмейеру про то, что натворила мышь в шкафу у детей, отец воскликнул:

— Что за гадость! Никак не удается извести мерзкую мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу и поедает у бедной Мари все сласти.

— Вот что, — весело сказал Фриц, — внизу, у булочника, есть прекрасный серый советник посольства. Я заберу его к нам наверх: он быстро покончит с этим делом и отгрызет мыши голову, будь то хоть сама Мышильда или ее сын, мышиный король.

— А заодно будет прыгать на столы и стулья и перебьет стаканы и чашки, и вообще с ним беды не оберешься! — смеясь, закончила мать.

— Да нет же! — возразил Фриц. — Этот советник посольства — ловкий малый. Хорошо бы так ходить по крыше, как он!

— Нет уж, пожалуйста, не нужно кота на ночь, — просила Луиза, не терпевшая кошек.

— Собственно говоря, Фриц прав, — сказал отец. — А пока можно поставить мышеловку. Есть у нас мышеловки?

— Крестный сделает нам отличную мышеловку: ведь он же их изобрел! — закричал Фриц.

Все рассмеялись, а когда госпожа Штальбаум сказала, что в доме нет ни одной мышеловки, Дроссельмейер заявил, что у него их несколько, и, действительно, сейчас же велел принести из дому отличную мышеловку.

Сказка крестного о твердом орехе ожила для Фрица и Мари. Когда кухарка поджаривала сало, Мари бледнела и дрожала. Все еще поглощенная сказкой с ее чудесами, она как-то даже сказала кухарке Доре, своей давней знакомой:

— Ах, ваше величество королева, берегитесь Мышильды и ее родни!

А Фриц обнажил саблю и заявил:

— Пусть только придут, уж я им задам!

Но и под плитой и на плите все было спокойно. Когда же старший советник суда привязал кусочек сала на тонкую ниточку и осторожно поставил мышеловку к стеклянному шкафу, Фриц воскликнул:

— Берегись, крестный-часовщик, как бы мышиный король не сыграл с тобой злой шутки!

Ах, каково пришлось бедной Мари на следующую ночь! У нее по руке бегали ледяные лапки, и что-то шершавое и противное прикоснулось к щеке и запищало и завизжало прямо в ухо. На плече у нее сидел противный мышиный король; из семи его разверстых пастей текли кроваво-красные слюни, и, скрежеща зубами, он прошипел на ухо оцепеневшей от ужаса Мари:

— Я ускользну — я в щель шмыгну, под пол юркну, не трону сала, ты так и знай. Давай, давай картинки, платьица сюда, не то беда, предупреждаю: Щелкунчика поймаю и искусаю... Хи-хи!.. Пи-пи!.. Квик-квик!

Мари очень опечалилась, а когда наутро мать сказала: «А гадкая мышь все еще не попалась!» — Мари побледнела и встревожилась, а мама подумала, что девочка грустит о сластях и боится мыши.

— Полно, успокойся, деточка, — сказала она, — мы прогоним гадкую мышь! Не помогут мышеловки — пускай тогда Фриц приносит своего серого советника посольства.

Как только Мари осталась в гостиной одна, она подошла к стеклянному шкафу и, рыдая, заговорила со Щелкунчиком:

— Ах, милый, добрый господин Дроссельмейер! Что могу сделать для вас я, бедная, несчастная девочка? Ну, отдам я на съедение противному мышиному королю все свои книжки с картинками, отдам даже красивое новое платьице, которое подарил мне младенец Христос, но ведь он будет требовать с меня еще и еще, так что под конец у меня ничего не останется, и он, пожалуй, захочет загрызть и меня вместо вас. Ах, я бедная, бедная девочка! Ну что мне делать, что мне делать?!

Пока Мари так горевала и плакала, она заметила, что у Щелкунчика на шее с прошлой ночи осталось большое кровавое пятно. С тех пор как Мари узнала, что Щелкунчик на самом деле молодой Дроссельмейер, племянник советника суда, она перестала носить его и баюкать, перестала ласкать и целовать, и ей даже было как-то неловко слишком часто до него дотрагиваться, но на этот раз она бережно достала Щелкунчика с полки и принялась заботливо оттирать носовым платком кровавое пятно на шее. Но как оторопела она, когда вдруг ощутила, что дружок Щелкунчик у нее в руках потеплел и шевельнулся! Быстро поставила она его обратно на полку. Тут губы у него приоткрылись, и Щелкунчик с трудом пролепетал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, верная моя подруга, сколь многим я вам обязан! Нет, не приносите в жертву ради меня книжки с картинками, праздничное платьице — раздобудьте мне саблю... Саблю! Об остальном позабочусь я сам, даже будь он...

Тут речь Щелкунчика прервалась, и его глаза, только что светившиеся глубокой печалью, снова померкли и потускнели. Мари ни капельки не испугалась, напротив того — она запрыгала от радости. Теперь она знала, как спасти Щелкунчика, не принося дальнейших тяжелых жертв. Но где достать для человечка саблю?

Мари решила посоветоваться с Фрицем, и вечером, когда родители ушли в гости и они вдвоем сидели в гостиной у стеклянного шкафа, она рассказала брату все, что приключилось с ней из-за Щелкунчика и мышиного короля и от чего теперь зависит спасение Щелкунчика.

Больше всего огорчило Фрица, что его гусары плохо вели

себя во время боя, как это выходило по рассказу Мари. Он очень серьезно переспросил ее, так ли оно было на самом деле, и, когда Мари дала ему честное слово, Фриц быстро подошел к стеклянному шкафу, обратился к гусарам с грозной речью, а затем в наказание за себялюбие и трусость срезал у них у всех кокарды с шапок и запретил им в течение года играть лейб-гусарский марш. Покончив с наказанием гусар, он обратился к Мари:

— Я помогу Щелкунчику достать саблю: только вчера я уволил в отставку с пенсией старого кирасирского полковника, и, значит, его прекрасная, острая сабля ему больше не нужна.

Упомянутый полковник проживал на выдаваемую ему Фрицем пенсию в дальнем углу, на третьей полке. Фриц достал его оттуда, отвязал и впрямь щегольскую серебряную саблю и надел ее Щелкунчику.

На следующую ночь Мари не могла сомкнуть глаз от тревоги и страха. В полночь ей послышалась в гостиной какая-то странная суматоха — звяканье и шорох. Вдруг раздалось: «Квик!»

— Мышиный король! Мышиный король! — крикнула Мари и в ужасе соскочила с кровати.

Все было тихо, но вскоре кто-то осторожно постучал в дверь и послышался тоненький голосок:

— Бесценная мадемуазель Штальбаум, откройте дверь и ничего не бойтесь! Добрые, радостные вести.

Мари узнала голос молодого Дроссельмейера, накинула юбочку и быстро отворила дверь. На пороге стоял Щелкунчик с окровавленной саблей в правой руке, с зажженной восковой свечкой — в левой. Увидев Мари, он тотчас же опустился на одно колено и заговорил так:

— О прекрасная дама! Вы одна вдохнули в меня рыцарскую отвагу и придали мощь моей руке, дабы я поразил дерзновенного, который посмел оскорбить вас. Коварный мышиный король повержен и купается в собственной крови! Соблаговолите милостиво принять трофеи из рук преданного вам до гробовой доски рыцаря.

С этими словами миленький Щелкунчик очень ловко стряхнул семь золотых корон мышиного короля, которые он нанизал на левую руку, и подал Мари, принявшей их с радостью.

Щелкунчик встал и продолжал так:

— Ах, моя бесценнейшая мадемуазель Штальбаум! Какие

диковинки мог бы я показать вам теперь, когда враг повержен, если бы вы соблаговолили пройти за мною хоть несколько шагов! О, сделайте, сделайте это, дорогая мадемуазель!

Кукольное царство

Я думаю, дети, всякий из вас, ни минуты не колеблясь, последовал бы за честным, добрым Щелкунчиком, у которого не могло быть ничего дурного на уме. А уж Мари и подавно, ведь она знала, что вправе рассчитывать на величайшую благодарность со стороны Щелкунчика, и была убеждена, что он сдержит слово и покажет ей много диковинок. Вот потому она и сказала:

— Я пойду с вами, господин Дроссельмейер, но только недалеко и ненадолго, так как я совсем еще не выспалась.

— Тогда, — ответил Щелкунчик, — я выберу кратчайшую, хотя и не совсем удобную дорогу.

Он пошел вперед. Мари — за ним. Остановились они в передней, у старого огромного платяного шкафа. Мари с удивлением заметила, что дверцы, обычно запертые на замок, распахнуты; ей хорошо было видно отцовскую дорожную лисью шубу, которая висела у самой дверцы. Щелкунчик очень ловко вскарабкался по выступу шкафа и резьбе и схватил большую кисть, болтавшуюся на толстом шнуре сзади на шубе. Он изо всей силы дернул кисть, и тотчас из рукава шубы спустилась изящная лесенка кедрового дерева.

— Не угодно ли вам подняться, драгоценнейшая мадемуазель Мари? — спросил Щелкунчик.

Мари так и сделала. И не успела она подняться через рукав, не успела выглянуть из-за воротника, как ей навстречу засиял ослепительный свет, и она очутилась на прекрасном благоуханном лугу, который весь искрился, словно блестящими драгоценными камнями.

— Мы на Леденцовом лугу, — сказал Щелкунчик. — А сейчас пройдем в те ворота.

Только теперь, подняв глаза, заметила Мари красивые ворота, возвышавшиеся в нескольких шагах от нее посреди луга; казалось, что они сложены из белого и коричневого, испещренного крапинками мрамора. Когда же Мари подошла поближе, она увидела, что это не мрамор, а миндаль в сахаре и изюм,

почему и ворота, под которыми они прошли, назывались, по уверению Щелкунчика, Миндально-Изюмными воротами. Простой народ весьма неучтиво называл их воротами обжор-студентов. На боковой галерее этих ворот, по-видимому сделанной из ячменного сахара, шесть обезьянок в красных куртках составили замечательный военный оркестр, который играл так хорошо, что Мари, сама того не замечая, шла все дальше и дальше по мраморным плитам, прекрасно сделанным из сахара, сваренного с пряностями.

Вскоре ее овеяли сладостные ароматы, которые струились из чудесной рощицы, раскинувшейся по обеим сторонам. Темная листва блестела и искрилась так ярко, что ясно видны были золотые и серебряные плоды, висевшие на разноцветных стеблях, и банты, и букеты цветов, украшавшие стволы и ветви, словно веселых жениха и невесту и свадебных гостей. При каждом дуновении зефира, напоенного благоуханием апельсинов, в ветвях и листве подымался шелест, а золотая мишура хрустела и трещала, словно ликующая музыка, которая увлекала сверкающие огоньки, и они плясали и прыгали.

— Ах, как здесь чудесно! — воскликнула восхищенная Мари.

— Мы в Рождественском лесу, любезная мадемуазель, — сказал Щелкунчик.

— Ах, как бы мне хотелось побыть здесь! Тут так чудесно! — снова воскликнула Мари.

Щелкунчик ударил в ладоши, и тотчас же явились крошечные пастухи и пастушки, охотники и охотницы, такие нежные и белые, что можно было подумать, будто они из чистого сахара. Хотя они и гуляли по лесу, Мари их раньше почему-то не заметила. Они принесли чудо какое хорошенькое золотое кресло, положили на него белую подушку из пастилы и очень любезно пригласили Мари сесть. И сейчас же пастухи и пастушки исполнили прелестный балет, а охотники тем временем весьма искусно трубили в рога. Затем все скрылись в кустарнике.

— Простите, дорогая мадемуазель Штальбаум, — сказал Щелкунчик, — простите за такие жалкие танцы. Но это танцоры из нашего кукольного балета — они только и знают, что повторять одно и то же, а то, что охотники так сонно и лениво трубили в трубы, тоже имеет свои причины. Бонбоньерки на

елках хотя и висят у них перед самым носом, но слишком высоко. А теперь не угодно ли вам пожаловать дальше?

— Да что вы, балет был просто прелесть какой и мне очень понравился! — сказала Мари, вставая и следуя за Щелкунчиком.

Они шли вдоль ручья, бегущего с нежным журчаньем и лепетом и наполнявшего своим чудным благоуханием весь лес.

— Это Апельсинный ручей, — ответил Щелкунчик на расспросы Мари, — но, если не считать его прекрасного аромата, он не может сравниться ни по величине, ни по красоте с Лимонадной рекой, которая, подобно ему, вливается в озеро Миндального молока.

И в самом деле, вскоре Мари услыхала более громкий плеск и журчанье и увидела широкий лимонадный поток, который катил свои гордые светло-желтые воды среди сверкающих, как изумруды, кустов. Необыкновенно бодрящей прохладой, услаждающей грудь и сердце, веяло от прекрасных вод. Неподалеку медленно текла темно-желтая река, распространявшая необычайно сладкое благоухание, а на берегу сидели красивые детки, которые удили маленьких толстых рыбок и тут же поедали их. Подойдя ближе, Мари заметила, что рыбки были похожи на ломбардские орехи. Немножко подальше на берегу раскинулась очаровательная деревушка. Дома, церковь, дом пастора, амбары были темно-коричневые с золотыми кровлями; а многие стены были расписаны так пестро, словно на них налепили миндалины и лимонные цукаты.

— Это село Пряничное, — сказал Щелкунчик, — расположенное на берегу Медовой реки. Народ в нем живет красивый, но очень сердитый, так как все там страдают зубной болью. Лучше мы туда не пойдем.

В то же мгновение Мари заметила красивый городок, в котором все дома сплошь были пестрые и прозрачные. Щелкунчик направился прямо туда, и вот Мари услышала беспорядочный веселый гомон и увидела тысячу хорошеньких человечков, которые разбирали и разгружали доверху нагруженные телеги, теснившиеся на базаре. А то, что они доставали, напоминало пестрые разноцветные бумажки и плитки шоколада.

— Мы в Конфетенхаузене, — сказал Щелкунчик, — сейчас как раз прибыли посланцы из Бумажного королевства и от шоколадного короля. Не так давно бедным конфетенхаузенцам

угрожала армия комариного адмирала; поэтому они покрывают свои дома дарами Бумажного государства и возводят укрепления из прочных плит, присланных шоколадным королем. Но, бесценная мадемуазель Штальбаум, мы не можем посетить все городки и деревушки страны — в столицу, в столицу!

Щелкунчик заторопился дальше, а Мари, сгорая от нетерпения, не отставала от него. Вскоре повеяло дивным благоуханием роз, и все словно озарилось нежно мерцающим розовым сиянием. Мари заметила, что это был отблеск розово-алых вод, со сладостно-мелодичным звуком плескавшихся и журчавших у ее ног. Волны все прибывали и прибывали и наконец превратились в большое прекрасное озеро, по которому плавали чудесные серебристо-белые лебеди с золотыми ленточками на шее и пели прекрасные песни, а бриллиантовые рыбки, словно в веселой пляске, ныряли и кувыркались в розовых волнах.

— Ах, — в восторге воскликнула Мари, — да ведь это же то самое озеро, что как-то пообещал мне сделать крестный! А я — та самая девочка, что должна была забавляться с миленькими лебедями.

Щелкунчик улыбнулся так насмешливо, как еще ни разу не улыбался, а потом сказал:

— Дяде никогда не смастерить ничего подобного. Скорее вы, милая мадемуазель Штальбаум... Но стоит ли над этим раздумывать! Лучше переправимся по Розовому озеру на ту сторону, в столицу.

Столица

Щелкунчик снова хлопнул в ладоши. Розовое озеро зашумело сильнее, выше заходили волны, и Мари увидела вдали двух золоточешуйчатых дельфинов, впряженных в раковину, сиявшую яркими, как солнце, драгоценными камнями. Двенадцать очаровательных арапчат в шапочках и передничках, сотканных из радужных перышек колибри, соскочили на берег и, легко скользя по волнам, перенесли сперва Мари, а потом Щелкунчика в раковину, которая сейчас же понеслась по озеру.

Ах, как чудно было плыть в раковине, овеваемой благоуханием роз и омываемой розовыми волнами! Золоточешуйчатые дельфины подняли морды и принялись выбрасывать хрустальные

струи высоко вверх, а когда эти струи ниспадали с вышины сверкающими и искрящимися дугами, чудилось, будто поют два прелестных, нежно-серебристых голоска:

«Кто озером плывет? Фея вод! Комарики, ду-ду-ду! Рыбки, плеск-плеск! Лебеди, блеск-блеск! Чудо-птичка, тра-ла-ла! Волны, пойте, вея, млея, — к нам плывет по розам фея; струйка резвая, взметнись — к солнцу, ввысь!»

Но двенадцати арапчатам, вскочившим сзади в раковину, видимо, совсем не нравилось пение водных струй. Они так трясли своими зонтиками, что листья финиковых пальм, из которых те были сплетены, мялись и гнулись, а арапчата отбивали ногами какой-то неведомый такт и пели:

«Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп! Мы по водам хороводом! Птички, рыбки — на прогулку, вслед за раковиной гулкой! Топ-и-тип и тип-и-топ, хлоп-хлоп-хлоп!»

— Арапчата — очень веселый народ, — сказал несколько смущенный Щелкунчик, — но как бы они не взбаламутили мне все озеро!

И правда, вскоре раздался громкий гул: удивительные голоса, казалось, плыли над озером. Но Мари не обращала на них внимания, — она смотрела в благоуханные волны, откуда ей улыбались прелестные девичьи лица.

— Ах, — радостно закричала она, хлопая в ладошки, — поглядите-ка, милый господин Дроссельмейер: там принцесса Пирлипат! Она так ласково мне улыбается... Да поглядите же, милый господин Дроссельмейер!

Но Щелкунчик печально вздохнул и сказал:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, это не принцесса Пирлипат, это вы. Только вы сами, только ваше собственное прелестное личико ласково улыбается из каждой волны.

Тогда Мари быстро отвернулась, крепко зажмурила глаза и совсем сконфузилась. В то же мгновение двенадцать арапчат подхватили ее и отнесли из раковины на берег. Она очутилась в небольшом лесочке, который был, пожалуй, еще прекраснее, чем Рождественский лес, так все тут сияло и искрилось; особенно замечательны были редкостные плоды, висевшие на деревьях, редкостные не только по окраске, но и по дивному благоуханию.

— Мы в Цукатной роще, — сказал Щелкунчик, — а вон там — столица.

Ах, что же увидала Мари! Как мне описать вам, дети, красоту и великолепие представшего перед глазами Мари города, который широко раскинулся на усеянной цветами роскошной поляне? Он блистал не только радужными красками стен и башен, но и причудливой формой строений, совсем не похожих на обычные дома. Вместо крыш их осеняли искусно сплетенные венки, а башни были увиты такими прелестными пестрыми гирляндами, что и представить себе нельзя.

Когда Мари и Щелкунчик проходили через ворота, которые, казалось, были сооружены из миндального печенья и цукатов, серебряные солдатики взяли на караул, а человечек в парчовом шлафроке обнял Щелкунчика со словами:

— Добро пожаловать, любезный принц! Добро пожаловать в Конфетенбург!

Мари очень удивилась, что такой знатный вельможа называет господина Дроссельмейера принцем. Но тут до них донесся гомон тоненьких голосков, шумно перебивавших друг друга, долетели звуки ликования и смеха, пение и музыка, и Мари, позабыв обо всем, сейчас же спросила Щелкунчика, что это.

— О любезная мадемуазель Штальбаум, — ответил Щелкунчик, — дивиться тут нечему: Конфетенбург — многолюдный, веселый город, тут каждый день веселье и шум. Будьте любезны, пойдемте дальше.

Через несколько шагов они очутились на большой, удивительно красивой базарной площади. Все дома были украшены сахарными галереями ажурной работы. Посередине, как обелиск, возвышался глазированный сладкий пирог, осыпанный сахаром, а вокруг из четырех искусно сделанных фонтанов били вверх струи лимонада, оршада и других вкусных прохладительных напитков. Бассейн был полон сбитых сливок, которые так и хотелось зачерпнуть ложкой. Но прелестнее всего были очаровательные человечки, во множестве толпившиеся тут. Они веселились, смеялись, шутили и пели; это их веселый гомон Мари слышала еще издали.

Тут были нарядно разодетые кавалеры и дамы, армяне и греки, евреи и тирольцы, офицеры и солдаты, и монахи, и пастухи, и паяцы — словом, всякий люд, какой только встречается на белом свете. В одном месте на углу поднялся страшный гвалт: народ кинулся врассыпную, потому что как раз в это время

проносили в паланкине Великого Могола, сопровождаемого девяноста тремя вельможами и семьюстами невольниками. Но надо же было случиться, что на другом углу цех рыбаков, в количестве пятисот человек, устроил торжественное шествие, а, на беду, турецкому султану как раз вздумалось проехаться в сопровождении трех тысяч янычар по базару; к тому же прямо на сладкий пирог надвигалась со звонкой музыкой и пением: «Слава могучему солнцу, слава!» процессия «прерванного торжественного жертвоприношения». Ну и поднялись же сумятица, толкотня и визг! Вскоре послышались стоны, так как в суматохе какой-то рыбак сшиб голову брамину, а Великого Могола чуть было не задавил паяц. Шум становился все бешеней и бешеней, уже начались толкотня и драка, но тут человек в парчовом шлафроке, тот самый, что у ворот приветствовал Щелкунчика в качестве принца, взобрался на пирог и, трижды дернув звонкий колокольчик, трижды громко крикнул: «Кондитер! Кондитер! Кондитер!» Сутолока мигом улеглась; всякий спасался как мог, и после того как распутались спутавшиеся шествия, когда вычистили перепачкавшегося Великого Могола и снова насадили голову брамину, опять пошло прерванное шумное веселье.

— В чем тут дело с кондитером, любезный господин Дроссельмейер? — спросила Мари.

— Ах, бесценная мадемуазель Штальбаум, кондитером здесь называют неведомую, но очень страшную силу, которая, по здешнему поверью, может сделать с человеком все, что ей вздумается, — ответил Щелкунчик, — это тот рок, который властвует над этим веселым народцем, и жители так его боятся, что одним упоминанием его имени можно угомонить самую большую сутолоку, как это сейчас доказал господин бургомистр. Тогда никто уже не помышляет о земном, о тумаках и шишках на лбу, всякий погружается в себя и говорит: «Что есть человек и во что он может превратиться?»

Громкий крик удивления — нет, крик восторга вырвался у Мари, когда она вдруг очутилась перед замком с сотней воздушных башенок, светившимся розово-алым сиянием. Там и сям по стенам были рассыпаны роскошные букеты фиалок, нарциссов, тюльпанов, левкоев, которые оттеняли ослепительную, отливающую алым светом белизну фона. Большой купол центрального

здания и остроконечные крыши башен были усеяны тысячами звездочек, сверкающих золотом и серебром.

— Вот мы и в Марципановом замке, — сказал Щелкунчик.

Мари не отрывала глаз от волшебного дворца, но все же она заметила, что на одной большой башне не хватает крыши, над восстановлением которой, по-видимому, трудились человечки, стоявшие на помосте из корицы. Не успела она задать вопрос Щелкунчику, как он сказал:

— Совсем недавно замку грозила большая беда, а может быть, и полное разорение. Великан Сладкоежка проходил мимо. Быстро откусил он крышу вон с той башни и принялся уже за большой купол, но жители Конфетенбурга умилостивили его, поднеся в виде выкупа четверть города и значительную часть Цукатной рощи. Он закусил ими и отправился дальше.

Вдруг тихо зазвучала очень приятная, нежная музыка. Ворота замка распахнулись, и оттуда вышли двенадцать крошек пажей с зажженными факелами из стеблей гвоздики в ручках. Головы у них были из жемчужин, туловища — из рубинов и изумрудов, а передвигались они на золотых ножках искусной работы. За ними следовали четыре дамы почти такого же роста, как Клерхен, в необыкновенно роскошных и блестящих нарядах; Мари мигом признала в них прирожденных принцесс. Они нежно обняли Щелкунчика и при этом воскликнули с искренней радостью:

— О принц, дорогой принц! Дорогой братец!

Щелкунчик совсем растрогался: он утирал часто набегавшие на глаза слезы, затем взял Мари за руку и торжественно объявил:

— Вот мадемуазель Мари Штальбаум, дочь весьма достойного советника медицины и моя спасительница. Не брось она в нужную минуту туфельку, не добудь она мне саблю вышедшего на пенсию полковника, меня загрыз бы противный мышиный король и я лежал бы уже в могиле. О мадемуазель Штальбаум! Может ли сравниться с ней по красоте, достоинству и добродетели Пирлипат, несмотря на то что та — прирожденная принцесса? Нет, говорю я, нет!

Все дамы воскликнули: «Нет!» — и, рыдая, принялись обнимать Мари.

— О благородная спасительница нашего возлюбленного царственного брата! О несравненная мадемуазель Штальбаум!

Затем дамы отвели Мари и Щелкунчика в покои замка, в зал, стены которого сплошь были сделаны из переливающегося всеми цветами радуги хрусталя. Но что понравилось Мари больше всего — это расставленные там хорошенькие стульчики, комодики, секретеры, изготовленные из кедра и бразильского дерева с инкрустированными золотыми цветами.

Принцессы уговорили Мари и Щелкунчика присесть и сказали, что они сейчас же собственноручно приготовят им угощение. Они тут же достали разные горшочки и мисочки из тончайшего японского фарфора, ложки, ножи, вилки, терки, кастрюльки и прочую золотую и серебряную кухонную утварь. Затем они принесли такие чудесные плоды и сласти, каких Мари и не видывала, и очень грациозно принялись выжимать прелестными белоснежными ручками фруктовый сок, толочь пряности, тереть сладкий миндаль — словом, принялись так славно хозяйничать, что Мари поняла, какие они искусницы в кулинарном деле и какое роскошное угощение ожидает ее. Прекрасно сознавая, что тоже кое-что в этом понимает, Мари втайне желала сама принять участие в занятии принцесс. Самая красивая из сестер Щелкунчика, словно угадав тайное желание Мари, протянула ей маленькую золотую ступку и сказала:

— Милая моя подружка, бесценная спасительница брата, потолки немножко карамелек.

Пока Мари весело стучала пестиком, так что ступка звенела мелодично и приятно, не хуже прелестной песенки, Щелкунчик начал подробно рассказывать о страшной битве с полчищами мышиного короля, о том, как он потерпел поражение из-за трусости своих войск, как потом противный мышиный король во что бы то ни стало хотел загрызть его, как Мари пришлось пожертвовать многими его подданными, которые были у нее на службе...

Во время рассказа Мари чудилось, будто слова Щелкунчика и даже ее собственные удары пестиком звучат все глуше, все невнятнее, и вскоре глаза ей застлала серебряная пелена — словно поднялись легкие клубы тумана, в которые погрузились принцессы... пажи... Щелкунчик... она сама... Где-то что-то шелестело, журчало и пело; странные звуки растворялись вдали. Вздымающиеся волны несли Мари все выше и выше... выше и выше... выше и выше...

Заключение

Та-ра-ра-бух! — и Мари упала с неимоверной высоты. Вот это был толчок! Но Мари тут же открыла глаза. Она лежала у себя в постельке. Было совсем светло, а около стояла мама и говорила:

— Ну можно ли так долго спать! Завтрак давно на столе.

Мои глубокоуважаемые слушатели, вы, конечно, уже поняли, что Мари, ошеломленная всеми виденными чудесами, в конце концов, заснула в зале Марципанового замка и что арапчата или пажи, а может быть, и сами принцессы отнесли ее домой и уложили в постельку.

— Ах, мамочка, милая моя мамочка, где только я не побывала этой ночью с молодым господином Дроссельмейером! Каких только чудес не насмотрелась!

И она рассказала все почти так же подробно, как только что рассказал я, а мама слушала и удивлялась.

Когда Мари окончила, мать сказала:

— Тебе, милая Мари, приснился длинный прекрасный сон. Но выкинь все это из головы.

Мари упрямо твердила, что видела все не во сне, а наяву. Тогда мать подвела ее к стеклянному шкафу, вынула Щелкунчика, который, как всегда, стоял на второй полке, и сказала:

— Ах ты, глупышка, откуда ты взяла, что деревянная нюрнбергская кукла может говорить и двигаться?

— Но, мамочка, — перебила ее Мари, — я ведь знаю, что крошка Щелкунчик — молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, племянник крестного!

Тут оба — и папа и мама — громко расхохотались.

— Ах, теперь ты, папочка, смеешься над моим Щелкунчиком, — чуть не плача, продолжала Мари, — а он так хорошо отзывался о тебе! Когда мы пришли в Марципановый замок, он представил меня принцессам — своим сестрам и сказал, что ты весьма достойный советник медицины!

Хохот только усилился, и теперь к родителям присоединились Луиза и даже Фриц. Тогда Мари побежала в другую комнату, быстро достала из своей шкатулочки семь корон мышиного короля и подала их матери со словами:

— Вот, мамочка, посмотри: вот семь корон мышиного

короля, которые прошлой ночью поднес мне в знак своей победы молодой господин Дроссельмейер!

Мама с удивлением разглядывала крошечные короны из какого-то незнакомого, очень блестящего металла и такой тонкой работы, что едва ли это могло быть делом рук человеческих. Господин Штальбаум тоже не мог насмотреться на короны. Затем и отец и мать строго потребовали, чтобы Мари призналась, откуда у нее коронки, но она стояла на своем.

Когда отец стал ее журить и даже обозвал лгуньей, она горько разрыдалась и стала жалобно приговаривать:

— Ах я бедная, бедная! Ну что мне делать?

Но тут вдруг открылась дверь и вошел крестный.

— Что случилось? Что случилось? — спросил он. — Моя крестница Марихен плачет и рыдает? Что случилось? Что случилось?

Папа рассказал ему, что случилось, и показал крошечные короны. Старший советник суда, как только увидел их, рассмеялся и воскликнул:

— Глупые выдумки, глупые выдумки! Да ведь это же коронки, которые я когда-то носил на цепочке от часов, а потом подарил Марихен в день ее рождения, когда ей минуло два года! Разве вы позабыли?

Ни отец, ни мать не могли этого припомнить.

Когда Мари убедилась, что лица у родителей опять стали ласковыми, она подскочила к крестному и воскликнула:

— Крестный, ведь ты же все знаешь! Скажи, что мой Щелкунчик — твой племянник, молодой господин Дроссельмейер из Нюрнберга, и что он подарил мне эти крошечные короны.

Крестный нахмурился и пробормотал:

— Глупые выдумки!

Тогда отец отвел маленькую Мари в сторону и сказал очень строго:

— Послушай, Мари, оставь раз навсегда выдумки и глупые шутки! И если ты еще раз скажешь, что уродец Щелкунчик — племянник твоего крестного, я выброшу за окно не только Щелкунчика, но и всех остальных кукол, не исключая и мамзель Клерхен.

Теперь бедняжка Мари, разумеется, не смела и заикнуться

о том, что переполняло ей сердце; ведь вы понимаете, что не так-то легко было Мари забыть все прекрасные чудеса, приключившиеся с ней. Даже, уважаемый читатель или слушатель, Фриц, даже твой товарищ Фриц Штальбаум сейчас же поворачивался спиной к сестре, как только она собиралась рассказать о чудесной стране, где ей было так хорошо. Говорят, что порой он даже бормотал сквозь зубы: «Глупая девчонка!» Но, издавна зная его добрый нрав, я никак не могу этому поверить; во всяком случае, доподлинно известно, что не веря больше ни слову в рассказах Мари, он на публичном параде формально извинился перед своими гусарами за причиненную обиду, приколол им вместо утраченных знаков отличия еще более высокие и пышные султаны из гусиных перьев и снова разрешил трубить лейб-гусарский марш. Ну, а мы-то знаем, какова была отвага гусар, когда отвратительные пули насажали им на красные мундиры пятна.

Говорить о своем приключении Мари больше не смела, но волшебные образы сказочной страны не оставляли ее. Она слышала нежный шелест, ласковые, чарующие звуки; она видела все снова, как только начинала об этом думать, и, вместо того чтобы играть, как бывало раньше, могла часами сидеть смирно и тихо, уйдя в себя, — вот почему все теперь звали ее маленькой мечтательницей.

Раз как-то случилось, что крестный чинил часы у Штальбаумов. Мари сидела около стеклянного шкафа и, грезя наяву, глядела на Щелкунчика. И вдруг у нее вырвалось:

— Ах, милый господин Дроссельмейер, если бы вы на самом деле жили, я не отвергла бы вас, как принцесса Пирлипат, за то, что из-за меня вы потеряли свою красоту!

Советник суда тут же крикнул:

— Ну, ну, глупые выдумки!

Но в то же мгновение раздался такой грохот и треск, что Мари без чувств свалилась со стула. Когда она очнулась, мать хлопотала около нее и говорила:

— Ну, можно ли падать со стула? Такая большая девочка! Из Нюрнберга сейчас приехал племянник господина старшего советника суда, будь умницей.

Она подняла глаза: крестный снова нацепил свой стеклянный парик, надел желтый сюртучок и довольно улыбался, а за

руку он держал, правда, маленького, но очень складного молодого человека, белого и румяного, как кровь с молоком, в великолепном красном, шитом золотом кафтане, в туфлях и белых шелковых чулках. К его жабо был приколот прелесть какой хорошенький букетик, волосы были тщательно завиты и напудрены, а вдоль спины спускалась превосходная коса. Крошечная шпага у него на боку так и сверкала, словно вся усеянная драгоценными камнями, под мышкой он держал шелковую шляпу.

Молодой человек проявил свой приятный нрав и благовоспитанность, подарив Мари целую кучу чудесных игрушек, и прежде всего — вкусный марципан и куколок взамен тех, что погрыз мышиный король, а Фрицу — замечательную саблю. За столом любезный юноша щелкал всей компании орешки. Самые твердые были ему нипочем; правой рукой он совал их в рот, левой дергал себя за косу, и — щелк! — скорлупа разлеталась на мелкие кусочки.

Мари вся зарделась, когда увидела учтивого юношу, а когда после обеда молодой Дроссельмейер предложил ей пройти в гостиную, к стеклянному шкафу, она стала пунцовой.

— Ступайте, ступайте играть, дети, только смотрите не ссорьтесь. Теперь, когда все часы у меня в порядке, я ничего не имею против! — напутствовал их старший советник суда.

Как только молодой Дроссельмейер очутился наедине с Мари, он опустился на одно колено и повел такую речь:

— О бесценная мадемуазель Штальбаум, взгляните: у ваших ног — счастливый Дроссельмейер, которому на этом самом месте вы спасли жизнь. Вы изволили вымолвить, что не отвергли бы меня, как гадкая принцесса Пирлипат, если бы из-за вас я стал уродом. Тотчас же я перестал быть жалким Щелкунчиком и обрел мою былую, не лишенную приятности наружность. О превосходная мадемуазель Штальбаум, осчастливьте меня вашей достойной рукой! Разделите со мной корону и трон, будем царствовать вместе в Марципановом замке.

Мари подняла юношу с колен и тихо сказала:

— Милый господин Дроссельмейер! Вы кроткий, добросердечный человек, да к тому же еще царствуете в прекрасной стране, населенной прелестным веселым народцем, — ну разве могу я не согласиться, чтобы вы были моим женихом!

И Мари тут же стала невестой Дроссельмейера. Рассказывают, что через год он увез ее в золотой карете, запряженной серебряными лошадьми, что на свадьбе у них плясали двадцать две тысячи нарядных кукол, сверкающих бриллиантами и жемчугом, а Мари, как говорят, еще и поныне королева в стране, где, если только у тебя есть глаза, ты всюду увидишь сверкающие цукатные рощи, прозрачные марципановые замки — словом, всякие чудеса и диковинки.

Вот вам сказка про Щелкунчика и мышиного короля.

Содержание

Сказки братьев Гримм
(перевод с немецкого Г. Петникова)

Золушка 5
Художник В. Синельщикова

Братец и сестрица 15
Художник В. Синельщикова

Семь воронов 23
Художник В. Синельщикова

Красная Шапочка 26
Художник В. Синельщикова

Мальчик-с-пальчик 32
Художник В. Синельщикова

Шесть лебедей 40
Художник В. Синельщикова

Снегурочка 47
Художник В. Синельщикова

Золотой гусь 58
Художник В. Синельщикова

Дух в бутылке 64
Художник В. Синельщикова

Королевич, который ничего не боялся 70
Художник В. Синельщикова

Салатный осел 77
Художник В. Синельщикова

Ворона 86
Художник А. Ерасов

Шестеро слуг 93
Художник А. Ерасов

Железный Ганс 102
Художник А. Ерасов

Русалка в пруду 112
Художник А. Ерасов

Бременские уличные музыканты 119
Художник А. Ерасов

Белая змея 124
Художник А. Ерасов

Госпожа Метелица 129
Художник А. Ерасов

Шиповничек 134
Художник А. Ерасов

Король-Дроздовик 138
Художник А. Ерасов

Гензель и Гретель 145
Художник А. Ерасов

Вильгельм Гауф

Карлик Нос 156
Перевод И. Татариновой.
Художник А. Бенедский

Сказание о гульдене с оленем 188
Перевод С. Шлапоберской
Художник А. Бенедский

Холодное сердце 209
Перевод С. Шлапоберской
Художник А. Бенедский

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Щелкунчик и мышиный король 256
Перевод И. Татариновой
Художник В. Никитин

НЕМЕЦКИЕ СКАЗКИ

Составитель
С.В. Константинов

Редактор
В.Г. Ткачева

Художественный редактор
Б.Н. Юдкин

Технический редактор
Л.П. Чуркина

Корректор
М.Е. Козлова

Лицензия Л.Р. № 060976 от 07.04.1992 г.

Подписано к печати 19.09.96. Гарнитура таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,00. Усл. кр.-отт. 167,23.
Уч.-изд. л. 20,86. Тираж 15 000 экз. Заказ 1855.

Издательство «Ариан», 121002, Москва, ул. Рылеева, 16.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Н 50 **Немецкие** сказки: Т. 4 / Сост. С. В. Константинов. — М.: Ариан, 1996. — 328 с., ил. — «Сказки народов мира: В 25 т.).

ISBN 5-7771-0003-1

Страна немецких сказок представлена в этой книге творчеством самых известных собирателей сказок Германии — братьев Гримм. Обладая незаурядным трудолюбием и изящным пером, опираясь на блестящее знание народного языка, Якоб и Вильгельм Гримм подарили детям всего мира Золушку и Мальчика-с-пальчик, Белоснежку и Бременских музыкантов и много других сказочных героев, встреча с которыми перенесет вас в мир чудесных приключений. В книгу вошли также и избранные сказки известных немецких писателей Вильгельма Гауфа (1802—1827) и Эрнста Гофмана (1776—1822).

Всемирная библиотека народной и авторской сказки

Сказки народов мира

Книги серии представляют сказки народов Великобритании, Скандинавии, Китая, Японии, Турции, Ирака, стран Дальнего Востока, Центральной Азии, Океании, Арабского Востока и др. Подготовлены к печати 7 томов серии.

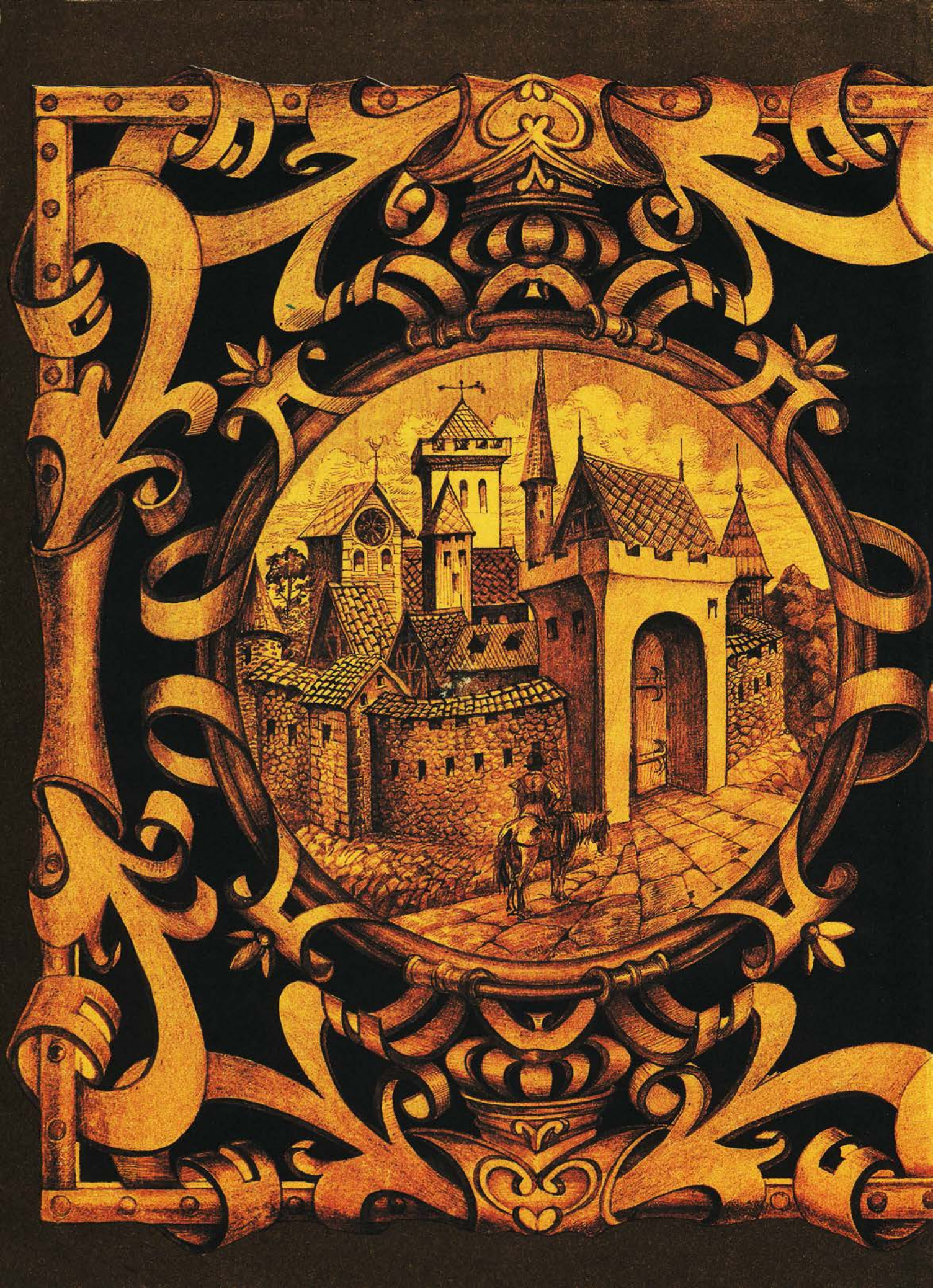
Сказки славянских народов

Самостоятельная серия, дополняющая предыдущую, включает сказки всех славянских народов. Помимо собрания народных сказок широко представлена мировая литературная сказка. Так авторские сказки русских писателей составляют около десяти книг славянской серии, является серией в серии.

Отличительная особенность предпринимаемых изданий — включение практически всех канонических сборников мирового сказочного репертуара, на которых выросли поколения детей — сборники: Ш. Перро, Г.Х. Андерсена, бр. Гримм, Гауфа, А. Линдрген, Конопницкой, Дж. Родари, Кэрелл, . . .

Эта самая полная сказочная иллюстрированная библиотека для Вас, Ваших детей и внуков станет украшением Вашей Всемирной Классической библиотеки в части мирового фольклора и литературной сказки.

Уже вышел 1 том "**Русские волшебные сказки**".



НЕМЕЦКИЕ
СКАЗКИ